СОЦІАЛЬНАЯ НАУКА

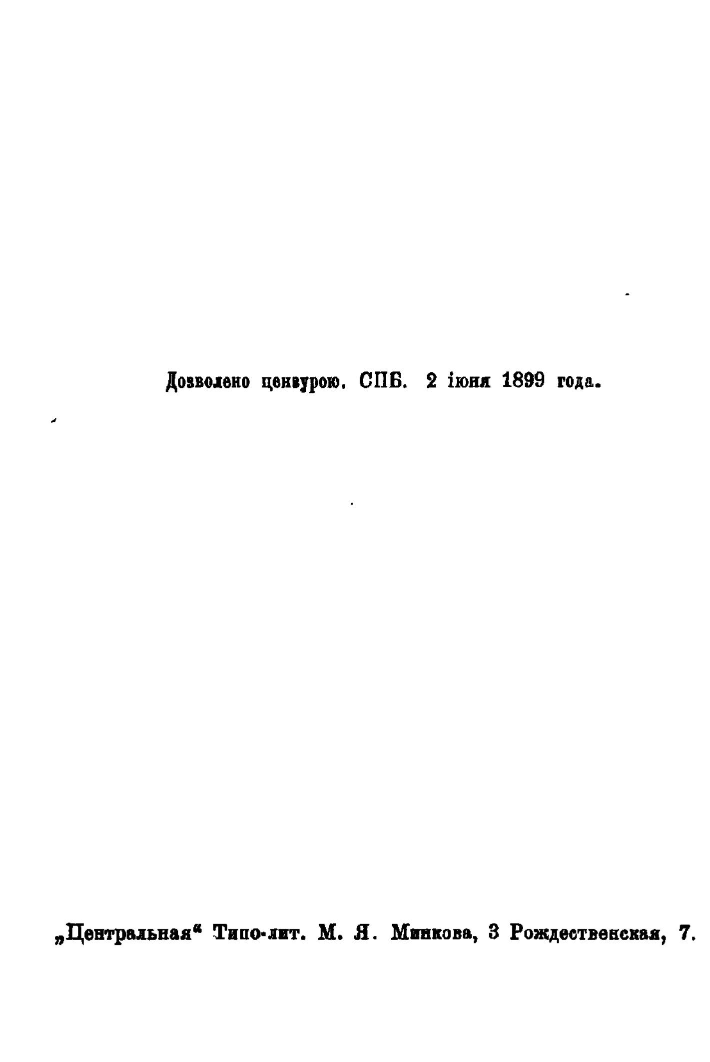
ВЪ

СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНІИ.

С. БУГЛЕ.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ф. А. ІОГАНСОНА
КІЕВЪ 1899 ХАРЬКОВЪ.

Дозволено цензурою. СПБ. 2 іюня 1899 года.

„Центральная“ Типо-лит. М. Я. Минкова, 3 Рождественская, 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Вопросъ о методѣ соціальныхъ наукъ въ послѣднее время интересуетъ французскихъ соціологовъ и философовъ. Поэтому, намъ кажется не безполезнымъ познакомить или напомнить французамъ то, что думаютъ и пишутъ по этому поводу въ Германіи.

Для этой цѣли мы избрали четырехъ авторовъ изъ различныхъ областей соціальной науки. Мы обратились къ Лазарусу, чтобы познакомиться, въ общихъ чертахъ, съ народной психологіей, къ Зиммелю для ознакомленія съ наукой о нравственности, къ Вагнеру—съ политической экономіей, къ Іерингу—съ философіей права. Мы слушали лекціи первыхъ трехъ ученыхъ въ Берлинскомъ университетѣ. Іеринга мы уже не застали,—онъ умеръ незадолго до нашего пріѣзда въ Германію,—но его духъ еще живетъ въ Берлинскомъ университетѣ.

Не смотря на различіе лѣтъ, спеціальностей и характеровъ, взгляды четырехъ названныхъ авторовъ имѣютъ между собой нѣсколько общихъ чертъ, свойственныхъ также общему направленію соціальныхъ наукъ въ современной Германіи. Мы постараемся выдѣлить эти общія черты, резюмировать взгляды каждаго автора и опредѣлить его методъ изслѣдованія по его приложенію въ частныхъ вопросахъ. Мы дадимъ затѣмъ характеристику историческаго положенія каждаго автора, т. е. его отношеніе къ предшествующимъ авторамъ, вліянія, среди которыхъ вырабатывались его взгляды; опредѣлимъ его роль въ философіи. Наконецъ, въ заключеніи мы сравнимъ положеніе соціальной науки во Франціи съ ея положеніемъ въ Германіи.

Но прежде, чѣмъ обратиться къ нашему изслѣдованію, не безполезно будетъ напомнить въ общихъ чертахъ исторію

развитія метода соціальныхъ наукъ въ Германіи въ XIX в. и отмѣтить мѣсто, занимаемое названными авторами.

I.

Исторія соціальныхъ наукъ, если ее окинуть общимъ взоромъ, можетъ быть раздѣлена на четыре фазы.

1) Первая фаза, которая соотвѣтствуетъ героической эпохѣ въ исторіи, знаменуется господствомъ спекулятивной философіи. Какъ ни различны системы Канта и Фихте, Шеллинга и Гегеля, онѣ имѣютъ одну общую черту—презрѣніе къ фактамъ. Онѣ строятъ Общество, Право, Государство, не заботясь о наблюденіи обществъ, правъ и государствъ XVIII в., смѣшавъ соціальную теорію съ соціальной практикой, какъ бы передавъ имъ по наслѣдству привычку къ apriori. Въ Англіи и во Франціи протестъ противъ правительственныхъ регламентацій, стѣснявшихъ свободу торговли и промышленности, принялъ форму аппеляціи къ вѣчнымъ законамъ политической экономіи и права. Чтобы защищать права личности противъ правительства, философы доказывали, что общество представляетъ продуктъ свободнаго договора. Этотъ индивидуализмъ проникаетъ въ Германію; Гете и Шиллеръ воспѣваютъ въ своихъ произведеніяхъ естественное право людей; Кантъ и Фихте доказываютъ его въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ. Кантъ презиралъ эмпирическую науку о правѣ, «эту красивую голову безъ мозга»; исходя изъ понятія индивида, онъ видитъ законы общества, всеобщіе и необходимые, независимые отъ времени и пространства, отъ историческихъ и географическихъ условій. Гегель, собственно говоря, разрушаетъ этотъ индивидуализмъ и абсолютизмъ своимъ пониманіемъ націи, государства и исторіи. Съ одной стороны онъ доказываетъ, что государство не представляетъ простого продукта индивидуальной дѣятельности, съ другой — что отношеніе между государствомъ и личностью мѣняется вмѣстѣ съ временемъ и пространствомъ, съ эпохой и страной. Но измѣ-

неніе доктрины не повлекло соотвѣтственнаго измѣненія въ методѣ. Чтобы опровергнуть Канта, Гегель обращается не къ историческимъ фактамъ, а къ логикѣ. Онъ строитъ будущее и его фазы изъ антитезы между Бытіемъ и Небытіемъ, ставя себѣ въ заслугу то, что его построенія не нуждаются въ помощи наблюденія. Извѣстно его скептическое отношеніе къ результатамъ историческаго изслѣдованія. Онъ питаетъ довѣріе лишь къ идеямъ.

Но идеи скоро вступаютъ въ противорѣчіе съ фактами. Стали замѣчать, что тысячи историческихъ фактовъ не вмѣщаются въ логическія рамки Гегеля, соціологія открыла цѣлый періодъ, предшествовавшій образованію государства и оставшійся внѣ гегеліанской системы [1]). Расширившаяся историческая наука показала, что развитіе народовъ не совершалось по правиламъ, предписаннымъ діалектикой. Съ другой стороны, замѣтили, что система Гегеля нерѣдко представляетъ въ метафизическихъ формулахъ факты, почерпнутые изъ исторіи. На мѣсто презрѣнія къ фактамъ становится недовѣріе къ идеямъ. Идеологическія построенія даютъ намъ представленіе о личности автора, но скрываютъ отъ насъ реальную исторію. Всѣ стремятся быть «объективными»; Ранке выражаетъ желаніе освободиться отъ собственнаго своего «я», чтобы заставить говорить сами факты. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ и особенно въ Тюбингенѣ нарождается цѣлая армія терпѣливыхъ изслѣдователей, занятыхъ скромнымъ собираніемъ фактовъ. Они посвящаютъ все свое вниманіе частностямъ, какъ раньше посвящали его абстракціямъ, изучаютъ временныя и мѣстныя различія. На мѣсто спекулятивныхъ обобщеній становятся частности и ихъ различіе. Уже Бекъ, Савиньи, Нибуръ боролись противъ теоріи Естественнаго права [2]). Нѣтъ Права, но есть отдѣльныя права. Каждой націи соотвѣтствуетъ особое право,

---

[1]) P. Barth. Die Geschichtsphilolosophie Hegels und Hegelianer bis auf Marx und Hartmann, Leipzig 1890.

[2]) Bluntschli. Geschichte der neueren Staatsvissenschaft. 3 ed. Münich et Leipzig. 1881 p. 596, 621.

связанное тысячью нитей съ прошлымъ народа. Право, какъ языкъ и литература, продуктъ національнаго духа. Экономисты вслѣдъ за историками начинаютъ возставать противъ теорій XVIII вѣка. Книсъ, который развиваетъ систематично идеи, брошенныя Листомъ, упрекаетъ экономистовъ прошлаго столѣтія въ томъ, что они претендовали дать законамъ политической экономіи всеобщее значеніе, что они не замѣчали историческихъ и національныхъ различій. Рошеръ, воспитанный исторической школой Тюбингена, подкрѣпляетъ его соображенія необозримой массой фактовъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ областей исторіи [1]). И по мѣрѣ того, какъ его послѣдователи, образовавшіе подъ руководствомъ Шмоллера «молодую историческую школу», раскрывали новые, болѣе точные факты, идея всеобщей и абстрактной экономической науки исчезала все болѣе и болѣе.

Но реакція противъ идеи во имя факта привела къ противоположной крайности. Разумъ былъ подавленъ массой фактовъ, собранныхъ историками. Появилось желаніе внести единство въ этотъ хаосъ фактическихъ данныхъ Борясь противъ понятій XVIII вѣка, юристы и экономисты, казалось, подкопались подъ самую идею научнаго закона. Противопоставляя космополитизму національзмъ, постоянному—временное, историческая политическая экономія, казалось, отказывалась отъ построенія соціальной науки и превращалась въ простую исторію. [2]) Но знаніе частностей не можетъ долго удовлетворять нашъ разумъ. Частности утомляютъ также, какъ пустыя отвлеченія. Разумъ требуетъ законовъ, чтобы оріентироваться посреди хаоса фактовъ.

Чтобы отыскать эти законы, соціальныя науки обратились къ наиболѣе успѣшно разрабатываемымъ наукамъ нашего вѣка и старались заимствовать у нихъ методъ. Разумъ, озабоченный

---

[1]) Schmoller, Zur Litteraturgeschichte der Staats und Socialvissenschaften. Leipzig. 1889 p. 147.

[2]) Menger. Die Irrthümer des Historismus in der deutchen Nationalökonomie. Vien. 1884.

построеніемъ науки, естественно старается свести неизвѣстное къ извѣстному и разрабатывать новое поле знанія съ помощью орудія, которое ему уже послужило съ такой пользой при разработкѣ старыхъ областей знанія. Такимъ образомъ, соціальныя науки, испытавшія уже вліяніе математики, астрономіи и даже химіи, теперь подпали вліянію естественныхъ наукъ [1]. Полагали, что такимъ образомъ молодая наука избѣжитъ двухъ опасностей: апріоризма спекулятивныхъ философовъ и эмпиризма историковъ. Чтобы открыть законы соціальныхъ явленій, достаточно ихъ сравнить съ явленіями біологическими. Такимъ образомъ, Шефле [2] и Лиліенфельдъ [3], чтобы построить науку о строеніи и жизни соціальнаго тѣла, сравниваютъ его систематически съ организмомъ.

Этотъ натурализмъ, кажется, не оставилъ серьезныхъ слѣдовъ въ нѣмецкой мысли. Изъ сопоставленія соціальныхъ наукъ съ естествознаніемъ, она удержала идею о необходимости анализа элементовъ соціальныхъ явленій. Но нѣмецкіе ученые полагаютъ теперь, что сближать систематично соціологію съ біологіей—значило бы объяснять *obscurum per obscurius* [4]. Съ другой стороны, причины соціальныхъ явленій скрываются не въ матеріи, а потому было бы странно прилагать къ нимъ непосредственно законы матеріальной жизни. Монизмъ, сводящій поспѣшно душевныя явленія къ явленіямъ природы, только вредитъ научному пониманію. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ признаетъ необходимость раздѣлять эти два міра явленій. Возрожденіе кантіанства [5] дозволяетъ имъ относиться

---

[1]) Dilthey. Einleitung in die Geistervissenschaften. Leipzig. 1883, 150, 478, 483.

[2]) Bau und Leben des socialen Körpers. 1875.

[3]) Gedanken über die Socialvissenschaft der Zukunft. 1873.

[4]) Dilthey. Op. cit.

[5]) См. статью Вундта въ Mind, 1877 г. и Beno-Erdmann'a въ Deutsche-Rundschau 1879 объ общихъ тенденціяхъ современной нѣмецкой философіи. См. также статью Rolen'a въ Revue Philosophique 1883 и Durkheim въ Revue Internationale 1886.

одинаково критически какъ къ натуралистической, такъ и къ діалектической школѣ. Гельмгольцъ и Дюбуа-Реймондъ, Лотце и Дюрингъ, исходя изъ различныхъ пунктовъ, соединяются въ признаніи необходимости ограниченія натурализма. Характерной чертой логикъ Вундта и Зигварта, Бено-Эрдмана и Дильти служитъ идея о специфическихъ особенностяхъ методовъ изслѣдованія въ обѣихъ большихъ областяхъ научнаго знанія. Отсюда стремленіе связать соціальныя явленія не съ біологическими, что ведетъ лишь къ поверхностнымъ аналогіямъ, но съ психологическими явленіями, въ которыхъ лежатъ причины соціальныхъ феноменовъ. Разграничивая область наукъ соціальныхъ отъ естествознанія, психологія даетъ намъ возможность отыскать подъ внѣшнимъ различіемъ экономическихъ правовыхъ явленій нѣкоторыя общія черты. Такимъ путемъ нѣкоторыя построенія спекулятивной философіи снова получаютъ извѣстное, по крайней мѣрѣ, методологическое значеніе; выраженныя въ терминахъ психологіи они находятъ примѣненіе для объясненія исторіи. Современная соціальная наука въ Германіи старается также избѣжать ошибокъ націонализма, какъ ошибокъ историзма [1]). Презрѣніе къ фактамъ ей такъ же чуждо, какъ недовѣріе къ идеямъ; она старается соединить оба источника нашихъ знаній, чтобы построить дѣйствительную соціальную науку.

Такова эволюція, подготовившая почву для трудовъ четырехъ выше названныхъ авторовъ. Въ ихъ произведеніяхъ мы находимъ вліяніе новаго направленія мысли, которое желаетъ связать соціальную науку съ психологіей и этимъ путемъ избѣжать какъ крайностей натурализма, такъ и крайностей историческаго спекулятивнаго метода.

Словами спекуляція, историзмъ, натурализмъ и психологія мы не думаемъ означить четыре, рѣзко разграниченныя стадіи въ исторіи нѣмецкой мысли, но лишь четыре идеальныхъ пункта, около которыхъ она сосредоточивается, или четыре

[1]) Diltey. Op. cit. 134. Bluntschli Op. cit. 756.

главныхъ метода соціальныхъ наукъ. Необходимо помнить, что ни одинъ изъ этихъ методовъ не изгонялъ окончательно предшествующихъ. Мишле, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, явился въ Берлинскомъ университетѣ представителемъ гегелевской философіи; духъ Шеллинга проникаетъ труды Шталя и Аренса. Историзмъ процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ когда либо, и Шмоллеръ имѣетъ столько же учениковъ, сколько и Вагнеръ. Натурализмъ, не смотря на рядъ ударовъ, которые онъ претерпѣлъ съ различныхъ сторонъ, продолжаетъ развивать свои метафоры. Даже болѣе, въ трудахъ каждаго изъ четырехъ вышеназванныхъ авторовъ, можно встрѣтить слѣды вліянія различныхъ направленій. Шмоллеръ посвящаетъ главу въ началѣ своихъ очерковъ по исторіи соціальной науки Фихте и находитъ въ его теоріяхъ о связи этики и политической экономіи элементы реализма. Тотъ же Шмоллеръ отмѣчаетъ вліяніе гегелевской діалектики на основателя исторической школы Книгса. Такимъ образомъ, историческая школа обязана многимъ діалектической философіи, противъ которой она выступила съ рѣзкой критикой. Діалектическая школа содержала въ себѣ зародыши натурализма, Шталь постоянно сравниваетъ общество съ организмомъ, а Краузе возводитъ это сравненіе въ систему. Историзмъ заключаетъ въ себѣ многіе элементы психологической школы. Представители органической школы отмѣчаютъ нерѣдко психологическій характеръ соціальныхъ явленій, и въ этомъ отношеніи критики Шефле часто были къ нему несправедливы. Наконецъ, въ трудахъ названныхъ четырехъ авторовъ можно найти слѣды всѣхъ предшествующихъ направленій.

Всѣ эти измѣненія и взаимодѣйствія тѣмъ болѣе естественны и понятны, что развитіе соціальныхъ наукъ въ Германіи не представляетъ результата дѣйствія одной силы. Названныя стадіи не являются продуктомъ развитія замкнутой системы идей, двигающихся по законамъ внутренней діалектики, но продуктомъ дѣйствія многихъ причинъ.

Напомнимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

II.

Первая изъ этихъ причинъ заключается во вліяніи развитія соціальныхъ наукъ заграницей.

Въ XVIII вѣкѣ идеи Руссо и Ад. Смита оказали сильное вліяніе въ Германіи. Въ XIX вѣкѣ, на смѣну идей Руссо и Смита, является позитивизмъ и эволюціонизмъ. Въ трудахъ Конта, Дарвина, Бокля, Стюарта Милля находятся многія идеи, обновившія соціальныя науки въ Германіи.

Вліяніе Дарвина во всѣхъ областяхъ научнаго знанія и во всѣхъ странахъ не требуетъ особыхъ подтвержденій. Исторія англійской цивилизаціи Бокля была одной изъ наиболѣе читаемыхъ книгъ въ Германіи. И если труды Спенсера не пользуются большимъ успѣхамъ въ Германіи, во всякомъ случаѣ его этика и принципы соціологіи привлекли всеобщее вниманіе. Наконецъ, логика Стюарта Милля повсюду цитируется. Что касается Конта, то его вліяніе трудно прослѣдить потому что онъ оставилъ мало непосредственныхъ слѣдовъ. Кажется, до послѣдняго времени его мало читали въ Германіи. Но позитивизмъ представляетъ доктрину, которой можно проникнуться, не будучи знакомымъ съ трудами его основателя. И потомъ, не представляютъ ли воззрѣнія Бокля, Стюарта Милля и часто Спенсера, несмотря на его протесты, въ значительной долѣ наслѣдіе позитивной философіи? Такимъ образомъ, если вліяніе Конта въ Германіи и было косвенно, тѣмъ не менѣе, оно не было незначительно.

Всѣ названныя вліянія, кажется, должны были толкнуть нѣмецкую соціальную науку въ сторону натурализма; но мы указали уже, что натурализмъ не оказалъ глубокаго вліянія на нѣмецкую мысль. Нѣмцы имѣютъ, слѣдовательно, право утверждать, что вліяніе Англіи и Франціи на прогрессъ ихъ соціальной науки не было значительнымъ. Главныя идеи, выдвинутыя французскими и англійскими мыслителями, вызвали больше возраженій, чѣмъ подражаній. Философія Канта дала

возможность нѣмецкой мысли отнестись къ нимъ критически. Лазарусъ [1]) утверждаетъ, что можно отнять всѣ элементы, внесенные въ нѣмецкую соціальную науку подъ вліяніемъ Спенсера, не нарушая ни одной изъ ея существенныхъ частей. Бартъ [2]) указываетъ на недостатки аналогій спенсеровской соціологіи. Бернгаймъ [3]), Вундтъ [4]), Шмоллеръ [5]) упрекаютъ Стюарта Милля въ желаніи примѣнить въ обществовѣдѣніи методъ естественныхъ наукъ. Въ классификаціи наукъ Конта нѣмецкіе ученые указываютъ на отсутствіе психологіи. Дильти [6]) смѣется надъ его усиліями построить соціологію безъ психологіи и замѣчаетъ, что позитивизмъ не что иное, какъ натуралистическая метафизика, которая удаляетъ насъ отъ дѣйствительной соціальной науки еще болѣе, чѣмъ метафизика идеализма.

Эти утвержденія въ одно и тоже время справедливы и ложны. Если вѣрно, съ одной стороны, что эволюціонизмъ и позитивизмъ заключаютъ въ себѣ тенденцію подчинить соціальныя науки методу естественныхъ, надо также признать, что въ эволюціонизмѣ, какъ и въ позитивизмѣ скрываются силы, опираясь на которыя, нѣмецкіе ученые могли освободить соціологію отъ господства натурализма.

Прежде всего эволюціонизмъ залючаетъ въ себѣ гипотезы, необходимыя для построенія соціологіи. Ошибочно полагать, вслѣдъ за Гекелемъ, что эволюціонизмъ стремиться дать всѣмъ явленіямъ механическое объясненіе и свести соціальные феномены къ физическимъ. Не заключаютъ ли въ себѣ предположенія эволюціонистовъ теологіи [7]) и не походятъ ли ихъ силы

---

[1]) Въ своемъ курсѣ, читанномъ въ Берлинскомъ университетѣ.

[2]) Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie. Heft 2. 1893.

[3]) Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode 1894 p. 96, 125.

[4]) Logik. II. Methodenlehre 2-я часть 1895, 83.

[5]) Handwörterbuch der Staatswissenschaften, herausgegeben von Conrad. Bd. VI, 556.

[6]) Dilthey. Op. cit. 131, 134.

[7]) Wundt. Logik. I послѣдняя глава.

болѣе на психическую, чѣмъ механическую энергію? Теорія борьбы за существованіе не имѣла бы значенія безъ предположенія тенденціи къ самосохраненію въ живомъ существѣ, теоріи приспособленія къ средѣ—безъ предположенія приспособляющей силы. Опровергая монизмъ Гекеля, нѣмецкіе ученые, находящіеся на самыхъ различныхъ точкахъ зрѣнія, отмѣчаютъ указанныя гипотезы, которыя должны употребляться въ біологіи съ крайнею осторожностью, но которыя находятъ плодотворное примѣненіе въ области соціальныхъ наукъ. Однимъ словомъ, размышленіе объ основныхъ посылкахъ эволюціонизма открыло для нѣмецкихъ мыслителей объективную стоимость теологіи.

Въ этомъ заключается одна изъ характерныхъ чертъ современной нѣмецкой мысли.

Съ другой стороны, если логика Стюарта Милля проникнута въ извѣстномъ отношеніи духомъ натурализма, необходимо отмѣтить также, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, показавшихъ необходимость психологіи и въ частности психологіи народовъ для построенія соціальной науки. Дильти заимствуетъ у него терминъ «науки о духѣ». Въ противуположность ученію Бекона, Милль показалъ важную роль дедукціи въ соціальныхъ наукахъ. Когда Менгеръ и Вагнеръ указываютъ, въ своей полемикѣ противъ крайностей историзма, на важность дедукціи, они идутъ по слѣдамъ Милля.

Наконецъ, что касается Конта, если онъ и не даетъ мѣста психологіи въ своей системѣ, то не надо этимъ обманываться. Въ самомъ дѣлѣ тотъ же Контъ объявляетъ, что «исторія общества опредѣляется исторіей человѣческаго ума» Онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что «въ концѣ концовъ, въ основаніи соціальнаго механизма лежатъ мнѣнія людей». Опредѣлять три стадіи въ развитіи общества тремя стадіями въ развитіи науки не значитъ ли давать значительную роль психологіи? Въ окончательномъ результатѣ его историческая философія носитъ печать интелектуализма. Въ этомъ смыслѣ нѣмцы могли найти въ позитивизмѣ какъ бы противоядіе противъ ис-

торическаго матеріализма, который кладетъ въ основаніе общества экономическую структуру и видитъ въ религіозныхъ, нравственныхъ и интелектуальныхъ явленіяхъ лишь «надстройки». Современная нѣмецкая соціальная наука стремится объяснить исторію, въ противоположность Марксу, какъ съ помощью «низшихъ» матеріальныхъ явленій, такъ и съ помощью высшихъ духовныхъ. Въ этой реакціи противъ историческаго матеріализма крайній интеллектуализмъ Конта сыгралъ свою роль.

III.

Болѣе глубоко и болѣе замѣтно вліяніе внутреннихъ причинъ, именно вліяніе историческихъ событій. Здѣсь не мѣсто касаться общаго вопроса объ отношеніи между наукой и жизнью. Не имѣя претензій измѣрить вліяніе, которое оказало жизнь на науку, ни наука на жизнь, мы желаемъ только отмѣтить связь, существующую между общими философскими, историческими, юридическими и экономическими идеями, съ одной стороны, и крупными политическими движеніями — съ другой.

Переворотъ, ознаменовавшій конецъ прошлаго столѣтія, оказалъ громадное вліяніе на умы всего цивилизованнаго міра. Желая защищать или бороться противъ революціи, мыслители строили противуположныя системы.

Кантъ и Фихте, по выраженію Гегеля, явились метафизиками революціи. Противъ нихъ соединились историческая и діалектическая школа. Послѣ паденія французскаго господства въ 1815 г., французскія идеи становятся предметомъ ненависти. Онѣ были распространены по всей Европѣ побѣднымъ шествіемъ Наполеона; онѣ пали вмѣстѣ съ его паденіемъ, въ которомъ увидѣли признакъ ихъ слабости. Нѣмецкая нація требуетъ интеллектуальной свободы одновременно со свободой политической.

Правда, Гегель, какъ Гете, остался равнодушнымъ къ на-

ціональному воодушевленію, но, борясь противъ идей естественнаго права, онъ тѣмъ самымъ боролся противъ французской революціи. Его философія, какъ было замѣчено, представляла философію Прусскаго государства [1]). Онъ самъ замѣтилъ нѣкоторое сходство между своей системой и прусской политикой [2]). Онъ развилъ понятіе государства, какъ воплощенія абсолютной Божественной идеи, понятіе, сыгравшее большую роль въ исторіи нѣмецкаго объединенія.

Въ то время, какъ діалектическая школа была занята, главнымъ образомъ, развитіемъ идеи государства,—историческая разрабатывала понятіе національности и старалась вдохнуть въ нѣмецкій народъ національное самосознаніе. Сбросивъ иноземное иго, нѣмецкая нація обращается съ особой любовью къ своему прошлому. Исторія языка, мифовъ, права обнажаетъ глубокія основы нѣмецкаго національнаго духа. Вмѣсто космополитизма XVIII вѣка, развивается національное чувство. Оно проникаетъ не только въ произведенія искусства, но также въ науку и накладываетъ на нее свою печать. Не безъ основанія терминъ романтика прилагаютъ одинаково какъ къ поэтамъ, такъ и ученымъ этой эпохи.

Исторія наполнена этимъ духомъ. Въ немъ находятъ опору новыя теоріи права и политической экономіи, построенныя для борьбы противъ идей XVIII вѣка. Мы уже указывали, что Савиньи видитъ въ правѣ какъ бы расцвѣтъ національнаго духа. Опираясь на это понятіе, онъ отрицаетъ у своихъ современниковъ право перестраивать на ново юридическую систему! Тибо хотѣлъ построить систему общаго гражданскаго права; Савиньи видитъ въ этой попыткѣ возвращеніе къ идеямъ революціи. Право нельзя фабриковать, какъ машины; оно медленно организуется въ глубинѣ народнаго духа.

Историческая школа въ ту эпоху, въ борьбѣ народа съ правительствомъ, становилась на сторону послѣдняго. Она

---

1) Bluntschli. Op. cit. 601.

2) Levy Bruhl. L'Allemagne dépuis Leibnitz.

скрываетъ въ себѣ консервативныя тенденціи, какъ теорія естественнаго права тенденціи революціонныя. Ея антипатія къ французской революціи заставляла ее вставать противъ всякой попытки освободить массы. Разсказываютъ, что вѣсть о революціи 1830 г. ускорила кончину Нибура. Правительство Реставраціи не разъ опиралось на авторитетъ именъ Нибура, Савиньи и Гегеля [1]).

Доктрины экономистовъ преслѣдовали иныя практическія цѣли. Вслѣдъ за юристами, повинуясь духу времени, они преобразуютъ науку съ помощью идеи національности. Они показали также, какъ старыя доктрины политической экономіи возникали подъ давленіемъ потребностей эпохи, какъ, напримѣръ, доктрина полнаго laisser faire развилась въ Англіи на почвѣ борьбы противъ «хлѣбныхъ законовъ». Та же аргументація справедлива въ примѣненіи къ нимъ самимъ. Дюрингъ, Шмоллеръ указываютъ на то, что идея національной экономіи развилась у Листа изъ практическаго стремленія къ покровительственной системѣ. Поиски практическихъ реформъ послужили, такимъ образомъ, исходнымъ пунктомъ для преобразованія нѣмецкой политической экономіи въ духѣ націонализма [2]).

Но изъ аналогичныхъ теорій экономисты выводятъ практическія требованія совершенно иного характера, чѣмъ требованія юристовъ. Подобно юристамъ, экономисты въ борьбѣ противъ XIII 'вѣка противупоставляютъ понятіе организма понятію механизма [3]). Но въ то время, какъ первые видятъ механизмъ во вмѣшательствѣ государства, вторые, наоборотъ въ свободной игрѣ эгоистическихъ интересовъ. Поэтому юристы требуютъ, чтобы государство предоставило свободѣ юридическія отношенія, а экономисты — чтобы государство вмѣшивалось и регламентировало борьбу экономическихъ силъ.

---

[1]) Savigni—Ueber den Beruf. unserer Zeit zur Gesetzgebung

[2]) Bluntschli Op. cit. 446, 624, 633.

[3]) Tönnies. Historismus und Rationalismus in Archiv für systematische Philosophie 1895. Hef. 2,—320.

Идеѣ государственнаго вмѣшательства содѣйствовало въ значительной долѣ новое движеніе-соціализмѣ, соединившее въ себѣ самые различные элементы католицизма, консерватизма и демократизма [1]). На смѣну романтической Германіи явилась Германія реализма и позитивизма, которая потребовала новаго преобразованія соціальныхъ наукъ. Экономисты, не будучи въ состояніи бороться съ новымъ теченіемъ, постарались его регулировать. Отсюда «катедръ соціализмъ» и требованіе вмѣшательства государства со стороны исторической экономіи.

Дѣйствіе соціализма этимъ не ограничивается. Онъ не только заставляетъ историческую школу выставить новыя практическія требованія, онъ побуждаетъ ее подвергнуть пересмотру основные теоретическіе принципы школы и, такимъ образомъ, знаменуетъ послѣднее теченіе въ области экономической науки. Соціализмъ, начавъ съ утопіи во Франціи и пріобрѣвъ научную форму въ Германіи, теперь все болѣе и болѣе становится чисто практическимъ движеніемъ. Но его вліяніе на науку не прекращается. Даже критика, направленная противъ соціалистическихъ теорій, содѣйствовала расширенію соціальной науки. Его матеріалистическая философія дала систематическое изслѣдованіе одного изъ факторовъ исторіи. И даже своими крайностями экономическій матеріализмъ служилъ хорошимъ противоядіемъ противъ остатковъ идеалистическаго пониманія исторіи. Изслѣдуя, вмѣстѣ съ соціализмомъ, соціальные вопросы, начали замѣчать, что они представляютъ также вопросы нравственные [2]) Этимъ открытъ былъ путь къ правильному пониманію роли чувства и идей въ исторіи, и такимъ образомъ положено основаніе психологическому толкованію соціальныхъ явленій. Лазарусъ, Зиммель, Вагнеръ, Іерингъ нерѣдко приводятъ для поясненія своихъ идей выдержки изъ соціалистическихъ трудовъ. По

---

[1]) Tönnies—le Socialisme contemporaine 1891.

[2]) Siegler. Die sociale Frage—eine sitliche Frage.

признанію Вагнера, идеи соціализма дали ему первый толчокъ, побудившій его пересмотрѣть принципы политической экономіи.

Вообще соціализмъ побуждаетъ мысль выйти изъ слишкомъ узкихъ рамокъ націонализма. Конечно, онъ не въ состояніи парализовать духъ націонализма, слишкомъ сильный въ Германіи но онъ заставляетъ, по крайней мѣрѣ, мысль обратиться къ международнымъ вопросамъ, искать подъ разнообразіемъ націй сходство классовъ, подъ различіемъ вѣрованій общность потребностей. Его вліяніе присоединяется къ практической необходимости реформы морали, хозяйства, права,—необходимости, вытекающей изъ различныхъ источниковъ. Націонализмъ, останавливая мысль на различіяхъ и частностяхъ, отнималъ надежду построитъ когда-либо общіе законы соціальнаго развитія. Соціализмъ привлекаетъ вниманіе къ общимъ чертамъ національныхъ эволюцій и тѣмъ самымъ даетъ возможность построенія соціальной науки.

Впрочемъ, мы не скрываемъ трудностей, которыя возникаютъ при попыткѣ опредѣлить роль и границы каждой изъ указанныхъ тенденцій. Подъ общими терминами нерѣдко скрываются элементы, очень различные по своему характеру. Мы постараемся ихъ опредѣлить въ слѣдующемъ изложеніи, предметомъ котораго является не общій обзоръ соціальныхъ наукъ въ Германіи, но анализъ взглядовъ каждаго изъ четырехъ выше названныхъ мыслителей.

I.

Лазурусъ.

Психологія народовъ.

Задача соціальной науки заключается въ построеніи психологіи, съ помощью которой можно было бы объяснить историческія явленія; таково, кажется, въ настоящее время ея первое требованіе. Въ трудахъ Лазаруса *) мы находимъ попытку отвѣта на это требованіе.

I.

Zeitschrift für Völkerpsychologie, основанный Лазарусомъ и Штейнталемъ въ 1860 г., имѣлъ въ виду соединить труды литераторовъ, историковъ, философовъ, юристовъ, антропологовъ, для разработки науки, необходимой имъ всѣмъ,—именно пси-

*) Das Leben der Seele Bd. I—III.
Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachvissenschaft 1860 – 70. Этотъ журналъ издается теперь подъ названіемъ Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Наиболѣе важныя статьи Лазаруса по интересующему насъ предмету, слѣдующія: 1) Einige syntethischen Gedanken zur Völkerpsychologie. 2) Ueber die Ideen in der Geschichte въ томѣ III перваго журнала и 3) Einleitende Gedanken въ I т., написанные въ сотрудничествѣ съ Штейнталемъ. Кромѣ того, Лазарусъ опубликовалъ рядъ статей (о Гербартѣ, о націи), которыя онъ теперь издаетъ отдѣльнымъ сборникомъ. Для дальнѣйшаго ознакомленія съ Völkerpsychologie см. труды Steinthal's — Philologie. Geschichte und Psychologie—Allgemeine Ethik, Einleitung in die Psychologie und Sprachvissenschaft, статьи Paul's и Wundt'a въ Philosophische Studien IV 1888.

хологіи народовъ. Какъ только специалистъ старается открыть причины изучаемаго явленія, онъ наталкивается на проблемы соціальной психологіи и часто принуждаетъ передъ ними остановиться. Исторія, индивидуальная психологія, антропологія—на каждомъ шагу встрѣчаетъ подобнаго рода вопросы.

Когда исторія открываетъ факты прошлаго, критикуетъ ихъ и даже классифицируетъ открытые факты, она даетъ намъ знаніе, но даетъ ли она науку? Для этого она должна объяснить констатированныя явленія, т. е. открыть ихъ причины и показать законы, по которымъ онѣ дѣйствуютъ. Разумъ удовлетворяется лишь тогда, когда онъ откроетъ причины и слѣдствія въ явленіяхъ, представляющихъ простую послѣдовательность во времени. Недостаточно знать, что извѣстное изобрѣтеніе или побѣда имѣли такія-то и такія-то послѣдствія, нужно знать, вытекаютъ-ли эти послѣдствія изъ даннаго открытія или побѣды по необходимымъ законамъ. Но въ основаніи войнъ или учрежденій лежатъ всегда чувства и идеи, которыя даютъ душу этимъ событіямъ и скрываютъ ихъ причины. Единственные законы, которые можно открыть подъ безконечнымъ разнообразіемъ историческихъ событій — это законы чувствъ и идей. Въ естественныхъ наукахъ различаютъ описательную часть отъ раціональной или объяснительной. Первая даетъ намъ формы явленій—таковы, напр., естественная исторія, космографія; вторая открываетъ подъ разнообразіемъ конкретныхъ явленій ихъ законы—таковы физіологія, физика, химія. Точно также, исторія даетъ намъ лишь описаніе событій, психологія — ихъ объясненіе. Психологія для обществовѣдѣнія то же, что физика, физіологія для естественныхъ наукъ *).

Но для того, чтобы психологія была въ состояніи реформировать исторію и дать ей законы, она сама должна быть реформирована и изъ индивидуальной превратиться въ соціальную. Въ самомъ дѣлѣ, какая громадная разница существуетъ между чисто индивидуальнымъ актомъ и крупнымъ историче-

*) Zeitschrift für Völkerpsychologie I, 19, III. 395.

скимъ событіемъ, между теоріей, зарождающейся въ мозгу Франклина, и ролью электродвигателей, между рѣчью Лютера и религіознымъ движеніемъ въ Германіи! Пространство между этими двумя предѣлами явленія, между индивидуальнымъ актомъ и историческимъ событіемъ настолько велико, что обыкновенно упускается изъ виду или одна или другая сторона вопроса. Иногда изслѣдователь отказывается отъ всякаго рода психологическаго толкованія, иногда же, чтобы приспособить исторію къ индивидуальной психологіи, онъ извращаетъ самые факты. Отсюда вытекаетъ большая часть заблужденій XVIII вѣка. Если хотятъ избѣгнуть этихъ ошибокъ и въ то же время удержать изъ психологіи то, что важно для исторіи, необходимо перейти отъ индивидуальной психологіи къ соціальной, отъ психологіи личности къ психологіи массъ. Законы этой новой психологіи освѣтятъ біографію человѣчества подобно тому, какъ законы индивидуальной психологіи — біографію личности.

Недостаточность индивидуальной психологіи должна была бы давно дать себя чувствовать. Но мы слишкомъ склонны придавать реальность ея постулатамъ, ея объектъ — отдѣльный индивидъ, но индивидъ можетъ быть взятъ отдѣльно отъ общества лишь въ абстракціи *). Мы настолько привыкли къ этой абстракціи, что она намъ кажется естественной: наше сознанія противупоставляетъ насъ окружающей средѣ, наши внѣшніь чувства даютъ намъ представленіе объ индивидахъ, раздѣленныхъ пространствомъ. Отсюда вытекаетъ взглядъ на общество, какъ на продуктъ сознательной дѣятельности личности. Въ дѣйствительности изолированная личность, а не общество, есть продуктъ субъективнаго творчества. Индивидуальная психологія разъединяетъ явленія, которыя въ дѣйствительности представляютъ одно цѣлое. Когда мы беремъ отдѣльнаго индивида, какъ онъ представляется внутренному наблюденію, изучаемъ формы и содержаніе его сознанія, абстрагируя ихъ отъ

*) Leben der Seele III 405.

общества, мы не должны забывать, что пользуемся лишь искусственнымъ научнымъ пріемомъ. Соціальная психологія, дѣлая попытку построить науку о взаимныхъ психическихъ отношеніяхъ индивидовъ, предлагаетъ намъ не міръ абстракцій, но возвращаетъ насъ къ дѣйствительности. Въ области экономическихъ явленій эта зависимость и взаимодѣйствіе между индивидуальными потребностями и интересами была замѣчена уже давно; здѣсь она принимаетъ какъ бы матеріальныя формы и поэтому бросается въ глаза. Но роль зависимости въ области идей не менѣе велика, хотя она и менѣе замѣтна. Если бы по какому-либо чуду психическія силы получили бы внезапно видимую форму, міръ идей представился бы намъ въ видѣ громадной сѣти; центры, гдѣ перекрещиваются нити, соотвѣтствовали бы душамъ людей.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ объяснить форму и содержаніе индивидуальной душевной дѣятельности, мы должны исходить изъ цѣлаго: логически и хронологически общество предшествуетъ индивиду [1]). Общество относится къ индивиду, какъ цѣлое къ части, какъ первоначальное къ производному. Индивидъ живетъ и дѣйствуетъ въ обществѣ и черезъ общество. Оно даетъ ему идеи и знанія, опредѣляетъ его дѣятельность. Оно занимаетъ мѣсто между индивидомъ и природой, съ той разницей, что оно служитъ не пассивнымъ объектомъ наблюденія индивида, какъ послѣдняя, но диктуетъ ему свои истины. Только съ помощью общества индивидъ можетъ пріобрѣсти научное познаніе вещей. Индивиды, которые случайно были лишены съ дѣтства его помощи, не могли подняться даже на низшую ступень человѣческаго сознанія. Сознаніе является, слѣдовательно, продуктомъ общества [2]).

Можно даже утверждать, что не только наши теоретическія и практическія идеи, но также сознаніе своего *я* опредѣляется обществомъ. Индивидуальность представляетъ, такимъ образомъ,

---

[1]) Leben der Seele I, 365.

[2]) Zeitschrift I, 4. Leben I, 333.

продуктъ исторіи! Чувство) индивидуальности, неразвитое или даже отсутствующее у первобытнаго человѣка, растетъ подъ давленіемъ соціальныхъ обстоятельствъ.

Индивидъ находится подъ вліяніемъ нѣсколькихъ общественныхъ организацій, различныхъ по своему характеру и величинѣ. Онъ въ одно и то же время членъ семьи, ремесленной корпораціи, націи, человѣчества, и каждая изъ этихъ формъ общежитія оказываетъ на него свое дѣйствіе. Однако, кажется, что наибольшую роль играетъ нація или народъ [2]). Ни одинъ индивидъ не принадлежитъ къ человѣчеству безъ того, чтобы не принадлежалъ къ націи; болѣе мелкія группы, какъ семья, корпорація и пр. образуются уже въ нѣдрахъ народа. Отсюда новая область науки: психологія народовъ, предметъ которой — вліяніе народа на его составные элементы.

Можетъ быть, замѣтятъ, что лучшій способъ объясненія характерныхъ особенностей группы людей, образующихъ народъ, заключается въ изученіи вліянія физическихъ условій земли и расы [3]). Антропологія, устанавливая причинную зависимость между соціальными явленіями и явленіями физическими, можетъ, кажется, отвѣтить на вопросъ, который поднимаетъ психологія народовъ и, слѣдовательно, дѣлаетъ послѣднюю излишней. Антропологія имѣетъ даже преимущество надъ коллективной психологіей, такъ какъ она замѣняетъ невидимый и неосязаемый міръ мыслей міромъ вещей и такимъ образомъ стремится дать соціальной наукѣ точность физическихъ наукъ. Къ несчастью, физическія и даже физіологическія причины недостаточны для объясненія судебъ человѣчества. Турки, замѣтилъ уже Гегель, населяютъ ту же страну, гдѣ раньше жили греки. Мы видимъ, какъ на одной и той же территоріи, подъ однимъ и тѣмъ же климатомъ развивается народъ, достигаетъ высшаго пункта и потомъ приходитъ въ упадокъ. Не всѣ береговые жители — моряки. Вліяніе расы тоже очень ограничено.

---

1) Leben III 281.
2) Leben I, 335.
3) Zeitschrift I, 12.

Воспитайте ребенка—китайца въ Европѣ, и онъ по своимъ идеямъ и наклонностямъ будетъ болѣе еврепеецъ, чѣмъ китаецъ. Потомки французскихъ изгнанниковъ, поселившихся нѣкогда въ Германіи, не отличаются отъ природныхъ нѣмцевъ ни по характеру, ни по интеллектуальнымъ способностямъ. Такимъ образомъ, духовныя причины парализуютъ и порабощаютъ вліяніе расы и физическихъ условій. Принципъ народа надо искать, слѣдовательно, въ его духовной организаціи.

Не менѣе тщетны попытки объяснить народныя особенности особенностями географическихъ, этнографическихъ или филологическихъ условій. На одномъ и томъ же островѣ живутъ два враждебныхъ народа. Различные народы принадлежатъ къ одной и той же расѣ, какъ нерѣдко различныя расы образуютъ одинъ народъ. Истинныя границы народа можно найти только въ психологическихъ особенностяхъ, составляющихъ его индивидовъ. Даже языкъ не служитъ достаточнымъ признакомъ. Иногда враги говорятъ однимъ языкомъ. — Нѣтъ никакого объективнаго признака, опредѣляющаго народъ. Мы его не находимъ ни въ общности языка, ни въ общности расы; искомый признакъ существуетъ лишь въ субъективныхъ отношеніяхъ. Народъ есть совокупность людей, разсматривающихъ и чувствующихъ себя, какъ народъ. Это есть психическій продуктъ дѣятельности людей, принадлежащихъ къ одному народу [1]). Чтобы найти его сущность, надо обратиться къ душамъ людей.

Этимъ не отрицается роль внѣшнихъ условій въ образованіи народа. Они способствуютъ и поддерживаютъ сознаніе общности, соединяющее народъ. Общая территорія сближаетъ людей физически, подчиняетъ ихъ общимъ впечатлѣніямъ и интересамъ. Общность происхожденія соединяетъ ихъ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ, и обусловливаетъ извѣстное физическое сходство, облегчающее до извѣстной степени взаимныя отношенія. Наконецъ, общность языка предо-

---

[1]) Leben, I, 372.

ставляетъ въ общее владѣніе не только извѣстный запасъ словъ, но также мыслей и ихъ формъ, потому что языкъ для народнаго духа представляетъ то же, что почва-для его тѣла, Такимъ образомъ, объективныя условія налагаютъ свою печать на субъективныя качества народа. Необходимо только помнить, что внѣшній міръ не оказываетъ непосредственнаго воздѣйствія на психологію народа. Природа не творитъ народовъ, но народы творятъ сами себя, усваивая, сознательно или безсознательно, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и счастьемъ сырой матеріалъ, предлагаемый природой. Внѣшній міръ, слѣдовательно, оказываетъ вліяніе на исторію, лишь проходя черезъ душу, и поэтому антропологія не можетъ замѣнить психологію народовъ.

Отсюда видно, что опредѣленіе, которое даетъ коллективная психологія своему объекту, носитъ чисто субъективный характеръ, и въ этомъ субъективизмѣ скрывается серьезная опасность. Чувство, которое заставляетъ группу людей разсматривать себя, какъ народъ, неодинаково у различныхъ народовъ: оно различно у американца, француза, нѣмца [1]). Національное сознаніе не вездѣ одно и то же, и, слѣдовательно, опредѣленіе націи должно измѣняться вмѣстѣ съ націей. Не вытекаетъ-ли отсюда невозможность образованія психологіи народовъ, какъ общей науки, опредѣляющей общіе законы исторіи?

Несомнѣнно, что народы различаются между собой еще болѣе, чѣмъ индивиды и, быть можетъ, мы не найдемъ двухъ народовъ, которые мы могли бы заключить,—принявъ во вниманіе ихъ исторію,—въ одну общую категорію. Но какъ ни различны народы, въ ихъ составъ могутъ входить общіе элементы, подчиненные общимъ законамъ. Такими элементами, образующими коллективный духъ (психологію), являются религія, искусство, наука, право, экономія, которыя предлагаютъ всѣ условія, необходимыя для абстрактивнаго изученія. Задачей коллективной психологіи будетъ—класифицировать различ-

[1]) Leben I. 375.

ные способы распредѣленія этихъ элементовъ между народами и индивидами и открыть общіе законы, скрывающіеся подъ разнообразіемъ конкретныхъ народныхъ группъ. Несмотря на различіе націй, коллективная психологія имѣетъ свой особый объектъ—общественный разумъ (L'ésprit public) [1].

По мнѣнію нѣкоторыхъ, этому объекту недостаетъ единства. Только злоупотребляя словами, говорятъ они, можно назвать психологіей науку о разнообразныхъ явленіяхъ, собранныхъ въ метафорическомъ понятіи общественнаго разума. Возможна лишь психологія индивидуальной души, которая заключаетъ единство явленій. Соціальное *я*—это только слово, въ которомъ собраны индивидуальныя и единственно реальныя *я*.

Основатель психологіи народовъ отвѣчаетъ на это возраженіе анализомъ различныхъ родовъ единства [2]). Современная психологія интересуется не столько единствомъ субстанцій, сколько единствомъ психической дѣятельности. Но нерѣдко мы наблюдаемъ, какъ нѣсколько различныхъ существъ образуютъ единство въ процессѣ совмѣстной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ неорганическое, органическое и психологическое царства предлагаютъ намъ различные типы единства, которые могутъ быть реализованы и въ области коллективной психологіи. Уже въ неорганическомъ царствѣ извѣстное количество отдѣльныхъ атомовъ можетъ образовать единство, вытекающее изъ общности ихъ свойствъ. Точно также общность извѣстныхъ качествъ и извѣстныхъ индивидуальныхъ привычекъ можетъ внести единство въ дѣйствія народа. Въ органическомъ царствѣ мы наблюдаемъ часто, что единство вытекаетъ нетолько изъ тожествъ, сколько изъ различія качествъ и функцій составныхъ элементовъ. Въ политической жизни различныя качества индивидовъ соединяются для образованія общаго дѣйствія. Единство арміи рождается изъ различія функцій ея составныхъ частей. Но чтобы вполнѣ понять единство коллективнаго духа,

---

[1]) Zeitschrift III. Syntethische Gedanken für Völkerpsychologie.

[2]) Leben, I. 350. 360.

нужно обратиться къ индивидуальной душевной дѣятельности. Духъ можетъ быть измѣренъ только собственной мѣрой [1]). Обыкновенно относятся недовѣрчиво къ подобнаго рода аналогіямъ, потому что представляютъ себѣ единство индивида какъ простое, а не какъ составное. Необходимо, однако, не забывать, что, рядомъ или точнѣе внутри чисто формальнаго единства нашего *я*, наука открываетъ новое *я*, составленное, такъ сказать, изъ отдѣльныхъ частей и образующее реальное эмпирическое единство личности, основанное на сходствѣ и различіи представленій. Индивидъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ цѣлый народъ; это сложное, а не простое явленіе. Идея для индивидуальной души то же, что индивидъ для соціальной души [2]). Если мы разсмотримъ въ общихъ чертахъ главныя формы соціальной жизни, то замѣтимъ, что онѣ аналогичны главнымъ формамъ психической жизни индивида.

Можно различать четыре главныхъ формы общественной дѣятельности [3]).

Большею частью дѣятельность людей преслѣдуетъ чисто индивидуальныя цѣли. *Сознательно* люди дѣйствуютъ для себя но не для общества. Однако, помимо сознанія людей, ихъ дѣйствія образуютъ нѣчто новое, которое реагируетъ обратно на нихъ. Экономическая, а также во многихъ отношеніяхъ умственная жизнь, вовлекаетъ индивидовъ, преслѣдующихъ свое личное благо, въ своего рода организмъ, который помимо сознанія, вліяетъ на ихъ волю и чувства. Интеллектуальная, нравственная и религіозная жизнь представляетъ намъ цѣлый рядъ примѣровъ подобнаго безсознательнаго и тѣмъ не менѣе реальнаго обобществленія личныхъ дѣйствій. Эта соціализація, впрочемъ, принадлежитъ къ низшей ступени; соціализація высшаго порядка имѣетъ мѣсто, когда индивиды сознательно ставятъ себѣ общественныя цѣли и стремятся къ ихъ осуществленію. Упадокъ или расцвѣтъ общественнаго разума зявиситъ

[1]) Zeitschrift, III. 7.
[2]) Zeitschrift, III. 9.
[3]) Zeitschrift, III. 21—39.

отъ интенсивности, съ которой индивиды представляютъ себѣ эти соціальныя цѣли и стремятся ихъ осуществить. Чѣмъ яснѣе они сознаютъ свое соціальное существованіе, тѣмъ могущественнѣе общественный разумъ. Но чтобы хорошо понять жизнь этой соціальной души, необходимо показать не только воздѣйствіе индивида на общество, но и обратно — воздѣйствіе общества на индивида. Организованный общественный разумъ—это государство. Впрочемъ, общественный разумъ не долженъ обязательно принимать организованную форму. Будетъ ли образованіе публичное или частное, будетъ ли осужденіе произнесено государствомъ или общественнымъ мнѣніемъ — цѣлое всегда найдетъ средство и пути для воздѣйствія на части. Наконецъ, бываютъ моменты, когда нація и индивиды какъ бы сливаются въ одно цѣлое, когда нація дѣйствуетъ, какъ одинъ человѣкъ. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи о дѣйствіи индивида на общество и общества на индивида. Всѣ индивиды, образующіе народъ, соединяются въ общемъ дѣйствіи, напр. національной оборонѣ, формы котораго опредѣляются не отдѣльной личностью, а цѣлой совокупностью.

Этимъ четыремъ формамъ соціальной дѣятельности соотвѣтствуютъ аналогичныя явленія въ области индивидуальнаго духа. И здѣсь мы видимъ, какъ представленія, по своему содержанію совершенно независимыя, индивидуальныя соединяются въ цѣлый организмъ—асоціацію идей. Съ другой стороны, цѣлый рядъ представленій имѣетъ цѣлью не столько представленіе отдѣльнаго предмета, сколько направленіе и регулированіе другихъ представленій. Такъ, логическія, нравственныя, эстетическія формы исполняютъ какъ бы публичныя должности въ царствѣ индивидуальнаго духа. Далѣе, совокупность представленій оказываетъ несомнѣнно вліяніе на частныя представленія, подобно вліянію общества на личность. Наконецъ, бываютъ моменты, правда рѣдкіе, когда происходитъ какъ бы мобилизація всѣхъ идей, которыя, несмотря на свое различіе, соединяются въ общемъ дѣйствіи, подобно личностямъ въ періодъ общественныхъ кризисовъ.

Но какъ ни точны эти аналогіи, возразятъ намъ, онѣ не должны скрывать отъ насъ кореннаго различія, отдѣляющаго индивидуальное *я* отъ соціальнаго. Какъ ни многообразны и ни разнообразны явленія, изъ которыхъ составляется индивидуальная психологія, они происходятъ въ предѣлахъ отдѣльнаго сознанія. Но гдѣ сознаніе общественнаго Разума? Показываетъ ли намъ опытъ между индивидуальнымъ сознаніемъ и внѣшнимъ міромъ особый субстратъ соціальныхъ явленій?

Нѣтъ, общественный Разумъ живетъ въ индивидуальномъ сознаніи и внѣшнихъ вещахъ. Мы бы могли назвать его объективнымъ разумомъ, чтобы указать на то, что ему не соотвѣтствуетъ никакой субъектъ, и что онъ находится въ отдѣльныхъ субъектахъ и объектахъ.

Вещи могутъ сохранять на себѣ печать разума и, слѣдовательно, явиться носителями идей. Человѣкъ имѣетъ способность объективировать свою мысль. Духъ воплощается въ матеріи. Иногда онъ ее приводитъ въ движеніе, иногда дремлетъ въ ней, и она является его символомъ. Формы этого воплощенія безчисленны.

Одна изъ подобныхъ формъ, наиболѣе плодотворная по своимъ послѣдствіямъ, представляетъ воплощеніе мысли въ инструментѣ, орудіи или машинѣ. Франклинъ опредѣлилъ человѣка, какъ производителя орудій. Очень часто указывали на матеріальныя выгоды или невыгоды машинъ, не замѣчая ихъ психологическихъ послѣдствій. Между ручнымъ трудомъ и машиннымъ нѣтъ абсолютной противуположности; идетъ ли дѣло о рукѣ изъ костей и мяса, или изъ желѣза—основаніе остается одно и то же: физическая сила служитъ средствомъ для силы психической. Машина представляетъ какъ бы объектированный разумъ, который управляетъ собственно матеріальными силами, роль машины—не только служитъ дополненіемъ физическихъ силъ человѣка, но также и его психическихъ. Локомотивъ, переносящій въ два часа то, что сто лошадей передвигали въ теченіе дня, экономизируетъ не только двигательную силу лошадей, но также интеллектуальное усиліе возницъ,

потому что онъ нуждается только въ надзорѣ машиниста и кочегара въ продолженіе двухъ часовъ. Такимъ образомъ, выгоды машины, будутъ ли онѣ значительны или незначительны, имѣютъ характеръ не только количественный, но и качественный; онѣ вносятъ качественное измѣненіе. Индивидуальный разумъ машина замѣщаетъ болѣе могучимъ разумомъ или геніемъ изобрѣтателя, воплотившимся въ ней. Геній Джемса Уатта продолжаетъ жить и работать на пользу человѣчества въ милліонахъ паровыхъ машинъ, разсѣянныхъ по земному шару. И тогда, какъ субъективный разумъ, скрытый въ ручномъ трудѣ, умираетъ вмѣстѣ съ индивидомъ, разумъ, объектированный въ вещахъ, способенъ къ безконечному прогрессу. Собственно говоря, уже ручному труду соотвѣтствуетъ объектированный разумъ. Разумъ воплощается не только во внѣшнихъ вещахъ, но и въ тѣлѣ человѣка. Каждое поколѣніе наслѣдуетъ отъ предшествующихъ извѣстный психологическій типъ—продуктъ тысячи усилій. Воинственный духъ нѣкоторыхъ націй живетъ въ силѣ и ловкости ея членовъ. Если мы прибавимъ къ тѣлу и машинамъ историческіе памятники, школы и церкви, поэмы и кодексы, намъ станетъ яснымъ, какая значительная доля индивидуальнаго разума можетъ воплотиться въ неодушевленныхъ вещахъ.

Впрочемъ, эти вещи не дѣйствуютъ сами по себѣ, но приводятся въ дѣйствіе людьми. Европейская машина, попавшая въ руки дикарямъ, будетъ для нихъ безполезна, какъ ихъ памятники остаются часто непонятными для европейцевъ. Объектированный разумъ живетъ въ вещахъ лишь по стольку, по скольку онъ живетъ въ сознаніи людей.

Чтобы найти національное сознаніе, надо отыскать общія черты индивидуальныхъ сознаній. Это общая доля очень значительна. Количество идей, принадлежащихъ всецѣло личности, ничтожно въ сравненіи съ идеями, которыя она раздѣляетъ со своими современниками. Конечно, мы не всегда сознаемъ внѣшнее происхожденіе нашихъ идей и считаемъ часто оригинальными чувство или идею, заимствованныя изъ окружающей

среды. Но бываетъ также, что мы чувствуемъ и сознаемъ эту общность идей, на которую указываетъ наука. Тогда мы ихъ относимъ не къ собственной личности, но къ цѣлому, часть котораго мы представляемъ.

Впрочемъ, существуютъ не только общія душевныя состоянія, но также общія формы душевной дѣятельности. Рядомъ съ объемомъ общественнаго разума надо различать его систему. Общественный разумъ даетъ личности не только словарь, но и грамматику. Мы раздѣляемъ съ окружающими индивидами не только ихъ мысли, но способы мышленія.

Такимъ образомъ, общественный разумъ опредѣляетъ направленіе нашихъ будущихъ пріобрѣтеній. Форма отдѣляется отъ содержанія и накладываетъ свою печать на будущій матеріалъ. Общество передаетъ намъ вмѣстѣ съ отдѣльными истинами общіе методы. Объективный разумъ—это не только металлъ или статуя, но также форма, въ которую она отливается.

Итакъ, общественный разумъ соединяетъ въ себѣ то, что есть общаго и постояннаго въ частныхъ переходящихъ индивидуальныхъ разумахъ. На этомъ общемъ фундаментѣ возвышается цѣлое зданіе идей и чувствъ. Мы можемъ говорить не только о мысли индивида, но также о мысли цѣлой націи. Мысль зарождается въ головѣ одного человѣка и продолжаетъ свое развитіе въ головѣ другого. Мы дѣлаемъ посылки, изъ которыхъ слѣдующія поколѣнія производятъ выводы. Единство отдѣльныхъ дѣятельностей, образующихъ объективированный разумъ, замѣняетъ единство субъекта [1]).

Всѣ ли индивиды являются носителями общественнаго разума? Разумѣется нѣтъ. Рабочій и крестьянинъ, аристократъ и ученый не въ одинаковой степени владѣютъ языкомъ народа. Не всѣ греки носили на себѣ печать греческаго генія. Часто исторія ошибается, помѣщая какую либо націю въ число привиллегированныхъ, избранныхъ. Національное богатство, какъ

---

[1]) Zeitschrift, III, 68.

матеріальное, такъ и духовное, не въ одинаковой степени распространено между членами націи.

Прежде всего, въ нѣдрахъ общественнаго сознанія извѣстныя идеи представляютъ какъ бы частную собственность одной группы. Благодаря своеобразному раздѣленію труда, различныя свойства общественнаго разума имѣютъ различные пункты локализаціи. Такъ образуется классовое сознаніе. Рабочій, буржуа или аристократъ, принадлежащіе къ одной націи, принадлежатъ къ ней каждый на свой образецъ. Это различіе до извѣстной степени полезно. Каждый классъ, побуждаемый соревнованіемъ, развиваетъ свое самопознаніе до высшей степени. Часто эта дифференціація является условіемъ высшей гармоніи. Но важно, чтобы различіе между классами не переходило въ систематическую противоположность. Эта противоположность ведетъ къ ненависти, которая разлагаетъ общественный разумъ. Еще опаснѣе полное раздѣленіе классовъ; оно вноситъ индиферентизмъ къ общему интересу и приводитъ общественный разумъ къ упадку. Въ обоихъ случаяхъ народы приближаются къ своей смерти.

Внутри классовъ общія идеи не одинаково раздѣлены между индивидами. Одни остаются всегда ниже средняго уровня. Въ отношеніи къ общественному разуму они—то же, что кретины въ отношеніи къ рассовому типу. Точно такъ въ индивидуальномъ разумѣ нѣкоторые элементы находятся ниже средняго уровня. Съ другой стороны, есть индивиды, превосходящіе средній уровень общественнаго сознанія. Они играютъ не только пассивную, но и активную, творческую роль.

Геніальные люди являются такими творческими элементами. Говоря о геніяхъ, мы, кажется, выходимъ изъ рамокъ общественнаго разума; однако, онъ накладываетъ и на нихъ свою печать. Они творятъ для него и черезъ него. Геніальная личность даетъ синтезъ общихъ идей. И если она даетъ общественному сознанію какъ бы идеальный образецъ, то лишь потому, что она отвѣчаетъ тайнымъ стремленіямъ этого сознанія; геній даетъ лишь плоть и кровь существующимъ стрем-

лоніямъ и мыслямъ, но онъ даетъ только тѣмъ, кто стремится и мыслитъ, кто ищетъ. Безъ этой гармоніи, существующей между героемъ и толпой, становится непонятнымъ, какъ идеи героя могутъ распространиться въ массахъ. Чтобы геній могъ вести народъ, онъ долженъ быть понятъ народомъ. А это пониманіе возможно лишь при извѣстной общности сознанія. Какъ ни трудно оцѣнить долю общественнаго сознанія въ дѣятельности геніальной личности, несомнѣнно, что оно принимаетъ участіе даже въ ея наиболѣее индивидуальныхъ проявленіяхъ [1]). Такимъ образомъ, психологія народовъ, если и не можетъ объяснить конечную причину индивидуальности, по крайней мѣрѣ опредѣляетъ роль соціальныхъ условій въ развитіи идей и тѣмъ проливаетъ новый свѣтъ на ходъ историческихъ событій.

II.

Не трудно доказать, что почти вся современная соціологія покоится на психологіи народовъ. Мы покажемъ сначала, что́ она заимствовала и что́ она прибавила къ теоріямъ, которыя раньше ея старались объяснить и построить законы исторіи, т. е. къ исторической, діалектической и натуралистической школамъ.

Вообще нужно замѣтить, что почти всѣ направленія, указывавшія на недостаточность индивидуальной психологіи, подготовляли тѣмъ самымъ почву для психологіи народовъ. Обратимся ли мы къ вопросу о происхожденіи религій, поэмъ Гомера, права—повсюду девятнадцатый вѣкъ стремился внести поправки и дополненія въ теоріи XVIII вѣка съ помощью соціальной психологіи. Сила вещей, логика фактовъ, могущество идей, рассовой инстинктъ—вотъ понятія, съ помощью которыхъ писатели XIX вѣка старались заполнить пропасть, отдѣляющую индивидуальную психологію отъ фактовъ исторіи. Эти понятія, собственно говоря, неясны и нѣсколько двусмы

[1]) Leben, I 385, 391.

сленны. Они только указываютъ на необходимость соціальной психологіи, но не даютъ ея принциповъ. Подъ силой вещей разумѣютъ нерѣдко силы, скрывающіяся въ душѣ человѣка; логикой фактовъ называютъ процессы, не имѣющіе ничего общаго съ логикой. Аппеляція къ рассовому инстинкту является лишь покрываломъ незнанію дѣйствительныхъ причинъ явленія, а за фразой «могущество идей» скрывается неумѣніе объяснить процесса ихъ распространенія и реализаціи въ массахъ [1]). Задача психологіи народовъ заключалась въ томъ чтобы замѣнить эти неопредѣленныя выраженія, которыя намекали на силы, выходящія за сферу индивидуальной дѣятельности, систематическимъ изученіемъ.

Система Гегеля не удовлетворяетъ еще этимъ требованіямъ. Конечно, Гегель уже различаетъ народный духъ, онъ характеризуетъ народы и указываетъ на ихъ взаимныя отношенія. Представляя историческій процессъ, какъ осуществленіе идеи, онъ подготовливаетъ пониманіе психическаго характера общества. Но, вопервыхъ, его система насилуетъ дѣйствительность, которую она желаетъ объяснить. Историческая школа намъ показала, какъ гегелевская схема исторіи отличается часто отъ реальнаго хода событій: идея нерѣдко подчиняла факты, философія исторіи—исторію. Далѣе, гегелевская система даетъ намъ не столько объясненіе исторіи, сколько ея абстрактное воспроизведеніе [2]). Она лишь возводитъ въ метафизическія формулы дѣйствительную эволюцію. Идеи представляютъ скорѣй послѣдовательность событій, чѣмъ указываютъ намъ на ихъ реальныя причины. Если идея Гегеля имѣла метафизическую реальность, намъ оставалось всетаки посмотрѣть, какъ она реализуется въ исторіи, и слѣдовательно изучить чисто психологическія причины. Теологъ можетъ доказывать существованіе Бога, но это не мѣшаетъ естественнику изучать законы природы. Собственно говоря, гегелевская идея такъ же мало

---

[1]) **Zeitschrift, III Ueber die Ideen in der Geschichte.**
[2]) **Zeitschrift**, I 20, 21.

объясняетъ намъ законы идей, какъ субстанція дастъ намъ мало для пониманія законовъ явленій. Еслибы мы знали метеорологическія причины наступленія дождя и ясной погоды [1], то не надо было бы обращаться къ діалектической необходимости для объясненія этихъ явленій.

Необходимо спуститься съ облаковъ на землю, и замѣнить діалектическія построенія психологическимъ наблюденіемъ. Нужно изучить ходъ реальныхъ идей, дѣйствующихъ не внѣ насъ и безъ насъ, но въ нашей душѣ и по преимуществу въ той части ея, которая обща всѣмъ людямъ, т. е. въ соціальной душѣ.

Впрочемъ, не надо забывать, что слово—идея можно употреблять не только въ метафизическомъ смыслѣ. Мы употребляемъ это слово иногда для обозначенія идеальной стороны человѣческой души, противупоставляя это понятіе матеріальнымъ, грубымъ силамъ человѣческой природы. Если мы беремъ идеи въ этомъ смыслѣ, было бы ошибочнымъ полагать, что исторія опредѣляется идеями, это значило бы думать, что соціальный разумъ подчиняется законамъ морали и логики. Эти нормы могутъ имѣть безусловную цѣнность, не имѣя всеопредѣляющаго реальнаго значенія. Онѣ опредѣляютъ идеалъ, но не всегда — дѣйствительность. Недостаточно ихъ знать, чтобы понять исторію; одна вещь—предписывать, и другая объяснять. Но подъ идеями можно также понимать всю совокупность психологической дѣятельности, противупоставляя ее внѣшнимъ вещамъ. При такомъ пониманіи почти всѣ соціальныя явленія могутъ быть объяснены идеями. Мы указывали уже, что дѣйствіе физической среды на соціальную происходитъ черезъ посредство психики. Даже въ тѣхъ соціальныхъ явленіяхъ, которыя обыкновенно называютъ матеріальными скрываются психическія силы. Въ томъ смыслѣ терминъ «матеріалистическое пониманіе исторіи», который прилагается къ историко философской схемѣ, объясняющей соціальныя событія

[1]) Zeitschrift, III 467.

экономическими факторами, не точно передаетъ смыслъ этой схемы. Экономическія явленія состоятъ изъ желаній, потребностей, вѣрованій и, наконецъ, идей въ собственномъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему современная политическая экономія все болѣе и болѣе становится психологической наукой. Наврядъ ли найдется историческій фактъ, который бы не начинался и не кончался идеей. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что идеи образуютъ содержаніе исторіи [1]). Все остальное—или средство ихъ достиженія, или ихъ послѣдствіе.

Такимъ образомъ, Лазарусъ обращается къ исторической школѣ, чтобы освободиться отъ діалектики, но онъ не отрицаетъ роли идей. Онъ полагаетъ, что, забывая изъ чрезмѣрной любви къ объективности историческую роль идей, мы тѣмъ самымъ закрываемъ себѣ путь къ пониманію причинъ исторіи и ея законовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ получить законы историческихъ событій, не зная законовъ идей? Какъ можно построить историческую науку безъ психологіи?

Нѣкоторые полагаютъ, что задача историка заключается въ томъ, чтобы, отбросивъ всякія психологическія гипотезы, сравнивать конкретныя историческія событія во всей ихъ сложности, отмѣчать порядокъ ихъ развитія, установлять законы ихъ эволюціи [2]). Но подобный методъ приводилъ бы лишь къ описаніямъ, а не законамъ, онъ не даетъ объясненія явленій [3]).

Какъ открыть эти законы? Сравнивая историческія событія во всей ихъ конкретной сложности, мы не найдемъ двухъ походящихъ другъ на друга; каждое изъ нихъ развивается иначе, чѣмъ остальныя. Но проанализируемъ психологическое содержаніе тѣхъ же явленій, спустимся до элементарныхъ силъ процесса, и мы найдемъ на днѣ различныхъ конкретныхъ явленій игру однихъ и тѣхъ же законовъ. Такимъ образомъ

[1]) Zeitschrift III 433.
[2]) Zeitschrift III 416.
[3]) Zeitschrift III 86—89.

психологическій анализъ, отыскивая всеобщіе законы подъ конкретной и измѣнчивой до безконечности оболочкой явленій, открываетъ тѣмъ самымъ путь къ научному пониманію исторіи. Когда мы, опираясь на психологическую науку, говоримъ, что такое то историческое событіе должно необходимо совершиться каждый разъ, когда находится въ наличности извѣстный рядъ условій, мы указываемъ этимъ не только на то, что это историческое событіе должно совершиться въ дѣйствительности, но также, что общественный разумъ долженъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи.

Только ставъ на этотъ путь, мы можемъ замѣнить простое описаніе объясненіемъ. Знаніе законовъ движенія элементовъ дѣлаетъ въ нѣкоторомъ родѣ безполезными законы сложнаго процесса исторической эволюціи. Чтобы получить научное представленіе напр. о дубѣ, мы должны знать совокупность физическихъ, химическихъ и физіологическихъ явленій, совершающихся въ немъ. Законъ его роста не представляетъ причины всѣхъ скрытыхъ въ немъ элементарныхъ процессовъ, но лишь ихъ слѣдствіе. Законъ эволюціи для естественной динамики то же, что понятіе вида для его статики. Онъ даетъ лишь формулу средняго типа, произведеннаго въ такихъ то условіяхъ и въ силу такихъ-то элементарныхъ законовъ,—формулу тѣмъ менѣе точную, чѣмъ сложнѣе явленія и чѣмъ разнообразнѣе условія ихъ существованія. Историческія явленія, какъ наиболѣе сложныя, нуждаются болѣе, чѣмъ какія-либо иныя, въ детальномъ анализѣ своихъ причинъ [1]). Такимъ образомъ, оправдывается утвержденіе, по которому психологія должна объяснить исторію, какъ физика и химія — біологію, или какъ механика и физика — химію.

Сравненіе соціальной психологіи съ физикой, химіей, механикой заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться нѣсколько далѣе. Это сравненіе мы найдемъ въ различной формѣ у большинства современныхъ нѣмецкихъ логиковъ и соціологовъ [2]).

---

[1]) Zeitschrift III, 412.

[2]) Diethey. Sigvar, Wundt, Simmel.

Съ одной стороны оно подчеркиваетъ разницу между описательными и объяснительными науками, съ другой—указываетъ на то, что исторія должна отдѣлиться отъ естествознанія, если она хочетъ стать объяснительной наукой. Надо впрочемъ признать, что указанное сравненіе дозволяетъ различныя толкованія и скрываетъ въ себѣ не одно недоразумѣніе.

Должна ли психологія, подобно механикѣ, носить чисто абстрактивный характеръ и выводить дедуктивно историческіе законы изъ формъ духа? Творцы коллективной психологіи далеки отъ подобнаго пониманія ея назначенія. Психологія, необходимая для построенія соціальной науки, не представляетъ ряда абстрактивныхъ спекуляцій, независимыхъ отъ физическихъ условій и соціальныхъ отношеній. Никто не вѣритъ болѣе въ возможность извлечь законы исторіи изъ созерцанія безплотнаго разума, [1]) чуждаго чувству голода и жажды, страданія и радости. Чтобы объяснить исторію, нужно обратиться къ психологіи живыхъ людей изъ плоти и крови, къ психологіи, которая даетъ намъ знаніе реальныхъ и конкретныхъ явленій.

Но какимъ путемъ мы можемъ получить знаніе реальныхъ и конкретныхъ психическихъ явленій? Внутреннее наблюденіе даетъ намъ слишкомъ мало. Необходимо, слѣдовательно, обратиться къ исторіи. Цѣли, объясняющія историческія событія, являются сами въ формѣ историческихъ событій. Отсюда вытекаетъ, что отношеніе между описательными и объяснительными науками въ области соціологіи иное, чѣмъ въ области естествознанія [2]). Знаніе конкретныхъ физическихъ явленій не имѣетъ вліянія на идею объ абстрактныхъ законахъ движенія. Наоборотъ, знаніе конкретныхъ историческихъ событій необходимо для построенія законовъ желаній и идей. Такимъ образомъ, между психологіей и исторіей существуетъ постоянное взаимодѣйствіе [3]).

---

[1]) Zeitschrift, Begriff der Völkerpsychologie, 251

[2]) Wundt. Ueber Ziele und Wege der Völkerpsychologie.

[3]) Leben der Seele III, 352.

Какъ видно изъ предыдущаго, психологическіе законы, которые должны быть положены въ основаніе соціальныхъ наукъ, отличаются по своему происхожденію отъ законовъ механики, и уже изъ ихъ генезиса слѣдуетъ, что они пользуются меньшей всеобщностью. Въ то же время, какъ значеніе теоремъ механики не зависитъ отъ времени и пространства, абстракціи, съ помощью которыхъ соціальная наука пытается объяснить историческія событія, сами исчезаютъ вмѣстѣ съ породившей ихъ эпохой. Отсюда ясно, что онѣ могутъ употребляться лишь при извѣстныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ границахъ. Ихъ отношеніе къ фактамъ опредѣляется не отношеніемъ абсолютнаго къ относительному, но болѣе постояннаго къ болѣе измѣнчивому. Здравый смыслъ считаетъ соціальный фактъ уже объясненнымъ, если удается свести его къ другому, болѣе обыкновенному; задача соціальной науки, въ извѣстномъ отношеніи заключается въ усовершенствованіи методовъ здраваго смысла; она должна сводить измѣнчивыя историческія событія къ наиболѣе постояннымъ и устойчивымъ. Фундаментъ, на которомъ психологія хочетъ построить исторію, не представляетъ чего-то неподвижнаго—онъ увлекается общимъ потокомъ исторіи.

Можетъ быть, не слѣдовало бы говорить, что законы соціальной психологіи не имѣютъ всеобщаго значенія, потому что, какъ замѣтилъ Венцель [1]), признавая за теоремами психологіи народовъ лишь условное значеніе, мы этимъ отказываемъ имъ въ правѣ называться законами. Собственно говоря, эти законы всеобщіе, но лишь въ теоріи, т. е. опытъ не показываетъ намъ, чтобы они всегда осуществлялись въ дѣйствительности. Законы соціальной психологіи лишь говорятъ, что если извѣстныя условія будутъ въ наличности, то послѣдуетъ извѣстное событіе. Но они не доказываютъ, что сочетаніе этихъ условій должно встрѣчаться въ дѣйствительности. Условія физическихъ явленій безпрестанно повторяются; по-

---

[1]) Beiträge zur Logik der Socialwirtschaftslehre.

втореніе соціальныхъ условій, какъ болѣе сложныхъ и измѣнчивыхъ, менѣе возможно. Отсюда понятно, что всеобщій законъ осуществляется лишь въ узкомъ кругу явленій [1]). Соціальная психологія даетъ законы, которые объясняютъ исторію, но которые могутъ быть осуществлены въ полномъ объемѣ лишь на высшихъ ступеняхъ историческаго развитія.

Соображенія, помѣщенныя выше, показываютъ особенности объекта соціальныхъ наукъ и необходимость для нихъ особаго метода; они даютъ намъ, слѣдовательно, возможность отнестись критически къ попыткамъ соединить соціологію съ естествознаніемъ и указываютъ на значеніе разнаго рода метафоръ органической школы. Лазарусъ признаетъ за естественными науками то достоинство, что онѣ пріучаютъ насъ разлагать сложное явленіе на его составные элементы; онъ полагаетъ также, что перенесеніе этого способа изслѣдованія естественныхъ наукъ въ обществовѣдѣніе принесло бы имъ только пользу [2]). Онъ признаетъ также, что сравненіе общества съ организмомъ было до извѣстной степени благотворно, какъ реакція противъ атомизма XVIII вѣка. Но, признавая относительную пользу органической школы въ соціологіи, онъ указываетъ на ея опасности. Не безполезно провести аналогію между обществомъ и организмомъ, чтобы показать, что первое, какъ второй, представляютъ объектъ научнаго изслѣдованія, но не нужно забывать особенности общественныхъ явленій и особенности метода ихъ изученія. Штейнталь считаетъ необходимымъ освободиться отъ натуралистическихъ суевѣрій [3]); Лазарусъ [4]) упрекаетъ Шефле и Спенсера въ томъ, что они принимаютъ сравненіе за объясненіе, подмостки—за само зданіе. Если уже необходимы метафоры, то лучше сравнить общественный Разумъ съ индивидуальнымъ, который не только является моделью, но и причиной перваго.

---

1) Zeitschrift für Völkerpsychologie, III 93.

2) Zeitschrift, III 387.

3) Zeitschrift des Vereins für Völkskunde I 1891, 14.

4) Въ своемъ университетскомъ курсѣ.

Гербартъ уже отмѣтилъ это отношеніе между индивидуальной и общественной психологіей и показалъ преимущество психологическихъ аналогій надъ біологическими. Вообще философія Гербарта много даетъ для пониманія идей Лазаруса. Въ своей борьбѣ противъ діалектической, исторической и натуралистической школы послѣдній опирается на принципы, выставленные Гербартомъ. Психологія народовъ есть логическое развитіе системы Гербарта. Измѣненія, которыя онъ вноситъ въ индивидуальную психологію, кажется, придуманы для того, чтобы открыть путь соціальной психологіи. Своей борьбой противъ ученія о душевныхъ способностяхъ, ученіемъ о представленіяхъ, какъ центрахъ силъ, онъ какъ бы отдѣлялъ душевныя явленія отъ метафизическаго единства нашего *я*. Онъ открылъ путь къ пониманію въ нѣкоторомъ родѣ психологіи безъ личности, психологіи, которая изучаетъ движеніе представленій внѣ индивидуальнаго сознанія. Отсюда до психологіи народовъ одинъ шагъ.

Впрочемъ, это соединеніе психологіи съ гербартіанской философіей скрываетъ въ себѣ нѣкоторую опасность, потому что участь одной можетъ распространиться на другую. А такъ какъ въ настоящее время въ Германіи психологія Гербарта не пользуется особымъ распространеніемъ, такъ какъ наблюдается вообще реакція противъ всякаго рода «психологическаго атомизма» и стремленіе замѣнить анализъ элементовъ душевной жизни ея синтетическимъ ученіемъ, то нѣкоторые возразятъ защитникамъ психологіи народовъ, что существуетъ только психологія индивидовъ [1]).

Таково собственно и есть главное и наиболѣе часто повторяемое возраженіе противъ психологіи народовъ. Ея защитникамъ предлагаютъ дилемму: или вы признаете существованіе соціальнаго сознанія, отдѣльнаго отъ сознанія индивидуальнаго, или вы его отрицаете. Въ первомъ случаѣ, вы олицетворяете абстракцію и возвращаетесь къ мифологіи или, по меньшей

---

[1]) Sigwart. Logik. II. 615.

мѣрѣ, къ метафизикѣ, во второмъ—ваша психологія народовъ не имѣетъ собственнаго объекта изученія, и вы должны возвратиться къ психологіи индивида. Лазарусъ могъ бы легко отвѣтить на первое возраженіе, не прибѣгая даже къ помощи психологіи безъ личнаго сознанія, какъ это дѣлаютъ Постъ и Гумпловичъ, которые полагаютъ, что нужно говорить не «я думаю», но «кто то думаетъ во мнѣ», подобно тому, какъ мы говоримъ «въ городѣ идетъ дождь». Мы уже указывали выше, что объектъ соціальной психологіи образуютъ тѣ элементы индивидуальнаго сознанія, которые общи всѣмъ членамъ общества. Но, отвѣчая на первое возраженіе, не подтверждаемъ ли мы тѣмъ самымъ справедливость второго? Не представляетъ ли соціальная психологія лишь частное приложеніе психологіи индивидовъ?

Въ вышеприведенномъ сравненіи отношенія соціальной психологіи къ исторіи съ отношеніемъ механики къ естественнымъ наукамъ нѣкоторые видятъ какъ бы признаніе того, что объектамъ психологіи народовъ служатъ простые, не разложимые элементы или конечныя причины. Но дѣйствительно ли общественное сознаніе является такой элементарной причиной? Защитники соціальной психологіи упрекаютъ діалектическую, историческую и натуралистическую школы въ томъ, что онѣ недостаточно объясняютъ общественныя явленія; нельзя ли обратить тотъ же упрекъ противъ нихъ самихъ и сказать, что они не хотятъ видѣть индивида и его сознанія—первичнаго элемента и первичной причины историческихъ событій. Соціальное сознаніе—это естественный или пріобрѣтенный продуктъ общихъ чертъ индивидуальныхъ сознаній. Задача психолога заключается въ томъ, чтобы узнать причины различій и сходствъ индивидуальныхъ сознаній, открыть ихъ взаимодѣйствія и измѣненія; однимъ словомъ, чтобы построить соціальную психологію, нужно обратиться къ взаимодѣйствію между индивидуальными сознаніями. Отсюда слѣдуетъ, что индивидуальная психологія относится къ психологіи народовъ также, какъ послѣдняя къ исторіи.

Какъ бы то ни было, соціальная психологія—представляетъ ли она лишь часть индивидуальной психологіи, или является самостоятельной наукой—внесла много свѣта въ цѣлый рядъ вопросовъ. Излагая ниже состояніе наукъ о нравственности, экономіи и правѣ, мы увидимъ, насколько онѣ нуждаются въ помощи общихъ соціальныхъ наукъ; мы увидимъ также, что частныя соціальныя науки являются лишь случаемъ приложенія соціальной психологіи.

Г. Зиммель.

Наука о нравственности.

Изъ всѣхъ соціальныхъ наукъ наука о нравственности является, можетъ быть, наиболѣе полезной, но въ то же время едва ли не самой трудной. Она отвѣчаетъ больше, чѣмъ какая иная наука непосредственнымъ практическимъ потребностямъ, но эти же потребности служатъ, пожалуй, сильнѣйшимъ препятстіемъ къ ея развитію. Посмотримъ, какъ Зиммель опредѣляетъ эти препятствія, и какія онъ предлагаетъ средства для борьбы съ ними.

Чтобы придать этикѣ характеръ науки, нужно прежде всего замѣнить императивы и обычныя абстракціи историческимъ анализомъ. Наука о нравственности черпаетъ матеріалъ въ

---

[1]) Ueber social Differenzirung. Leipzig 1890. Einleitung in die Moral.—Wissenschaft 2 vol. Berlin 1892—9?. Die Probleme der Geschichtsphilosophie. Berlin 1893.

Кромѣ того, Зиммель опубликовалъ рядъ статей въ періодическихъ урналахъ: въ Zeitschrift für Völkerpsychologie (Psychologie der Frau) Jahrbuch für Gesetzgebung (Psychologie des Geldes), въ Revue de etaphisique (Le probléme de la sociologie, 94) въ International Jourl of Ethik (какимъ образомъ нравственныя несовершенства могутъ особствовать функціямъ интеллекта) въ Archiv für Systematische Philophie (Ueber eine Bezihung der Selectionslehre zur Erkentnistheorie 95). Въ настоящее время онъ преподаетъ соціологію въ Берлинскомъ иверситетѣ.

Чтобы лучше понять коренное различіе, установляемое Зиммелемъ жду нравственностью и наукой о нравственности, не безполезно авнить труды Зиммеля съ трудами Stenthal'я (Algemeine Ethik), audinger'а (Das Sittengesetz), Wundt'а (Ethik), Paulsen'а (System der hik) и статьями Ehrentels'а.

психологіи, соціологіи и исторіи, которыя пріучаютъ насъ видѣть въ соціальныхъ формахъ то причину, то слѣдствіе этическихъ силъ. Наука о нравственности должна отказаться отъ абстрактныхъ спекуляцій,—вотъ что старается доказать Зиммель, разсматривая и анализируя нравственныя понятія. Ихъ простота—лишь иллюзія, ихъ смыслъ ускользаетъ отъ опредѣленія. Эти неопредѣленныя понятія, которыя можно толковать въ различныхъ и даже противоположныхъ смыслахъ, представляютъ результатъ способности нашего ума превращать реальности въ абстракціи, для того чтобы потомъ превратить абстракцію въ реальность. Задача критики въ приложеніи къ этикѣ заключается въ томъ, чтобы, доведя логическую мысль до ея послѣднихъ выводовъ, тѣмъ самымъ показать, что нравственная наука должна отказаться отъ спекуляціи и обратиться къ наблюденію. Зиммель не излагаетъ никакой позитивной нравственности и не предлагаетъ никакого императива; онъ хочетъ лишь подготовить почву для построенія науки о нравственности. Цѣль опредѣляетъ методъ. Зиммель беретъ извѣстное нравственное понятіе, изслѣдуетъ его діалектически, старается опредѣлить его, для того чтобы показать, что опредѣленіе не годится, невозможно; онъ показываетъ, что изъ самыхъ различныхъ понятій можно извлечь одинъ и тотъ же принципъ и одно и то же понятіе изъ различныхъ принциповъ. Онъ показываетъ далѣе, какъ подъ абстракціями скрываются психологическія, историческія и соціальныя идеи, опредѣляющія эти абстракціи. Однимъ словомъ, книга Зиммеля представляетъ собраніе соображеній и историческихъ замѣчаній, которыми онъ пытается раскрыть иллюзіи мысли и показать ихъ реальное основаніе.

Цѣль и методъ объясняютъ, почему произведеніе Зиммеля,—что онъ признаетъ и самъ, — не представляетъ цѣльной системы [1]). Онъ анализируетъ одно за другимъ понятіе обычной морали: долгъ, эгоизмъ, счастье, свободу, разсматриваемыя

---

[1]) Einleitung in die Moralwissenschaft II, Vorrede.

ошибочно какъ отдѣльныя силы; онъ начинаетъ свой анализъ, исходя изъ самыхъ различныхъ положенiй, такъ какъ его задача именно и состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что одно и то же понятiе можетъ быть выведено изъ различныхъ принциповъ. Въ своемъ изложенiи мы не претендуемъ передать содержанiе многочисленныхъ главъ, полныхъ оригинальныхъ мыслей и наблюденiй. Единство подобной книги заключается лишь въ единствѣ ея духа, который мы постараемся освѣтить нѣкоторыми примѣрами.

Возьмемъ вопросъ о роли понятiя долга для морали. Зиммель дiалектически доказываетъ, что долгъ—лишь форма, лишенная всякаго содержанiя. Онъ сравниваетъ понятiе Долга съ понятiемъ Бытiя и показываетъ, что ни изъ одного изъ этихъ понятiй нельзя извлечь никакихъ положительныхъ выводовъ; отсюда — безплодность всякихъ онтологическихъ спекуляцiй какъ въ морали, такъ и метафизикѣ. Изъ понятiя Долга и Бытiя мы не можемъ опредѣлить путемъ спекуляцiи ни объекта нашихъ дѣйствiй, ни объекта нашихъ представленiй. Понятiе Долга и Бытiя принадлежитъ не къ категорiи объективной дѣйствительности, но къ категорiи психическихъ формъ, которыя могутъ быть наполнены различнымъ содержанiемъ. Въ каждое изъ нашихъ представленiй входитъ два элемента: 1) объектъ, 2) чувство, которое намъ указываетъ, принадлежитъ ли объектъ къ реальному или идеальному мiру. Для дикаря и ребенка мiръ реальный еще смѣшивается съ мiромъ идей; первобытный человѣкъ имѣетъ непоколебимую вѣру въ реальное существованiе своихъ идей; но, съ теченiемъ времени и по мѣрѣ накопленiя опыта, эти два мiра все болѣе и болѣе обособляются. Несмотря однако на это обособленiе, къ которому ведутъ самые различные пути, мы не можемъ выйти изъ нашего сознанiя. Только сознанiе и чувство противопоставляетъ реальное идеальному. Между этими двумя понятiями, представляющими не свойство вещей, но свойства нашей мысли, существуетъ только различiе въ чувствѣ. Съ тѣмъ большимъ основанiемъ можно утверждать, что промежуточныя понятiя,

связующія эти двѣ противоположности, представляютъ лишь психологическое различіе. Хотѣть, надѣяться, мочь — это все психическія состоянія, которыя размѣщаютъ вещи между двумя крайними пунктами: міромъ реальностей и міромъ идей. Это, такъ сказать, одна и та же мелодія, пропѣтая различными голосами. Долгъ—это одинъ изъ тоно́въ, одинъ изъ способовъ мысли, какъ будущее или прошедшее, одна изъ формъ, которую можно наложить или отдѣлить отъ всякаго матеріала. Кантъ въ своемъ ученіи о долгѣ совершилъ, слѣдовательно, ту же самую ошибку, которую онъ указалъ въ существовавшемъ до него ученіи о Бытіи. Долгъ, какъ Бытіе, лишь обозначеніе извѣстнаго психическаго характера нашихъ представленій; другими словами, нельзя доказать ни Долга, ни Бытія, но можно только ихъ прожить и прочувствовать. Доказать реальность извѣстнаго объекта и нравственную обязанность извѣстнаго дѣйствія—это значитъ лишь привести наше сознаніе въ такія условія, при которыхъ въ немъ воспроизводятся психическія состоянія, называемыя Долгомъ и Реальностью. Логика не творитъ этихъ состояній: она ихъ предполагаетъ. Поэтому она можетъ только тогда доказать нашъ долгъ, когда онъ существуетъ въ нашей душѣ; она можетъ лишь заставить насъ его перечувствовать. Однимъ словомъ, можно научить узнавать долгъ и бытіе, но нельзя вывести ихъ изъ понятій. Вотъ почему не могутъ быть доказаны ни источники Бытія, ни источники Долга. Моралистъ можетъ выводить частный долгъ изъ общаго понятія о долгѣ: всеобщаго счастія, послушанія волѣ Бога, развитія всѣхъ способностей личности, но откуда онъ выводитъ этотъ первичный долгъ — никто не можетъ сказать. Каждый долгъ можетъ найти свое оправданіе и объясненіе въ слѣдующемъ за нимъ; но послѣдній долгъ, на которомъ покоятся всѣ остальные, не можетъ быть ничѣмъ доказанъ. Онъ похожъ на геометрическія аксіомы, на которыхъ покоится все зданіе доказательствъ, но которыя не могутъ быть доказаны. Долгъ—это абсолютное понятіе, т. е. онъ не имѣетъ никакого логическаго основанія. Этотъ логическій характеръ абстракт-

наго понятія долга служитъ символомъ психологическаго характера его содержанія. Особенность его заключается въ томъ, что оно не можетъ быть объяснено. Сознаніе не проникаетъ глубоко въ рядъ причинъ, которыя могли бы объяснить, почему извѣстное дѣйствіе мы называемъ нашимъ долгомъ. Эти причины теряются въ хаосѣ соціальныхъ отношеній прошлаго и настоящаго. Число интересовъ и чувствъ, изъ борьбы и ассоціации которыхъ рождаются формы нашей нравственной дѣятельности, слишкомъ велико, чтобы позволить разуму сосредоточиться на какомъ-либо одномъ представленіи; они остаются часто за порогомъ сознанія, придавая поэтому долгу, который они основываютъ, видъ явленія безъ основанія, причины самого себя. Долгъ черпаетъ въ нѣкоторомъ родѣ освященіе въ нашей склонности идеализировать темное и непонятное. Не наше знаніе, а скорѣе наше незнаніе того, что скрыто за понятіемъ долга, придаетъ ему нравственную силу. Такимъ образомъ, наше сознаніе превращаетъ въ абсолютныя понятія— относительныя необходимости, рождающіяся въ историческомъ развитіи.

Вещь кажется намъ только тогда нравственной, когда она сохраняетъ немного мистическій характеръ. Мы приписываемъ ее тогда не эмпирическимъ и условнымъ причинамъ, а трансцендентальнымъ и безусловнымъ. Два полюса, между которыми вращается вся нравственная дѣятельность, ея исходный и конечный пункты, свобода и долгъ, выражаютъ на свой манеръ же чувство. Психическія причины, на которыхъ основыется нравственный долгъ, исчезаютъ въ безсознательномъ; гается одинъ долгъ, который намъ кажется какъ бы посланмъ съ неба. Поэтому принципы морали являются предъ нами формѣ безусловныхъ истинъ. Генезисъ нашихъ душевныхъ стояній проливаетъ свѣтъ на наше логическое безсиліе. Представленная сама себѣ логика на самомъ дѣлѣ не указываетъ какого долга. Принципы различныхъ нравственныхъ системъ едполагаютъ существованіе идеала, который они думаютъ основать. Напримѣръ, принципъ золотой середины предпола-

аетъ предварительное существованіе нравственнаго идеала, потому что, теоретически, разстояніе, которое должно насъ отдѣлять отъ одной изъ крайностей, опредѣляется лишь разстояніемъ, отдѣляющимъ насъ отъ другой; послѣднее же въ свою очередь представляетъ функцію перваго. Такимъ образомъ опредѣлять поведеніе правиломъ золотой середины, это все равно, что опредѣлять пунктъ съ помощью двухъ перемѣнныхъ, изъ которыхъ каждая является функціей другой [1]). Неподвижный пунктъ это всегда—нравственный идеалъ, предшествующій всякому доказательству. Нравственные принципы—лишь аналитическія формулы этой реальности. Лишь исторія наполняетъ содержаніемъ пустыя формулы логики.

Пути, которыми исторія вліяетъ на наши нравственныя понятія, очень разнообразны. Иногда принужденіе порождаетъ долгъ. Извѣстное дѣйствіе, долгое время исполняемое по необходимости, скоро становится нравственнымъ долгомъ. Иногда извѣстная цѣль налагаетъ извѣстную форму на нашу дѣятельность. Потомъ цѣль исчезаетъ, но форма остается. Наконецъ, часто долгъ рождается просто изъ факта. Достаточно, чтобы вещь долго существовала—намъ кажется, что она существуетъ по извѣстному праву. Здѣсь мы встрѣчаемся съ нѣкоторымъ родомъ привычки нашего сознанія, аналогичной индукціи: потому что извѣстный фактъ повторяется, мы полагаемъ, что онъ долженъ повторяться. Извѣстное дѣйствіе въ нашихъ глазахъ получаетъ оправданіе и объясненіе, если мы узнаемъ, что оно освящено привычкой, что такъ всѣ дѣлаютъ. Мы говоримъ тогда, что дѣйствіе «нормально»,—слово, которымъ выражаютъ, что это дѣйствіе есть фактъ и въ тоже время долгъ фактъ—для совокупности индивидовъ, долгъ—для каждаго въ отдѣльности. Идея расы, въ которой часто видятъ идеалъ для личности, представляетъ лишь резюме изъ реальныхъ качествъ расы, обнаруживаемыхъ исторіей. Реальность опредѣляетъ идеалъ. То, что есть, должно быть—это въ нѣкоторомъ родѣ нрав-

[1]) Einleitung I, 48.

ственный плеоназмъ, и метафизики даютъ намъ хорошую иллюстрацію, опредѣляя зло небытіемъ и приказывая намъ отрицать то, что не существуетъ. Между понятіемъ Долга и Бытія исторія устанавливаетъ часто также отношеніе тожества. Но она можетъ также устанавливать противоположныя отношенія. И этимъ собственно доказывается чисто формальный характеръ понятія долга, которое можетъ быть наполнено самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Отсутствіе реальности творитъ также иногда долгъ, какъ и сама реальность. То, чего нѣтъ, мы возводимъ въ идеалъ. Такимъ образомъ, мы уважаемъ и идеализируемъ то, что мы имѣемъ, то, чего намъ недостаетъ, то настоящее, то прошедшее, то будущее. Долгъ борется противъ факта. Нравственное чувство заставляетъ часто людей протестовать противъ реальности, присоединиться къ меньшинству, выставлять противъ идеала расы идеалъ личности. Лучшія нравственныя усилія родились изъ борьбы противъ обычныхъ нравственныхъ понятій, изъ отрицанія факта. Итакъ, мораль есть столь же продуктъ духа консерватизма, сколько—оппозиціи. Подобно нашему сознанію, которое заключаетъ въ себѣ принципъ неподвижности рядомъ съ принципомъ измѣненія, подобно нашему организму, который содержитъ въ себѣ и способность самосохраненія, и способность приспособсенія, точно одкже и наша нравственность черпаетъ свое содержаніе съ одной стороны въ томъ, что существуетъ, потому что оно существуетъ, съ другой, въ томъ что не существуетъ, потому что оно не существуетъ. Какъ любовь рождается изъ πόρος и изъ πενία, такъ нравственность происходитъ изъ Бытія и небытія.

Но Бытіе и не-Бытіе для Зиммеля—факты психологіи, а не метафизики.

Метафизическія идеи это—символы и образы, черпающіе свое содержаніе въ фактахъ исторіи. Лучшій способъ объяснить понятіе это—показать соціальныя и психологическія отношенія, выраженіемъ которыхъ оно служитъ. Такъ, чтобы понять идею свободы, нужно знать реальную свободу въ ея от-

ношеніи къ праву и власти [1]). Психологическій анализъ понятія долга указываетъ причины неопредѣленности долга. Онтологія не можетъ намъ объяснить исторію; наоборотъ, исторія объясняетъ онтологію. Поэтому наука о нравственности должна замѣнить спекуляцію наблюденіемъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ своей критикѣ идеи долга Зиммель, казалось, защищаетъ натуралистическую нравственность. Но это лишь кажущееся сходство. Его критика теоріи эгоизма [2]) не менѣе строга, чѣмъ критика теоріи долга. Изложеніе его критики идеи эгоизма покажетъ намъ, что онъ относится съ одинаковымъ научнымъ безпристрастіемъ ко всѣмъ системамъ морали и, раскрывая ихъ претензіи и заблужденія, хочетъ занять мѣсто надъ всѣми частными доктринами.

Какъ основаніе теоріи эгоизма приводятъ данныя или науки о природѣ или о духѣ.

Во всѣхъ сферахъ жизни эгоизмъ представляетъ болѣе естественное явленіе, чѣмъ альтруизмъ. Послѣдній является лишь исключеніемъ и даже обманчивой внѣшностью. Объяснить альтруизмъ значитъ свести его къ эгоизму. Этимъ косвенно воздаютъ хвалу эгоизму. Когда разумъ говоритъ, что эгоизмъ естественъ, мы легко съ нимъ примиряемся и склонны смотрѣть на альтруизмъ какъ на нѣкотораго рода безуміе; возставать противъ эгоизма не значитъ ли это возставать противъ законовъ причинности?

Поэтому, когда мы утверждаемъ господство эгоизма, мы его возводимъ какъ бы въ идеалъ. Но что означаетъ утвержденіе: эгоизмъ болѣе естественъ, чѣмъ альтруизмъ? Одно изъ трехъ 1) или, что онъ является болѣе общимъ явленіемъ, 2) ил болѣе первоначальнымъ, 3) или болѣе простымъ.

Представляетъ ли эгоизмъ явленіе болѣе общее? Критиче ская психологія указываетъ прежде всего на трудности, встрѣ чаемыя на первыхъ же шагахъ при опредѣленіи эгоизма. Н

[1]) Einleitung II 131—205.

[2]) Einleitung, I, 85—212.

говоря о лицемѣріи, которое часто дурачитъ самого себя, мы укажемъ лишь на то, что само дѣйствующее лицо не можетъ большею частью точно оцѣнить свой поступокъ, такъ какъ онъ является результатомъ сложной комбинаціи сознательныхъ, и безсознательныхъ мотивовъ. Эгоистъ не живетъ внѣ общества и онъ не можетъ извлечь изъ самого себя ни цѣли, ни средства своихъ дѣйствій. Даже предполагая, что онъ преслѣдуетъ чисто индивидуальную цѣль, онъ не можетъ достичь ея безъ помощи об, щества. Лишь общество обезпечиваетъ ему своимъ правомъ-своимъ содѣйствіемъ достиженіе того, къ чему онъ стремится. Оно принуждаетъ его пройти черезъ свои обычаи и учрежденія, которыя преобразуютъ его природу. Соціальныя средства оказываютъ обратное дѣйствіе на индивидуальную цѣль, реализація—на намѣреніе. Потому что по общему закону, который управляетъ всей исторіей морали, средства нечувствительно и постепенно превращаются въ цѣль. Эгоизмъ и альтруизмъ, такимъ образомъ, перемѣшиваются между собою, и изъ этого хаоса довольно трудно выдѣлить болѣе естественный элементъ.

Не слѣдуетъ ли, по крайней мѣрѣ, что эгоизмъ хронологически предшествуетъ альтруизму? Прежде всего, сказать: первоначальный, не значитъ еще сказать: болѣе естественный. Не слѣдовало ли бы тогда сказать, что голодъ болѣе естественъ, чѣмъ любовь? И наконецъ, не представляетъ ли альтруизмъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ эгоизмъ? Первобытный человѣкъ уже живетъ въ обществѣ. (Если бы человѣкъ не былъ общественнымъ животнымъ, онъ такъ бы отличался по своимъ свойствамъ, что мы не могли бы его назвать человѣкомъ). Но чѣмъ примитивнѣе, неорганизованнѣе общество, тѣмъ болѣе оно требуетъ отъ индивида преданности общимъ цѣлямъ, самоотверженія, альтруизма.

Или, быть можетъ, скажутъ, что эгоизмъ представляетъ наиболѣе простой, наиболѣе естественный принципъ; что поэтому онъ объясняетъ альтруизмъ и что его, слѣдовательно, надо положить въ основаніе науки о нравственности. Но, во-первыхъ,

простота не всегда признакъ реальности. Ошибочно думать, что природа всегда дѣйствуетъ кратчайшими путями. И затѣмъ, объясненіе соціальныхъ и моральныхъ явленій эгоизмомъ можетъ удовлетворять лишь при предположеніи атомистическаго взгляда на общество. Но оно покажется слишкомъ упрощеннымъ для того, кто имѣетъ въ виду безчисленное количество соціальныхъ факторовъ, вліяющихъ на направленіе каждаго индивидуальнаго поступка.

Въ самомъ дѣлѣ, руководящей гипотезой, подъ господствомъ которой складывается современная соціальная наука, была гипотеза альтруизма. Нѣтъ никакихъ поводовъ, слѣд., предполагать, что эгоизмъ является болѣе существеннымъ фактомъ, чѣмъ альтруизмъ.

Собственно говоря, эпитетъ «естественный» не опредѣляетъ никакого характера. Или это пустое слово, которое можно приложить ко всякимъ явленіямъ и которое, слѣд. ничего не выясняетъ. Или онъ прилагается къ извѣстнымъ явленіямъ; тогда онъ имѣетъ содержаніе, но это содержаніе приходитъ извнѣ, изъ исторіи, но не констатируется логическимъ процессомъ. Тоже надо сказать относительно разума, который иногда противопоставляютъ природѣ, какъ нравственность противопоставляютъ эгоизму. Или мы беремъ разумъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ способности разсуждать и дѣлать логическіе выводы, но тогда, говоритъ Зиммель, я спрашиваю, вопреки мнѣнію Канта, что есть общаго между моей способностью предпочитать интересы другихъ моему собственному и способностью умозаключать. Или же идея разума заключаетъ въ себѣ также идею сознанія и души. Различія, которыя потомъ вводятся сюда, въ это общее понятіе, уже не логическаго характера, но историческаго и психологическаго. Разумъ, орудіе философа, становится его цѣлью сообразно закону, который мы установили выше. Остается, значитъ, сказать, что логически эгоизмъ не менѣе раціоналенъ, чѣмъ альтруизмъ, но съ другой стороны, онъ и не болѣе естественъ. Эпитеты: разумный и естественный

одинаково пусты. Реальность не помѣщается въ рамки абстракцій; вотъ почему возможно существованіе противорѣчащихъ теорій. Оптимизмъ и пессимизмъ одинаково справедливы; мы находимъ въ реальной жизни и противорѣчія и гармонію; она даетъ примѣры и альтруизма и эгоизма, благородства и униженія личности. Она не даетъ намъ ни одного урока, потому что она даетъ слишкомъ много. Итакъ, наблюденіе не можетъ оправдать теоріи эгоизма.

Можетъ быть, ее можно доказать, исходя изъ теоріи познанія. Человѣкъ не можетъ выйти изъ самого себя. Всякая воля, какъ всякое представленіе, принадлежитъ индивиду. Онъ можетъ стремиться къ своимъ цѣлямъ. Интересъ другихъ его касается только черезъ посредство его личныхъ интересовъ, потому что онъ можетъ ихъ представить только съ помощью своихъ представленій.

Но говорить такимъ образомъ—значитъ ничего не объяснять. Запертые въ рамкахъ личности, эгоизмъ и альтруизмъ тѣмъ не менѣе находятся въ оппозиціи; если даже можно доказать, что всякій объектъ существуетъ лишь въ субъектѣ, это не уничтожаетъ вовсе въ предѣлахъ субъекта различія между субъективнымъ и объективнымъ или, по крайней мѣрѣ, между болѣе и менѣе субъективнымъ. Субъективный характеръ моихъ моивовъ не опредѣляетъ еще ихъ моральнаго характера. Мы дѣсь опять встрѣчаемся съ формой, изъ которой нельзя вывести никого содержанія. Доказательствомъ этому служитъ уже ›актъ, что изъ этой формы были выведены самыя различныя еоріи. Изъ метафизической личности, которая поглотила весь еальный міръ, можно вывести противоположныя правила. Идеализмъ освящаетъ то эгоизмъ, то альтруизмъ. По Шопенауэру,—когда я призналъ, что страданія другихъ становятся оими страданіями, я не могу оставаться эгоистомъ; но можно озразить, что это тождество не можетъ меня побудить пожертовать моимъ счастьемъ ради счастья другого. Теорія познанія, лѣдовательно, не можетъ диктовать, ни даже опредѣлять эго-

истическаго или альтруистическаго дѣйствія. *Я*— это пустая форма, куда могутъ войти всевозможные элементы.

Эти элементы коренятся въ потокѣ историческихъ событій; они являются реальными факторами морали, и сложность ихъ отношеній не позволяетъ замкнуть ихъ въ рамки абстракціи. Общество налагаетъ на каждаго изъ своихъ членовъ свои требованія; въ нашемъ сознаніи они группируются по категоріямъ, и мы направляемъ наши дѣйствія въ сторону наибольшей силы. Но конечная цѣль этихъ требованій намъ неизвѣстна; каждое слагаетъ, такъ сказать, отвѣтственность на предыдущее и обратно. Такимъ образомъ, представленіе долга покоится, въ извѣстномъ смыслѣ, на логической ошибкѣ, на безконечномъ нисходящемъ рядѣ величинъ. Но этой логической ошибкѣ соотвѣтствуетъ извѣстное реальное психологическое состояніе. Для нашего сознанія безконечный рядъ останавливается по необходимости на извѣстномъ пунктѣ; отсюда неясность и неопредѣленность понятія долга, неопредѣленность, которую трудно уничтожить, потому что наше сознаніе не представляетъ одной равнодѣйствующей, но нѣсколько,—слагаемыхъ изъ различныхъ и часто противорѣчивыхъ стремленій.

Соціальныя группы, къ которымъ мы принадлежимъ, такъ сказать сосредоточиваются въ нашемъ нравственномъ сознаніи; отсюда безвыходное противорѣчіе, потому что дѣйствіе, альтруистическое въ отношеніи къ одной соціальной группѣ, напр. по отношенію къ семьѣ, городу,—можетъ быть эгоистичнымъ по отношенію къ другимъ: отечеству, человѣчеству. Нѣкоторыя дѣйствія совершенно ускользаютъ отъ подобной оцѣнки; они опредѣляются не интересами личностей, но напр. чистой идеей блага. Такимъ образомъ, въ сотняхъ и тысячахъ случаевъ дѣйствительность не подчиняется абстракціямъ. Слова: эгоизмъ и альтруизмъ являются лишь обозначеніями a posteriori но не понятіями, на которыхъ можно было бы возвести научное зданіе.

Источникъ всѣхъ этихъ абстракцій, изъ которыхъ хотятъ вывести безконечное разнообразіе нравственныхъ явленій,

есть вѣра въ существованіе нераздѣльнаго и неизмѣннаго *я*. Изъ этого *я* хотятъ вывести эгоизмъ или альтруизмъ. Между тѣмъ *я*, которое имѣетъ значеніе въ наукѣ о нравственности,— лишь центръ пересѣченія различныхъ соціальныхъ круговъ. Даже, когда индивидъ возстаетъ противъ окружающаго общества, его личность, его независимость представляютъ продуктъ соціальной дифференцировки, результатъ развитія и численнаго увеличенія, тѣхъ соціальныхъ группъ, къ которымъ онъ принадлежитъ Нравственныя стремленія представляютъ результатъ движеній, исходящихъ изъ различныхъ пунктовъ. Изученіе этихъ составныхъ элементовъ реальной личности должно замѣнить безплодныя спекуляціи надъ абстрактнымъ *я*. Эти спекуляціи, повинуясь стремленію къ единству, стремятся свести многообразные нравственные факты къ одному принципу. Онѣ не могутъ удовлетвориться признаніемъ разнообразныхъ, историческихъ цѣлей человѣческой дѣятельности, но хотятъ поставить подъ реальными цѣлями конечную цѣль, изъ которой можно было бы вывести всѣ остальныя. Стараясь замкнуть нравственность между конечной цѣлью и конечной причиной, онѣ принуждены игнорировать разнообразіе происхожденія и цѣлей этическихъ явленій. Этическій монизмъ,— вотъ, по мнѣнію Зиммеля, постоянный недостатокъ всякой абстрактной теоріи нравственности.

Фактъ существованія конфликтовъ долга съ самимъ собой приводитъ Зиммеля не только къ критикѣ той или другой формы нравственнаго монизма, но къ критикѣ самаго принципа.

Одного этого факта, полагаетъ Зиммель, собственно говоря, достаточно для разрушенія всякаго монистическаго постулата морали. Наблюденіе реальныхъ силъ указываетъ намъ, что эти конфликты не представляютъ лишь случайнаго или временнаго явленія. Между соціальными группами, къ которымъ мы принадлежимъ, и интересы которыхъ борятся въ насъ· между собой и съ нашими собственными интересами, есть такія, для которыхъ борьба и являтся ихъ «raison d'être»

Извѣстныя соціальныя формы рождаются, какъ антитеза другимъ. Часто соціальныя группы, по происхожденію родственныя между собой, какъ семья и государство, въ своемъ историческомъ развитіи вступаютъ въ борьбу, такъ какъ ихъ нравственныя требованія приходятъ въ противорѣчіе. Такъ возникаютъ въ сознаніи личности конфликты, для которыхъ нѣтъ логическаго исхода. Чувство этихъ непримиримыхъ противорѣчій, быть можетъ, является чувствомъ трагическимъ «par excellence». Мы сознаемъ, что эти противорѣчія не умираютъ вмѣстѣ съ ихъ жертвами: борьба между религіозными и политическими законами не прекращается со смертью Антигоны. Съ другой стороны, этотъ нравственный конфликтъ переживаетъ реальное противорѣчіе, выраженіемъ котораго онъ является. Группы исчезаютъ, но ихъ духъ остается и вступаетъ въ борьбу съ новымъ духомъ. Понятія, переданныя отъ прошлаго, продолжаютъ существовать въ нашемъ чувствѣ и приходятъ на каждомъ шагу въ столкновеніе съ новыми понятіями, которыя доставляетъ намъ разумъ. Нашъ разумъ идетъ быстрѣй, чѣмъ наши чувства. Когда наши знанія, наконецъ, проникаютъ въ область безсознательнаго, когда, наконецъ, онѣ становятся чувствомъ,—наука уже уходитъ впередъ. Такимъ образомъ, чувство и знаніе, изъ которыхъ одно часто является продуктомъ или превращеніемъ другого, развиваются параллельно въ исторіи морали, и ихъ борьба начинается съ каждой новой эпохой. Разумъ часто является въ исторіи какъ разрушитель морали: такъ, Сократъ былъ приговоренъ къ смерти за развращеніе молодежи.

Сообразно точкѣ зрѣнія, съ которой мы смотримъ, наше обычное поведеніе покажется болѣе или менѣе нравственнымъ, чѣмъ поведеніе, предписываемое разумомъ. Отсюда постоянная двойственность: съ одной стороны насъ толкаютъ темныя влеченія и предписанія обычной нравственности, воспитанныя съ дѣтства; съ другой — существуетъ влеченіе—дѣйствовать разумно, т. е. согласовать нашу жизнь съ данными и законами науки. Это столкновеніе постоянно возрождается подъ новыми

формами, и ни логическія спекуляціи, ни научное доказательство, ни даже сама исторія не могутъ его устранить. Замѣчательно, что стремленіе къ логическому единству не только не уменьшаетъ этихъ противорѣчій, но, обратно, является большей частью ихъ исходнымъ пунктомъ. Въ нашей душѣ могутъ мирно существовать два чувства долга, по существу противуположныя другъ другу. Лишь желаніе свести ихъ къ одному долгу показываетъ ихъ несовмѣстимость. Несистематичный, отрывочный характеръ нашей нравственности поражаетъ изслѣдователя, и онъ хочетъ ввести въ нее логическое единство. Тогда противуположности становятся противорѣчіями. Такимъ образомъ, стремленіе къ монизму часто порождаетъ его отрицаніе.

Не можетъ ли наука отвѣтить тамъ, гдѣ оказывается несостоятельной чистая логика, и нельзя ли путемъ простого подсчета рѣшить, въ какомъ изъ двухъ противорѣчныхъ дѣйствій, предписываемыхъ долгомъ, заключается большее количество блага? Напр., нельзя ли назвать высшимъ тотъ долгъ, который, по своему происхожденію и своей цѣли, охватываетъ болѣе широкую соціальную группу? Къ несчастью, нельзя ограничиться вычисленіемъ количественныхъ результатовъ извѣстнаго моральнаго поступка, нельзя называть дѣйствіе высшимъ, лучшимъ, если оно охватываетъ болѣе широ-ій соціальный кругъ: долгъ передъ человѣчествомъ не всегда ужно предпочитать долгу передъ семьей. Нужно было бы акже измѣрить интенсивность послѣдствій нравственнаго ѣйствія, потому что иногда благо, оказываемое меньшему оличеству людей, чувствуется глубже, чѣмъ благо, оказываемое широкому кругу; для правильности итоговъ нужно ыло бы принимать во вниманіе не только простое количество, о и интенсивность, что невозможно. Сведеніе задачи къ вопросамъ количества полезно лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло детъ о дѣйствительно измѣримыхъ величинахъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ этого условія, подобная попытка лишь величиваетъ трудности.

Можетъ быть, скажутъ, что самъ историческій процессъ долженъ постепенно примирить нравственныя противорѣчія і реализировать мало-по-малу этическій монизмъ? Но история увеличиваетъ число группъ: религіозныхъ, соціальныхъ, интеллектуальныхъ, экономическихъ и, тѣмъ самымъ, все болѣе и болѣе усложняетъ міръ личности. Ея нравственный долгъ не представляетъ уже чего-то цѣльнаго, односторонняго, яснаго, какъ было въ то время, когда личность составляла одно цѣлое съ обществомъ. Ростущая дифференцировка соціальныхъ группъ, соотвѣтственно ростущая дифференцировка психологическаго содержанія личности, эти два параллельные процесса, кажется, должны лишь увеличить число нравственныхъ противорѣчій и ихъ интенсивность. По мѣрѣ того, какъ исторія усложняетъ нравственные вопросы, она дѣлаетъ личность болѣе чувствительной къ нимъ.

Такимъ образомъ, фактъ нравственныхъ конфликтовъ дѣлаетъ невозможнымъ этическій монизмъ. Утвержденіе, что подъ внѣшними противорѣчіями, которыя представляютъ требованія реальнаго нравственнаго долга, скрывается единство,—является лишь метафазической гипотезой, которая можетъ быть принята на вѣру, но не можетъ быть доказана научно. Конечно, можно отразить эти противорѣчія на практикѣ, исходя изъ одного нравственнаго императива, но мы не имѣемъ права объявлять, что разнообразныя этическія силы могутъ быть сведены въ исторіи къ одному принципу. Реформаторъ нравственности можетъ на практикѣ свести всѣ нравственныя дѣйствія къ одному принципу; но этотъ принципъ не является достаточнымъ основаніемъ для построенія науки о нравственности. Если монизмъ находитъ еще защитниковъ въ этической наукѣ, то это объясняется смѣшеніемъ вопросовъ теоріи съ вопросами практики. Наука о нравственности еще находится въ состояніи аморфизма, который препятствуетъ ей выйдти изъ метафизической стадіи, и, благодаря которому, этическая дѣйствительность скрывается подъ абстракціями и практичекими требованіями. Отдѣлить теорію отъ практики, показать

смѣшеніе понятій вульгарной нравственности, замѣнить наконецъ, построенія, основанныя на этихъ смутныхъ понятіяхъ, точнымъ наблюденіемъ историческихъ, соціальныхъ и психологическихъ силъ, борьба и гармонія которыхъ опредѣляетъ содержаніе всей нравственной жизни—такова задача, которую ставитъ Зиммель въ своемъ введеніи въ нравственную науку.

II.

Чтобы измѣрить объемъ и претензіи науки, которую хочетъ построить Зиммель, сравнимъ ея принципы съ общими принципами соціальныхъ наукъ въ Германіи.

Мы замѣчаемъ прежде всего, что Зиммель выдѣляетъ науку о нравственности изъ ряда естественныхъ наукъ. Для Зиммеля естествознаніе представляетъ лишь одну историческую стадію въ развитіи науки. Болѣе, чѣмъ кто либо иной, проникнутый духомъ критицизма, онъ ограждаетъ науку о нравственности отъ вторженія натурализма. Онъ доказываетъ, что природа не всегда подтверждаетъ теоріи эволюціонистовъ; что мнѣніе, по которому природа дѣйствуетъ всегда кратчайшими путями, представляетъ лишь простое метафизическое предположеніе, что эгоизмъ не является всеобщимъ закономъ, что борьба за существованіе не объясняетъ многихъ явленій нравственности, однимъ словомъ,—что исторія нравственности на каждомъ шагу опровергаетъ, такъ называемые, нравственные законы. Вообще, исторія должна искать свои законы въ психологіи, а не въ біологіи. Въ глазахъ историка внѣшнія явленія имѣютъ значеніе лишь поскольку они являются выраженіемъ внутреннихъ: это—соединительныя звенья между душами людей. Матерьялистическая философія исторіи тщетно старается абстрагировать отъ психическихъ фактовъ.

Даже голодъ не двинулъ бы человѣчество, еслибы люди его не чувствовали. Почва и климатъ имѣли бы то же мало значенія для исторіи, какъ почва и климатъ Сиріуса, еслибы они не воздѣйствовали, прямо или косвенно, на психологію на-

родовъ[1]). Чтобы понять исторію, нужно, слѣдовательно, понять, другими словами, пережить чувства, двигающія людей. Душа человѣка представляетъ объектъ и субъектъ исторіи. Какъ реализмъ въ искусствѣ заключаетъ въ себѣ всегда по необходимости извѣстную долю идеализма, такъ историзмъ, какъ бы онъ ни хотѣлъ быть объективнымъ, эмпирическимъ, съ какимъ бы уваженіемъ онъ не относился къ фактамъ, не можетъ обойтись безъ ряда психологическихъ гипотезъ, съ помощью которыхъ онъ можетъ понять и возстановить прошедшія событія. Ранке въ одномъ мѣстѣ выразилъ желаніе растворить свое *я* въ реальной дѣйствительности. Но если его желаніе было когда-либо осуществлено, то его знанія потеряли бы значеніе. Наше *я*, съ его чувствами и идеями, является необходимымъ посредникомъ, съ помощью котораго мы познаемъ чувства и идеи другихъ *я*, которыя дѣлаютъ исторію. Благодаря этому условію, дѣйствительно объективная историческая наука почти невозможна, и Зиммель понимаетъ это болѣе, чѣмъ кто-либо иной. Безъ психологіи исторія была бы для насъ непонятна и неинтересна, и тѣмъ болѣе исторія нравственности.

Наука о нравственности требуетъ, рядомъ съ точнымъ наблюденіемъ фактовъ, предположеніе нравственнаго чувства. Ничто не вредитъ такъ наукѣ о нравственности, какъ слишкомъ абстрактная и слишкомъ узкая психологія. Въ этомъ отношеніи Зиммель раздѣляетъ мнѣніе современныхъ нѣмецкихъ экономистовъ [2]). Политическая экономія хочетъ стать «прикладной психологіей» [3]). Въ этомъ заключается корень всѣхъ ея особенностей. Классическая англійская экономія слишкомъ упрощала психологію. Желая ввести единство въ политическую кономію, англійскіе экономисты стремились вывести всѣ экономическія явленія изъ одного принципа—эгоизма. Нѣмецкая

[1]) Die Probleme der Geschichtsphilosophie, p. 2.

[2]) Зиммель самъ указываетъ на это сходство въ одной статьѣ, помѣщенной въ Jahrbuch für Gesetsgebung, hreausgegeben v. Schmoller 94 г. I.

[3]) Grundlegung der Pol. Oekonomie 5.

школа старается расширить эту слишкомъ упрощенную психологію [1]), указавъ, что на образованіе экономическихъ явленій вліяютъ и другіе факторы, напр., національный характеръ, нравственныя идеи; однимъ словомъ, на мѣсто одного принципа, вытекавшаго изъ абстрактнаго характера психологіи,— принципа, который не могъ объяснить всю сложность экономической дѣйствительности, нѣмецкіе экономисты выставили различные принципы, данные наблюденіемъ и объясняющіе разнообразные факты хозяйственной жизни. Въ области нравственности Зиммель хотѣлъ бы произвести ту же реформу, которую совершила историческая школа въ области политической экономіи.

Какъ современная нѣмецкая политическая экономія открываетъ подъ абстракціями англійской классической школы самые разнообразные факторы, такъ современная наука о нравственности должна спуститься отъ нравственныхъ понятій къ разнообразнымъ силамъ, скрывающимся подъ ихъ оболочкой, борьба и гармонія которыхъ и образуетъ реальную этическую дѣйствительность.

Впрочемъ, Зиммель согласенъ, что эта психологія должна первоначально носить соціальный характеръ и изучать прежде всего вліяніе соціальныхъ группъ на индивидуума, а не обратно. Въ этомъ сказывается вліяніе Лазаруса и Штейнталя. Для опредѣленія отношенія личности и общества, Зиммель употреляетъ остроумную метафору: онъ сравниваетъ общество съ родуктами религіозной фантазіи [2]) и доказываетъ, что религіозныя идеи являются лишь символомъ соціальной дѣйствиельности. Въ религіозной идеѣ, какъ въ воображаемомъ фоусѣ, собираются реальныя отношенія, связывающія личность ъ обществомъ.

Общество—вотъ сила, отъ которой зависитъ существоваіе отдѣльной личности; она связана съ обществомъ рядомъ

---

[1]) Schmoller, Literaturgeschichte der Staatswissenschaft. 282.

[2]) Ein bitung. I p. 445.

прошедшихъ и настоящимъ поколѣній; общество находится въ одно и то же время внѣ ея и въ ней. Въ обществѣ надо искать объясненія разнообразныхъ силъ, скрывающихся въ индивидѣ. Оно даетъ личности какъ его силы, такъ и его нравственныя обязанности; оно его формуетъ и опредѣляетъ чувство отвѣтственности. Однимъ словомъ, всѣ идеи, всѣ чувства, которыя теологія объясняетъ отношеніемъ человѣка къ Высшему Существу, соціологія старается объяснить отношеніемъ личности къ обществу. Общество въ соціальной наукѣ занимаетъ мѣсто Божества.

Впрочемъ, въ пониманіи Зиммелемъ отношенія между обществомъ и индивидомъ нѣтъ ничего мистическаго. Способы, посредствомъ которыхъ общество воздѣйствуетъ на индивида, крайне разнообразны и сложны; мы пока не можемъ точно опредѣлить ихъ и лишь имѣемъ о нихъ интуитивное представленіе. Задача науки о нравственности именно и заключается въ выясненіи путей, посредствомъ которыхъ общество вліяетъ на личность. Зиммель, еще болѣе чѣмъ Лазарусъ, старается удалить отъ себя всякое метафизическое толкованіе, будь оно натуралистическаго или идеалистическаго характера. Онъ находится подъ вліяніемъ не Гербарта, а Канта. Его произведенія служатъ живымъ образчикомъ вліянія, которое теперь оказываетъ Кантъ на нѣмецкую философію. Кантъ ближе къ современной нѣмецкой философіи, чѣмъ его послѣдователи. Паденіе спекулятивной философіи было началомъ возрожденія философіи Канта; къ ней возвращаются, чтобы избѣжать ошибокъ гегеліанизма. Современная нѣмецкая философія не слѣдуетъ рабски Канту, но вноситъ въ его взгляды измѣненія, явившіяся продуктомъ послѣдовательнаго господства діалектической, исторической и натуралистической школы. На произведеніяхъ Зиммеля мы можемъ наблюдать перемѣны, которыя претерпѣла философія Канта въ теченіе XIX столѣтія.

Въ свою критику Зиммель вноситъ психологическій и историческій элементъ. Кантовское различіе между «a priori» и «a posteriori» кажется ему слишкомъ абсолютнымъ. Между

этими двумя крайними моментами онъ находитъ, —особенно въ области обществовѣдѣнія, — цѣлый рядъ относительныхъ «a priori», вытекающихъ изъ привычекъ, которыя становятся предпосылками нашего изслѣдованія [1]). Поэтому Зиммель не разграничиваетъ безусловно форму отъ содержанія; это раздѣленіе опредѣляется исторіей и индивидуальной точкой зрѣнія [2]). Точно также онъ открываетъ цѣлый рядъ степеней между объективнымъ и субъективнымъ. Кантъ не имѣлъ живого представленія о развитіи, которое является характерной особенностью міровоззрѣнія XIX столѣтія, и которое напоминаетъ постоянно объ относительности всего существующаго. Между точнымъ и приблизительнымъ знаніемъ, между догадкой и вѣрованіемъ существуютъ почти нечувствительные переходы. Наши знанія не имѣютъ ни абсолютной субъективности, ни абсолютной объективности; между ними есть болѣе и менѣе объективныя, т. е. такія, которыя признаются большимъ или меньшимъ количествомъ людей. Отсюда противупоставленіе объективнаго механизма субъективной цѣлесообразности теряетъ свой абсолютный характеръ. Устанавливая это различіе, Кантъ былъ слишкомъ высокаго мнѣнія о естествознаніи, слишкомъ низкаго — о нравственныхъ наукахъ Цѣлесообразность можетъ быть объективной; 1) цѣль не всегда является идеей познающаго субъекта, но можетъ существовать реально въ субъектахъ, которые являются объектомъ познанія. Отсюда не слѣдуетъ необходимость конечной и трансцендентальной цѣли, помѣщающейся надъ міромъ явленій; необходимо лишь констатировать, что одинаковыя цѣли являются у большаго числа людей и объясняютъ такимъ образомъ цѣлый рядъ историческихъ событій. Однимъ словомъ — критицизмъ Зиммеля замѣняетъ раздѣленія и противупоставленія Канта идеей развитія и относительности.

Есть однако одно противупоставленіе, которое Зиммель отмѣчаетъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ: про-

[1]) Die Probleme der Geschichtsphylosophie.

[2]) Sociale Differenzierung, 18.

тивупоставленіе теоріи практикѣ, науки—дѣйствію. Онъ полагаетъ, что смѣшеніе этихъ двухъ областей замедляетъ развитіе научнаго знанія, и прогрессъ заключается въ ихъ ростущей дифференцировкѣ. Худшій врагъ этики, какъ науки, это сама этика.

Въ этомъ пунктѣ Зиммель расходится съ экономистами, съ которыми мы его только что сближали. Практическія тенденціи современныхъ нѣмецкихъ экономистовъ являются одной изъ ихъ характерныхъ особенностей; если они изучаютъ исторію, то лишь для того, чтобы извлечь изъ нея правила для настоящаго. Вагнеръ, напр., всегда ставитъ въ числѣ задачъ экономической науки вопросы чисто практическаго характера [1]. Наоборотъ, Зиммель отказывается формулировать какое бы то ни было правило и, излагая теоретически одну изъ наиболѣе практическихъ наукъ, видитъ свою задачу въ уничтоженіи установившагося въ этой области смѣшенія между практикой и теоріей. Ни одна изъ существующихъ этикъ, даже наиболѣе научныхъ, не установила до сихъ поръ съ такой опредѣленностью этого различія. Штейнталь въ началѣ своей «Универсальной этики» [2] заявляетъ, что моралистъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ предмету изслѣдованія, какъ напримѣръ анатомъ; отсюда — императивный характеръ науки о нравственности: она не только изслѣдуетъ правило поведенія, но также даетъ новыя. То же соединеніе практики и теоріи мы встрѣчаемъ въ этикѣ Вундта. Вундтъ не ограничивается констатированіемъ и анализомъ фактовъ, но приходитъ къ практическимъ выводамъ, которые у него являются отчасти результатомъ наблюденія, отчасти результатомъ спекуляціи. Изложивъ послѣдовательно различныя системы нравовъ, нравственности и религіи, Вундтъ даетъ свой нравственный идеалъ,—который долженъ обнять всѣ остальные; онъ предполагаетъ слѣд., существованіе единаго и высшаго долга [3].

---

[1]) Grundlegung. 87.

[2]) Allgemeine Ethik. 5.

[3])Статьи Дюркгейма въ Revue philosophique 1887

Этимъ Вундтъ приближается къ монизму, критикуемому Зиммелемъ. Вундтъ хочетъ придать этикѣ единство, неоправдываемое дѣйствительностью; онъ не отдѣляетъ съ достаточной точностью практики отъ теоріи, правила отъ объясненія. Различіе между нормативными и объяснительными науками лишь способствуетъ этому смѣшенію. Выраженіе «нормативная наука» Зиммель находитъ очень неудачнымъ. Такъ называемыя «нормативныя науки» предполагаютъ существованіе нормъ, но онѣ не могутъ ни творить ихъ, ни даже доказать. Поэтому правильнѣе было бы называть ихъ «науки о нормахъ», а не «нормативныя науки» [1]), потому что, поскольку онѣ—науки, онѣ не могутъ предписать ни одной цѣли нашей дѣятельности. Наука или можетъ констатировать наши цѣли, или, предположивъ, что цѣль уже констатирована, открыть средства ихъ достиженія, но онѣ не могутъ указать новыя цѣли. Этика, какъ наука, не даетъ ни одного новаго долга. Только нравственный реформаторъ можетъ устанавливать новую нравственную оцѣнку и сказать: «это должно быть»; потому что каждая оцѣнка — дѣло чувства и воли, которыя находятся внѣ области науки и не могутъ быть ни произведены, ни доказаны съ ея помощью.

Однимъ словомъ, чтобы построить науку о добрѣ и о злѣ, надо стать на точку зрѣнія, которая помѣщается внѣ области добра и зла. Здѣсь, пожалуй, сказывается вліяніе Ницше. Въ рудахъ послѣдняго мы встрѣчаемъ ту же критику метафизики, мѣшенія научныхъ задачъ съ стремленіемъ оправдать то или ное практическое требованіе, какія мы находимъ въ произеденіяхъ Зиммеля. Мы встрѣтимъ у него также требованіе аморализма», на точку зрѣнія котораго долженъ стать тотъ, то хочетъ научно изслѣдовать явленія нравственности. Треованіе это, какъ можно видѣть, не легко выполнимо. Въ полѣдующемъ изложеніи мы укажемъ трудности, которыя встрѣаются на пути выполненія научнаго идеала Зиммеля.

Многимъ, вѣроятно, покажутся страннымъ требованія, ко-

---

[1]) Einleituug I, 221.

торыя Зиммель предъявляетъ наукѣ о нравственности. Какъ можетъ этика оставаться индиферентной къ вопросамъ зла и добра, какъ можетъ она изучать нравы безъ желанія ихъ улучшать? Зиммель сравниваетъ ученаго моралиста съ анатомомъ, но не съ медикомъ. Не проскальзываетъ-ли въ этомъ сравненіи игнорированіе, благодаря которому ученые долгое время пытались примѣнить въ этой области методъ естествознанія? Нѣкоторые замѣтятъ, что всякое знаніе есть извѣстнаго рода дѣятельность, измѣняющая отношеніе субъекта къ объекту. Въ области физическихъ явленій мы не измѣняемъ объекта, когда мы его изучаемъ. Анатомъ находитъ ткани въ неизмѣнномъ состояніи до и послѣ ихъ изученія. Наоборотъ, въ области сознанія, мысль есть самъ познающій субъектъ; наблюдая и изучая себя, онъ себя измѣняетъ. Сознаніе не можетъ оставаться въ положеніи безстрастнаго наблюдателя психическихъ явленій, потому что оно входитъ составнымъ элементомъ въ эти самыя явленія. Можно уменьшать, сколько угодно, его силу, можно утверждать, что роль сознанія въ исторіи нравственности безконечно мала въ сравненіи съ ролью безсознательныхъ силъ,—этимъ однако не отрицается, что въ извѣстныхъ случаяхъ нравственные факты обусловливаются однимъ присутствіемъ сознанія; отсюда слѣдуетъ, что сознаніе и, еще болѣе, наука о нравственности, которая является какъ бы сосредоточіемъ всеобщаго моральнаго сознанія, не могутъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ проблемъ, которыя они сами порождаютъ.

Несомнѣнно, что этой аргументаціей часто злоупотребляютъ. Нерѣдко слишкомъ преувеличивали разлагающую силу анализа. Отсюда реакція, съ одной стороны, противъ интеллектуализма, съ другой—противъ научнаго анализа. Зиммель справедливо возражаетъ противъ мнѣнія, по которому научный анализъ находится въ противорѣчіи съ нравственнымъ чувствомъ. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ ошибочное предположеніе: полагаютъ, именно, что исторія, раскрывая намъ источникъ нашего нравственнаго чувства, тѣмъ самымъ заставляетъ насъ

вернуться къ этому первоначальному источнику; мы, вдругъ, узнаемъ, что нравственное обязательство въ нѣкоторомъ родѣ ловушка, поставленная намъ природой и обществомъ, и въ которую мы до сихъ поръ попадались, лишь благодаря нашему невѣжеству. Отсюда мысль о необходимости вернуться къ природѣ; но эти такъ называемыя естественныя чувства не имѣютъ никакой абсолютной цѣнности; изъ того, что они предшествовали другимъ, не слѣдуетъ, что они лучше ихъ. Всякая нравственная стоимость, относится-ли она къ настоящему или къ прошедшему, имѣетъ лишь относительное значеніе, другими словами, въ извѣстномъ смыслѣ каждая изъ нихъ безусловна. Ихъ стоимость ничѣмъ не опредѣляется; это просто фактъ. Въ субъективномъ характерѣ нравственныхъ чувствъ заключается причина того, что они не зависятъ отъ ихъ историческаго происхожденія; поэтому нашъ анализъ безсиленъ ихъ искоренить.

Тѣмъ не менѣе, сознаніе, указывая на причинную и логическую связь нашихъ нравственныхъ чувствъ, освѣщаетъ и сравниваетъ ихъ и производитъ сужденіе. Зиммель часто указываетъ на неясность нашихъ нравственныхъ чувствъ и на то, что ихъ нравственный характеръ нерѣдко вытекаетъ изъ ихъ неясности и темноты. Часто исчезновеніе сознанія объ истинной цѣли нашихъ дѣйствій превращаетъ ихъ въ нравственный долгъ; дѣйствіе, которое прежде совершалось по принужденію или какъ средство, становится цѣлью само по себѣ—обязанностью. Когда наука разсѣеваетъ эту тайну и указываетъ на реальный генезисъ чувства долга, не уничтожаетъ ли она само это чувство? Зиммель нерѣдко констатируетъ случаи такого воздѣйствія науки о нравственности на нравственность. Онъ полагаетъ, что мысль о субъективномъ характерѣ нравственной оцѣнки будетъ имѣть практическія послѣдствія. Онъ не сомнѣвается, что распространеніе идеализма, доказывающаго, что не только наши знанія о вещахъ, но и владѣ-

[1]) Einleitung II, 6—8.

ніе вещами—лишь формы нашего представленія [1]), напр., что собственность есть одинъ изъ способовъ мышленія, облегчитъ рѣшеніе соціальнаго вопроса. Такимъ образомъ онъ признаетъ, что наука оказываетъ воздѣйствіе на наши чувства, ограничивая одни, подтверждая другія, что она производитъ выборъ между нѣсколькими чувствами.

Но въ чемъ заключается принципъ, лежащій въ основаніи этого выбора? До сихъ поръ критики нравственности заимствовали обыкновенно этотъ принципъ изъ фактовъ нравственной жизни; напр., наблюдали, что чувство долга стремится быть логичнымъ; отсюда выводили, что логика есть высшій принципъ нравственности [2]). Или доказывали, что долгъ есть продуктъ историческаго развитія, и обращались къ исторіи, которая, понятая научно, должна была указать намъ, въ чемъ заключается нашъ долгъ. Логика и исторія, каждая съ своей точки зрѣнія, старались, такимъ образомъ, дать основаніе морали, вмѣсто того, чтобы ее разрушить. Но мы видѣли, что Зиммель отрицаетъ возможность обосновать нравственное достоинство, какъ съ помощью логики, такъ и съ помощью исторіи. Логика относится безразлично къ качеству тѣхъ чувствъ, надъ которыми она оперируетъ. Исторія тоже не въ состояніи измѣрить качества и интенсивности нравственнаго явленія. Но если ни наблюденіе, ни логика не могутъ рѣшить проблемъ нравственности,—гдѣ мы можемъ искать ихъ рѣшенія?—Въ чувствѣ? Кажется, только чувство можетъ установить нравственную оцѣнку. Оно неизмѣнно, какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ нравственной эволюціи; оно представляетъ ея введеніе и резюмэ. И, можетъ быть, человѣчество можетъ довѣрчиво положиться на него, потому что оно заключаетъ въ себѣ результатъ всего историческаго развитія [3]) Размышленіе и наблюденіе могутъ, конечно, расширить поле нашего сознанія, открыть тысячи новыхъ отношеній и поставить новыя проб-

---

[1]) Einleitung. I, 251.

[2]) Staudinger. Das Sittengesez.

[3]) Einleitung. I, 230.

лемы. Но рѣшеніе этихъ проблемъ принадлежитъ, вѣроятно лишь чувству, которое извлекаетъ изъ этихъ безчисленныхъ отношеній безусловную нравственную стоимость. Если такимъ путемъ нельзя доказать истинности нравственной оцѣнки, то можно достигнуть полной искренности; быть искреннимъ становится нравственнымъ долгомъ. Въ концѣ концовъ, современная наука о нравственности возвращается къ античному представленію о нравственномъ сознаніи.

Таковы, кажется, практическіе выводы анализа Зиммеля; было бы, конечно, пріятнѣй, если бы эти выводы были ясно изложены и разсмотрѣны, а не оставались бы лишь между строкъ, какъ нѣчто подразумѣваемое. Тогда бы авторъ не могъ ограничиться сравненіемъ этики съ естествознаніемъ и утвержденіемъ, что нравственное чувство, какъ внѣшній предметъ остается неизмѣннымъ въ глазахъ ученаго; и, быть можетъ онъ былъ бы принужденъ, признавая за этикой характеръ психологичиской науки, въ то же время признать за ней и нравственный характеръ.

Не менѣе трудно представить науку о нравственности безъ абстракцій. Конечно, Зиммель правъ, когда онъ указываетъ на злоупотребленіе абстракціями и аппелируетъ къ чувству и реальности. Но развѣ этого достаточно? Если правильно, что матеріалъ науки дается реальными, конкретными фактами, то не менѣе правильно, что всякая наука возможна лишь путемъ систематическаго абстрагированія отъ конкретной дѣйствительности. Познавать, не значитъ воспроизводить, но превращать Представьте человѣка, одареннаго развитыми чувствами, богатой памятью: онъ можетъ воспринять всю конкретную дѣйствительность, но въ состояніи ли онъ дать научное пониманіе этой дѣйствительности?

Чтобы построить науку необходимо анализировать массу конкретныхъ фактовъ, свести ихъ множественность къ единству, собирая ихъ въ группы по извѣстнымъ понятіямъ, которыя могутъ быть даны только абстракціей. Не слѣдуетъ, конечно, пріобрѣтать эти понятія путемъ такъ называемой чи-

стой спекуляціи, повинующейся разнороднымъ импульсамъ. Зиммель правъ, когда критикуетъ подобный методъ. Но не существуетъ ли два ряда абстракцій, какъ указываетъ Вундтъ: однѣ—обобщающія, другія—изолирующія? Послѣднія не только полезны, но и необходимы для научнаго построенія. Онѣ не представляютъ продукта поспѣшнаго обобщенія, но методическаго наблюденія отдѣльныхъ элементовъ сложнаго явленія. Каждая соціальная наука изучаетъ лишь отдѣльную область всей совокупности соціальныхъ явленій, не забывая ни на минуту, что это изолированіе является лишь необходимымъ методическимъ пріемомъ, и что въ дѣйствительности всѣ соціальныя силы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Отсюда вытекаетъ двойная задача, лежащая передъ каждымъ введеніемъ въ науку о нравственности, если она не хочетъ ограничиться только отрицательной работой. Съ одной стороны, оно должно устранить старыя неметодологическія абстракціи, съ другой—предложить новыя абстракціи, необходимыя для науки и пріобрѣтенныя методологическимъ путемъ. Въ противномъ случаѣ введеніе въ науку превращается въ нѣкотораго рода всеобщую исторію. Это будетъ простое собраніе наблюденій и эмпирическихъ обобщеній. Наука о нравственности встрѣчаетъ въ этомъ случаѣ ту же трудность, которую встрѣтила на своемъ пути историческая школа политической экономіи. Если она будетъ безусловно избѣгать абстракцій, то, спрашивается, какимъ образомъ она сумѣетъ выдѣлить нравственныя явленія изъ ряда остальныхъ соціальныхъ явленій, отдѣлить одинъ родъ нравственнныхъ явленій отъ другого, напр., эгоизмъ отъ альтруизма?

Если, дѣйствительно, нѣтъ никакой возможности выдѣлить ясныя и опредѣленныя нравственныя понятія, то можетъ быть слѣдуетъ вообще отказаться отъ науки о нравственности, или, по крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ ожидать отъ этой науки ни точныхъ законовъ, ни достовѣрности, которые мы привыкли считать качествами истинно научнаго изслѣдованія. И, быть можетъ, одинъ изъ выводовъ, который мы можемъ сдѣлать изъ

«Введенія» Зиммеля, и есть именно, — что въ наукѣ о нравственности мы должны довольствоваться простымъ правдоподобіемъ, не претендуя на безусловную точность. Въ самомъ дѣлѣ, изъ его труда слѣдуетъ, что мы можемъ изучать нравственныя явленія лишь въ собственномъ сознаніи, — что мы можемъ передавать наши знанія, лишь пробуждая въ душѣ слушателя его нравственное чувство,—что, наконецъ, каждое явленіе можетъ почти всегда имѣть нѣсколько объясненій. Такъ какъ ни опытъ, ни точные методы физическихъ наукъ не примѣнимы къ психическимъ явленіямъ, то мы не можемъ съ достовѣрностью остановиться ни на одной гипотезѣ. Уже благодаря тому, что свой матеріалъ наука о нравственности черпаетъ въ исторіи, а свои формы въ психологіи, она осуждена не выходить въ своихъ выводахъ изъ предѣловъ приблизительной точности и возможности.

Съ этимъ заключеніемъ, вѣроятно, согласился бы и самъ Зиммель. Критическій характеръ его мысли давно привелъ его къ убѣжденію, что въ области психологіи могутъ имѣть мѣсто лишь гипотетическія понятія. Если онъ и желаетъ выйти изъ историческаго эмпиризма, то онъ еще больше боится впасть въ метафизическій догматизмъ, будь то матеріализмъ или идеализмъ. Его «Введеніе въ науку о нравственности» соединяетъ психологическій, историческій и критическій методы; оно даетъ мало рѣшеній, но подымаетъ много вопросовъ.

III.

А. Вагнеръ.

Политическая экономія.

Задолго до этики политическая экономія въ Германіи сдѣлала попытку принять форму науки; задолго до нея она начала борьбу противъ господства спекулятивнаго метода. Въ настоящее время она уже пережила тотъ историческій моментъ, въ которомъ теперь находится этика. Современная національная экономія нуждается не столько въ реализмѣ и историзмѣ, сколько въ научныхъ абстракціяхъ. Ад. Вагнеръ, больше чѣмъ кто-либо иной, сознаетъ эту потребность. Его трудъ носитъ болѣе положительный характеръ, чѣмъ трудъ Зиммеля; по качеству своего ума Вагнеръ болѣе способенъ къ работѣ систематика, чѣмъ критика [1]).

---

[1]) Lehr-und-Handbuch der politischen Oekonomie I Grundlegung der polit. Oeconomie. 3-е изд. 1-й т. 1892 г., 2-й т. 1893 г.; 3-й т. 1894 г. Остальныя работы Вагнера носятъ болѣе спеціальный характеръ и не касаются вопроса о методѣ. Для дальнѣйшаго изученія вопроса можно обратиться къ трудамъ Книса, Рошера и словарю Конрада, также нѣкоторымъ работамъ Шмоллера: ‹Grundfragen des Rechts und Volkswirtschaft› Litteraturgeschichte›; Менгеръ „Изслѣдованія о методѣ соціальныхъ наукъ“; Brentano „Die classische Nationaleconomie: Dargun. ‹Egoismus und Altruismus in Nationaleoconomie, Wenzel „Beiträge zur Logik der Socialwissenschaftlehre; важны статьи Neumann'a (Tub. Zeutschrift für Staatsvissenschaften 1892.) и Dietzel'a (Iahrbücher für Nationaloeconomie 1884). Впрочемъ, по каждому вопросу въ книгѣ Вагнера помѣщена довольно полная библіографія.

I.

«Основанія политической экономіи» Вагнера больше, чѣмъ какая-либо иная книга, отразила въ себѣ духъ современной соціальной науки въ Германіи. Этотъ трудъ служитъ вступленіемъ въ систему политической экономіи, различные отдѣлы которой написаны различными авторами, и которая поэтому выражаетъ мнѣнія не только Вагнера, но цѣлой научной школы. Съ другой стороны, въ третьемъ изданіи «Основанія» подвергнуты коренной переработкѣ подъ давленіемъ новыхъ фактовъ и новыхъ идей, какъ это заявляетъ самъ авторъ. Борьба между идеями соціализма и индивидуализма, принимающая все болѣе и болѣе рѣзкія формы, полемика между старой и новой исторической школой—все это потребовало новаго пересмотра принциповъ экономической науки. Чтобы отвѣтить на эти теоретическіе и практическіе вопросы, Вагнеръ пересмотрѣлъ весь планъ своей книги и прибавилъ къ изученію понятій и опредѣленій основныхъ задачъ политической экономіи обширное философское вступленіе, въ которомъ авторъ устанавливаетъ психологическія и логическія посылки, необходимыя для построенія системы.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предлагаемъ анализъ «Основаній» Вагнера. Въ противуположность «Введенію» Зиммеля книга Вагнера носитъ систематическій характеръ. Она изобилуетъ параграфами, классификаціями и схоластическими подраздѣленіями. Противники Вагнера обвиняютъ его въ пристрастіи къ догматизму и метафизикѣ; авторъ «Основаній» возражаетъ на это, что невниманіе къ опредѣленіямъ и подраздѣленіямъ служитъ отчасти причиной господствующей неясности и неточности какъ теоретическихъ понятій, такъ и практическихъ реформъ, и что только «система» можетъ противупоставить частичнымъ и крайнимъ рѣшеніямъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ совокупность умѣренныхъ и практичныхъ мѣропріятій.

Основныя теоретическія посылки этой системы носятъ психологическій характеръ. Политикоэкономъ обязанъ прежде всего отмѣтить и опредѣлить отличіе общественныхъ наукъ отъ естествознанія. Раньше Вагнеръ защищалъ механическій и натуралистическій методъ въ политической экономіи [1]), но теперь онъ признаетъ своевременность психологической реакціи, которая даетъ себя чувствовать во всѣхъ областяхъ соціальныхъ наукъ. Въ этомъ вопросѣ Вагнеръ раздѣляетъ мнѣніе своего главнаго противника Шмоллера [2]). Отличительная черта современной политической экономіи состоитъ не въ томъ, что она имѣетъ націоналистическія и государственныя тенденціи, но въ томъ, что она хочетъ быть «прикладной психологіей» [3]).

Теоретическія и практическія ошибки, противъ которыхъ возстаетъ новая политическая экономія, можно свести всѣ къ ошибкамъ и недостаткамъ психологіи. Поэтому, главная задача «Введенія» заключается въ установленіи экономической психологіи, т. е. въ установленіи мотивовъ или комбинацій мотивовъ, лежащихъ въ основаніи экономической природы человѣка.

Что надо понимать подъ экономической природой человѣка? Человѣкъ есть животное, обладающее, какъ всѣ остальныя животныя, потребностями. Но потребности человѣка отличаются отъ потребностей животныхъ тѣмъ, что число ихъ можетъ неограниченно увеличиваться. Какъ внѣшнія—физическія,

---

[1]) Grundlegung II, B. 809.

[2]) Одинъ изъ результатовъ новаго изданія книги Вагнера заключается въ точномъ разграниченіи его взглядовъ отъ взглядовъ Шмоллера. Оба профессора берлинскаго университета имѣютъ много общихъ идей. Но ихъ различія съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняются. Вагнеръ въ своемъ «Введеніи» замѣчаетъ, что онъ давно чувствовалъ потребность опредѣлить свое отношеніе къ школѣ Шмоллера, которую онъ называетъ, въ отличіе отъ направленія Книса и Ромера, „новой исторической школой".

[3]) Grundlegung I, 15.

такъ и внутреннія—психическія потребности могутъ увеличиваться вмѣстѣ съ измѣненіемъ физической и психической организаціи человѣка, вмѣстѣ съ прогрессомъ техники такъ же, какъ вмѣстѣ съ моральнымъ прогрессомъ. Но этотъ ростъ не подчиненъ естественному закону; онъ возможенъ, но не обходимъ. Первая ошибка экономической психологіи заключается въ отождествленіи потребностей съ силами природы. Потребности представляютъ психическія силы, подверженныя воздѣйствію воли такъ же, какъ вліянію обстоятельствъ, измѣнчивыхъ и измѣняемыхъ до безконечности.

Потребности раздѣляются, съ одной стороны, на необходимыя для существованія, которыя, въ свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на степени, сообразно тому необходимы ли онѣ для жизни безусловно, или только относительно; съ другой — на потребности матеріальной и духовной культуры. Можно также различать индивидуальныя потребности, вытекающія изъ психической и физической природы индивида, и потребности соціальныя, относящіяся къ ихъ соціальной природѣ.

Этимъ потребностямъ соотвѣтствуетъ стремленіе къ ихъ удовлетворенію (Befriedigungstriebe). Стремленіе, соотвѣтствующее потребностямъ первой категоріи, есть простой инстинктъ самосохраненія. Остальныя входятъ въ категорію личнаго интереса. Они даны человѣку вмѣстѣ съ его существованіемъ и въ этомъ смыслѣ представляютъ естественный фактъ [1]). Но не надо смѣшивать ихъ съ силами природы.

Они осуществляются лишь черезъ посредство мотивовъ. Чаще всего потребности опредѣляютъ наши дѣйствія посредствомъ цѣлой системы мотивовъ, въ которую могутъ войти элементы, наиболѣе чуждые личному интересу.

Изъ потребностей и стремленія къ ихъ удовлетворенію рождается усиліе, трудъ. Съ экономической точки зрѣнія трудъ представляетъ лишь средство, необходимость, которую человѣкъ стремится по возможности ограничить. Онъ соразмѣряетъ свое

---

[1]) Grundlegung I, 77.

усиліе съ ожидаемымъ удовлетвореніемъ. Онъ ищетъ maximum а удовлетворенія съ minimum'омъ затраты труда (Lustmoment, Lastmoment). Въ подобномъ случаѣ политикоэкономъ говоритъ, что его дѣйствіе регулируется экономическимъ принципомъ. Совокупность потребностей, желаній и усилій, регулируемыхъ экономическимъ принципомъ, образуетъ то, что политикоэкономъ называетъ *экономической природой* человѣка.

Но въ какой степени эта природа, которую мы строимъ путемъ абстракцій, соотвѣтствуетъ дѣйствительной природѣ человѣка? Заблужденіе классической политической экономіи состояло въ томъ, что она отождествляла экономическую природу человѣка со всѣмъ человѣкомъ и считала эту природу одинаковой для всѣхъ людей. Она игнорировала разнообразіе, проистекающее изъ различія соціальныхъ и историческихъ условій, расъ, народовъ и классовъ. Экономическая природа человѣка образуетъ только одну его составную часть, которая связана постоянными отношеніями съ религіозными, этическими и національными силами, измѣняющимися вмѣстѣ съ историческимъ моментомъ. Отсюда слѣдуетъ, что мы не можемъ съ точностью выводить дѣятельности человѣка изъ его экономической природы, потому что экономическое дѣйствіе можетъ измѣнить свое направленіе подъ вліяніемъ остальныхъ силъ. Опираясь на одну экономическую природу человѣка, невозможно построить экономическую исторію и тѣмъ болѣе общую исторію цивилизаціи.

Однако, какъ не велико значеніе этихъ замѣчаній, мы не должны упускать изъ виду—за историческими и національными различіями—всеобщности экономической природы. Въ этомъ отношеніи заблужденія новой исторической школы не менѣе значительны, чѣмъ ошибки старой абстрактной политической экономіи. Принимая взглядъ, по которому эгоизмъ служитъ главнымъ экономическимъ двигателемъ, за поверхностный догматъ [1]), она забываетъ, что, на протяженіи всей эво-

---

[1]) Schmoller, Grundlagen des Rechts und Volkswirtschaft 30.

люціи человѣчества, человѣкъ остается человѣкомъ. Главныя черты его экономической природы коренятся въ его физической и духовной организаціи; какъ внѣшнее, такъ и внутреннее наблюденіе показываетъ, что эти черты, во всякомъ случаѣ на протяженіи извѣстной намъ исторіи, измѣнились такъ же мало, какъ наружный видъ человѣка [1]). Между этими двумя крайностями мы должны найти середину, соотвѣтствующую одновременно дѣйствительности и требованіямъ абстрактной науки. Психологія даетъ методъ для опредѣленія этой середины; такъ какъ экономическія дѣйствія опредѣляются разнообразными мотивами, то первая задача «Основаній» состоитъ въ классификаціи этихъ мотивовъ.

Вагнеръ различаетъ пять группъ мотивовъ, пять Leitmotive, изъ которыхъ четыре относятся къ категоріи эгоистическихъ [2]). Вотъ они: 1) стремленіе къ личному интересу и боязнь потери; 2) стремленіе къ наградѣ и боязнь наказанія 3) стремленіе къ почестямъ и боязнь позора; 4) стремленіе къ дѣятельности и боязнь бездѣятельности; наконецъ, пятый мотивъ заключается въ стремленіи къ нравственному удовлетворенію и боязни внутренняго порицанія.

Эти мотивы перемѣшаны въ исторіи; ихъ взаимное отношеніе постоянно мѣняется; чтобы объяснить съ ихъ помощью прошлое или подготовить будущее, необходимо опредѣлить роль каждаго мотива. Вообще можно сказать, что первый мотивъ занимаетъ постоянно господствующее мѣсто. Но несомнѣнно также, что вездѣ, гдѣ интересы индивида совпадаютъ съ интересами группы, стремясь къ своимъ цѣлямъ, онъ преслѣдуетъ также интересы всей группы: семьи, племени, братства. Въ этомъ случаѣ эгоизмъ сливается съ альтруизмомъ; впрочемъ, по мнѣнію Вагнера, ошибочно было бы противупоставлять эти два рода мотивовъ: между ними существуетъ рядъ постепенныхъ переходовъ. Однако,

---

[1]) Grundlegung I, 82.

[2]) Grundlegungen I, 83—137.

въ нѣкоторые историческіе моменты, когда связь между индивидами ослабѣваетъ и когда падаютъ границы между отдѣльными группами подъ разрушающимъ воздѣйствіемъ международной торговли, когда водворяется духъ «американизма», эгоизмъ выступаетъ, какъ руководящій мотивъ экономической дѣятельности; развитіе свободы дѣлаетъ этотъ фактъ болѣе очевиднымъ.--Второй мотивъ выступаетъ съ особой силой въ обществѣ, гдѣ господствуетъ начало авторитета. Будетъ-ли это авторитетъ религіи, государства, города, хозяина или фабриканта—онъ оказываетъ вліяніе на экономическую дѣятельность посредствомъ системы наградъ и наказаній. Этотъ мотивъ развитъ болѣе въ узкихъ, небольшихъ группахъ, но и въ современномъ обществѣ онъ лежитъ въ основаніи почти всей системы налоговъ. Быть можетъ, если согласиться съ утвержденіемъ Рихтера, по которому ростъ равенства можетъ быть купленъ лишь ограниченіемъ свободы, этому мотиву суждено играть еще болѣе значительную роль въ будущемъ обществѣ.—Третій мотивъ въ большинствѣ случаевъ служитъ добавленіемъ ко второму, иногда же онъ его замѣняетъ. Онъ можетъ принимать самыя разнообразныя формы, руководить дѣйствіями какъ parvénu, такъ и пролетарія, какъ крупнаго промышленнаго дѣльца, такъ и маленькаго чиновника; смотря по обстоятельствамъ онъ можетъ ограничить или развить любовь къ собственности и богатству, способствовать развитію роскоши, благотворительности или честности. Могущественный въ корпоративномъ строѣ, этотъ мотивъ является въ формѣ любви къ орденамъ и чинамъ, силой и въ нашъ индивидуалистическій вѣкъ. Если вѣрить утопіи Беллами, въ будущемъ строѣ онъ долженъ получить еще большее развитіе, что, впрочемъ, не совсѣмъ гармонируетъ съ идеей равенства, такъ какъ въ основаніи его лежитъ неравенство.—Четвертый мотивъ, заключающійся въ стремленіи къ дѣятельности, можетъ быть, не такъ рѣдокъ, какъ обыкновенно предполагаютъ. Этотъ мотивъ наиболѣе очевиденъ въ нѣкоторыхъ свободныхъ профессіяхъ, напри-

мѣръ, въ дѣятельности артиста, ученаго; но онъ даетъ себя чувствовать и въ области матеріальнаго производства, вездѣ, гдѣ сохранились еще слѣды искусства, возбуждающіе интересъ работающаго. Къ сожалѣнію, прогрессъ техники и раздѣленіе труда, осуждающіе человѣка на механическую дѣятельность, отнимаютъ у него всякое удовольствіе, связанное съ самимъ процессомъ труда; рабочій теряетъ всякій интересъ къ своей работѣ. Утопическій идеалъ Фурье, кажется, все болѣе удаляется отъ насъ; и можетъ быть, одна изъ важнѣйшихъ задачъ будущаго общества будетъ заключаться въ оживленіи этого мотива, столь полезнаго для экономической дѣятельности.—Наиболѣе рѣдокъ, конечно, нравственный мотивъ. Прежде всего, его крайне трудно выдѣлить изъ хаоса прочихъ мотивовъ, и даже тамъ, гдѣ онъ кажется очевиднымъ, напр. въ религіозномъ чувствѣ, трудно отдѣлить дѣйствительно нравственный элементъ отъ простого разсчета на будущее царство.

Поэтому часто пытались представить его, какъ простое видоизмѣненіе четырехъ предшествующихъ мотивовъ. Однако, каково бы ни было его происхожденіе, онъ опредѣляетъ рядъ дѣйствій, и число этихъ дѣйствій можетъ быть увеличено посредствомъ воспитанія, религіи и даже косвенно посредствомъ изданія законовъ. Но, несмотря на экономическія выгоды, которыя представило бы развитіе этого мотива, рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ съ помощью нравственности представляется намъ дѣломъ невозможнымъ. Этическій мотивъ не можетъ стать общимъ правиломъ экономической дѣятельности.

Такимъ образомъ, относительное значеніе этихъ пяти мотивовъ очень различно. Начиная съ перваго эгоистическаго мотива, до послѣдняго чисто этическаго, важность ихъ экономической роли прогрессивно падаетъ. Тѣмъ не менѣе за каждымъ изъ нихъ необходимо признать извѣстное значеніе. Мы должны постоянно имѣть передъ глазами таблицу пяти мотивовъ. Мѣняя ихъ коэфиціентъ, который зависитъ отъ историческаго момента, политическая экономія получаетъ возможность

для разрѣшенія теоретическихъ и практическихъ вопросовъ современности.

Послѣ сказаннаго выше, намъ не трудно понять психологическія ошибки, ведущія къ крайнимъ рѣшеніямъ практическихъ вопросовъ. Эти рѣшенія, предлагаемыя съ одной стороны индивидуалистической, съ другой—соціалистической школой, заключаютъ ошибки, иногда общія для обѣихъ доктринъ, иногда спеціальныя для каждой изъ нихъ.

Ошибка индивидуализма заключается въ томъ, что онъ принимаетъ во вниманіе изъ пяти названныхъ мотивовъ экономической дѣятельности только первый. Отсюда вытекаетъ механическій, атомистическій взглядъ на экономическую жизнь. Индивидуализмъ забываетъ, что личность живетъ въ обществѣ, которое накладываетъ на него юридическія и моральныя обязанности. Онъ укладываетъ человѣческую природу на прокустово ложе, отбрасывая отъ нея все, что не входитъ въ рамки матеріализма.

Надо однако замѣтить, что соціализмъ, во всякомъ случаѣ въ отношеніи къ прошлому, раздѣляетъ указанную ошибку индивидуализма. Онъ также видитъ въ исторіи лишь результатъ экономической дѣятельности человѣка. Онъ выдвинулъ и защищаетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, по которому эволюція идей находитъ объясненіе въ эволюціи экономическихъ отношеній, а не наоборотъ. Центръ исторіи, если можно такъ выразиться, онъ передвинулъ изъ головы въ желудокъ. «Скажи мнѣ, что ты ѣшь—и я скажу, кто ты. (Der Mensch ist, wass er isst.). Этотъ догматизмъ показываетъ съ одной стороны, что потребность въ вѣрѣ еще глубоко коренится въ человѣческой душѣ, съ другой—на то, что въ основаніи индивидуализма, какъ и соціализма, лежитъ одна и та же психологическая ошибка [1]).

Правда, что соціализмъ, когда онъ смотритъ не въ прошедшее, но въ будущее, видитъ человѣчество въ иномъ свѣтѣ.

---

[1]) Grundlegung I, 11, 14, 38.

Съ измѣненіемъ современныхъ экономическихъ условій, эгоистическая природа человѣка должна измѣниться. Настоящій строй кажется специально сдѣланъ, чтобы развивать до крайнихъ размѣровъ эгоистическія наклонности человѣка. Будущій общественный порядокъ, въ которомъ экономическая борьба будетъ замѣнена раціональной организаціей производства и распредѣленія, отнимаетъ у эгоистическаго мотива его raison d'être. Такимъ образомъ, соціализмъ совершаетъ внезапный скачекъ отъ крайняго матеріализма, къ крайнему идеализму. Изъ животныхъ онъ внезапно превращаетъ людей въ ангеловъ. Eritis sicut Deus!

Онъ совершаетъ, такимъ образомъ, ошибку, противуположную индивидуализму. Онъ слишкомъ преувеличиваетъ измѣнчивость человѣческой природы, какъ индивидуализмъ преувеличиваетъ ея постоянство. Невѣрно, что человѣческая природа одна и та-же для всѣхъ временъ и національностей; но также ошибочно предполагать, что достаточно реформировать экономическую организацію, чтобы измѣнить кореннымъ образомъ природу человѣка.

Въ основаніи современныхъ экономическихъ формъ лежатъ мотивы экономической дѣятельности, которые останутся и послѣ соціальнаго преобразованія. Безъ измѣненія этихъ мотивовъ невозможно серьезное измѣненіе экономическихъ формъ. Отсюда слѣдуетъ, что трудности, встрѣчаемыя соціализмомъ, не только техническаго, сколько психологическаго характера [1]).

Вообще соціализмъ, относящійся пессимистически къ современной дѣйствительности, мѣняетъ пессимизмъ на оптимизмъ въ отношеніи къ будущему. Индивидуализмъ, утверждая съ одной стороны, что система свободной конкурренціи создаетъ лучшій возможный соціальный порядокъ, съ другой стороны, доказывая, что отрицательныя стороны этого строя, возмущающія нравственное чувство, являются неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ законовъ, повторяетъ ошибки соціализма

[1]) Grundlegung I, 59.

какъ послѣдній, онъ, съ одной стороны, настроенъ слишкомъ оптимистически, съ другой — слишкомъ пессимистически. Въ основаніи ошибокъ обѣихъ противуположныхъ школъ лежатъ, такимъ образомъ, аналогичныя психологическія ошибки. Одна требуетъ отъ человѣка слишкомъ многаго, другая—слишкомъ мало.

Государственный соціализмъ, какъ его понимаетъ Вагнеръ, хочетъ занять среднее мѣсто между этими крайними системами; онъ старается не забыть какъ индивидуалистическихъ, такъ и соціальныхъ сторонъ человѣческой природы. Онъ даетъ въ своей системѣ извѣстное мѣсто индивидуализму, поскольку послѣдній необходимъ для всего общества [1]); онъ признаетъ, что человѣческая природа, неизмѣнная въ существенныхъ чертахъ, способна къ развитію и старается содѣйствовать прогрессивному развитію раціональной комбинаціей различныхъ экономическихъ мотивовъ, а не исключеніемъ однихъ или другихъ.

Съ помощью психологіи Вагнеръ пытается рѣшить не только практическіе, но и теоретическіе вопросы. Психологическій методъ показываетъ, что дедукція и индукція, которыя обыкновенно разсматриваются, какъ исключающія другъ друга, представляютъ много пунктовъ соприкосновенія, откуда является возможность ихъ комбинированія.

Представители исторической школы правы, когда они указываютъ на неточность выводовъ абстрактной политической экономіи; но они ошибаются, когда требуютъ устраненія самого абстрактнаго метода. Они полагаютъ, что единственный способъ для устраненія идеологій и субъективныхъ догадокъ заключается въ обращеніи къ исторіи и индуктивному методу. На самомъ же дѣлѣ заблужденія старой школы проистекаютъ не столько изъ дедуктивнаго метода, которымъ они пользовались, сколько изъ неправильной постановки исходныхъ пунктовъ ея дедукціи. Важно не столько измѣненіе способа изслѣдованія

---

[1]) Grundlegung I, 25.

сколько измѣненіе посылокъ и предположеній. Исходнымъ пунктомъ англійской школы служила гипотеза одной, господствующей, абсолютной, механической силы [1]). Задача психологіи—расширить эту гипотезу, согласовать ее болѣе съ фактами, сдѣлать ее болѣе гибкой, но тѣмъ не менѣе сама гипотеза остается неизбѣжнымъ исходнымъ пунктомъ научнаго построенія. Нерѣдко сравниваютъ политическую экономію съ естествознаніемъ и утверждаютъ, что, подобно послѣднему, она должна отказаться отъ всякихъ a priori и ограничиться наблюденіемъ дѣйствительности. Но даже естественныя науки стараются объяснить факты; онѣ направляютъ всѣ усилія на то, чтобы съ помощью индукціи отыскать основные факты, которые могли бы послужить исходнымъ пунктомъ для дедукціи. Преимущество политической экономіи заключается въ томъ, что она не принуждена искать какъ бы ощупью эти основные факты, потому что они даны ей внутреннимъ наблюденіемъ; это—мотивы экономической дѣятельности; съ ихъ помощью она освѣщаетъ всю исторію, въ которой находитъ ихъ подтвержденіе. Это двойное наблюденіе устанавливаетъ факты, служащіе исходнымъ пунктомъ дедукціи. Конечно, это не первоначальные факты въ метафизическомъ смыслѣ этого слова, но политическая экономія и не имѣетъ нужды доискиваться начала вещей; она смотритъ на мотивы экономической дѣятельности, какъ на простые эмпирическіе факты [2]).

Эгоизмъ, какъ понимаетъ его Вагнеръ, представляетъ постоянный фактъ, провѣренный путемъ внутренняго и внѣшняго наблюденія, но не абсолютный принципъ, находящійся внѣ времени и пространства. Благодаря его постоянству, онъ особенно пригоденъ служить основаніемъ для дедукціи. Мы имѣемъ право гипотетически устранить всѣ перемѣнныя силы, которыя нарушаютъ дѣйствіе постоянной. Такого рода абстракціи очень употребительны и въ естественныхъ наукахъ. И

[1]) Grundlegung I, 809.
[2]) Grundlegung I, 15—20, 167—241.

если экспериментальный методъ сравниваютъ иногда съ матерьяльной абстракціей [1]), то абстракціи, употребляемыя въ соціальныхъ наукахъ, можно было-бы сравнить съ идеальнымъ опытомъ. Важно лишь не терять изъ виду гипотезъ, которыя мы допустили при началѣ дедукціи. Мы можемъ принять эгоизмъ за исходную точку дедукціи только при предположеніи слѣдующихъ гипотезъ: что люди *преслѣдуютъ* исключительно ихъ экономическое благо, что они *знаютъ* пути и средства его достиженія, что они *могутъ* свободно его преслѣдовать [2]). Въ физикѣ нерѣдко необходимымъ условіемъ правильности дедукціи служитъ извѣстное состояніе температуры и атмосфернаго давленія. Въ политической экономіи условіемъ правильной дедукціи служитъ извѣстное состояніе нравственности, науки и права. При наличности этихъ идеальныхъ условій результаты дедукціи могутъ быть настолько точны, что имъ можно придать математическую форму. Нельзя ничего возразить въ принципѣ противъ примѣненія математическаго метода къ чистой политической экономіи; но нужно замѣтить, что сфера его примѣненія очень ограничена.

Несомнѣнно, что когда дѣло идетъ о примѣненіи результатовъ дедукціи къ дѣйствительности, математическій методъ становится безсильнымъ, потому что въ дѣйствительности мы никогда не встрѣчаемъ указанныхъ идеальныхъ условій. Для того, чтобы выводы, полученные дедуктивнымъ путемъ, имѣли практическое значеніе, надо методически измѣнять условія дедукціи, стараясь, по возможности, приблизить ихъ къ реальнымъ историческимъ условіямъ. Такъ, мы должны постепенно вводить въ условія дедукціи измѣненія въ понятіяхъ и привычкахъ національностей, классовъ или группъ; всѣ эти новые факторы ограничиваютъ кругъ дѣйствія принятыхъ первоначально гипотезъ. Благодаря подобнымъ пріемамъ, дедукція, теряя свою точность, приближается къ дѣйствительности. Ваг-

---

[1]) Steinthal. Zeitschrift für Völkerpsychologie 87, 244.
[2]) Grundlegung I, 170—180.

неръ не идетъ такъ далеко, какъ Гельмгольцъ [1]), который утверждаетъ, что при подобномъ изслѣдованіи результатъ зависитъ не столько отъ логической точности, сколько отъ психологическаго такта изслѣдователя; но онъ принужденъ признать, что всякія количественныя опредѣленія въ подобномъ случаѣ безполезны. Мы можемъ получить результаты, лишь похожіе на дѣйствительность. Тѣмъ не менѣе методъ остается по существу дедуктивнымъ [2]). Конечно, роль индукціи все болѣе и болѣе расширяется; на ней лежитъ, съ одной стороны, провѣрка гипотезъ, съ другой — провѣрка выводовъ, т. е. исходный и конечный пунктъ дедукціи. Но индукція остается все-таки лишь дополнительнымъ, провѣрочнымъ средствомъ. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что индукція предоставлена самой себѣ. Можетъ-ли она достигнуть точныхъ выводовъ какъ полагаютъ нѣкоторые самодовольные историки и статистики?

Исторія описываетъ экономическіе факты; но можетъ-ли она обойтись безъ дедукціи, когда дѣло идетъ не о простомъ описаніи, а о выдѣленіи типичнаго, о классификаціи и объясненіи явленій, наконецъ, о построеніи законовъ? Безъ сомнѣнія, сравнительная исторія можетъ открыть извѣстные экономическіе типы [3]), но едва она переходитъ къ формулировкѣ опредѣленій, какъ она встрѣчаетъ затрудненія. Исторія, въ собственномъ смыслѣ слова, если мы исключили изъ нея статистику, имѣетъ дѣло только съ качественными величинами и опредѣленіями. Чтобы перейти отъ описанія частныхъ случаевъ и событій къ научному знанію, историкъ долженъ сдѣлать отвлеченіе отъ извѣстнаго числа качествъ; но какимъ способомъ, если онъ отказывается отъ дедукціи, можно сдѣлать выборъ между различными качествами? Когда дѣло идетъ не о выдѣленіи типичнаго, но о построеніи законовъ, недостаточность

---

[1]) Helmholtz. Ziel und Vortschritt der Naturwissenschaft.

[2]) Вагнеръ придерживается этого взгляда въ противуположност Вундту, ср. Logike II, 590.

[3]) Grundlegung I, 221.

исторіи становится еще болѣе очевидной. Исторія намъ даетъ такъ называемые законы эволюціи. Но выраженіе «эволюціонный законъ» скрываетъ въ себѣ нѣкоторую двусмысленность [1]). Оно вызываетъ все болѣе и болѣе сомнѣній. Большая часть такъ называемыхъ законовъ эволюціи, въ примѣненіи къ частнымъ событіямъ, являются простымъ описаніемъ. Если-же мы пытаемся распространить эти законы на всю совокупность экономическихъ явленій, то встрѣчаемся съ препятствіемъ, которое стоитъ на пути къ построенію всякой философіи исторіи. Законъ эволюціи лишь собираетъ подъ однимъ названіемъ извѣстное число сложныхъ явленій, произведенныхъ самыми различными причинами. Чтобы построить законы, частные или общіе, нужно знать эти причины. Законы эволюціи по большей части лишь удаляютъ насъ отъ дѣйствительно научнаго метода, который состоитъ въ сведеніи сложныхъ явленій къ ихъ составнымъ элементамъ и который, слѣдовательно, долженъ начинать съ изолирующей абстракціи.

Статистика имѣетъ надъ исторіей то преимущество, что она оперируетъ надъ количественными величинами. Но она примѣнима лишь къ извѣстному ряду явленій; наиболѣе интересные факторы, напр. психологическіе, не подаются статистическому изслѣдованію [2]). Это ограниченіе области примѣненія статистики уменьшаетъ важность ея законовъ. Открытіе числовыхъ отношеній въ явленіяхъ, которыя казались не доступны количественному измѣренію, приводило статистиковъ въ нѣкотораго рода мистическій энтузіазмъ [3]), который можно было бы сравнить съ энтузіазмомъ пифагорейцевъ. Эти числа, казалось, давали возможность построить не приблизительные и гипотетическіе, но точные и математическіе законы историческаго развитія. Но не слѣдуетъ поддаваться иллюзіи внѣшней точности статистическихъ цифръ. Рюмелинъ, трудъ [4]) котораго знаме-

---

[1]) Grundlegung I, 337, 140. Simmel. Die Probleme der Gesch. phil.
[2]) Grundlegung I, 209.
[3]) Schmoller Litteraturgeschichte der Staatswissenschaften 183.
[4]) Rümelin. Reden und Aufsätze.

нуетъ новую эпоху въ пониманіи историческаго закона, писалъ уже въ 1875 г., что большинству такъ называемыхъ статическихъ законовъ недостаетъ существеннаго свойства всякаго закона—причинной связи. Вагнеръ, который началъ свою научную дѣятельность на поприщѣ статистики, признаетъ, что послѣдняя представляетъ не столько науку въ собственномъ смыслѣ, сколько описаніе, описательную математику, если можно такъ выразиться, болѣе точную исторію, но все таки исторію, нуждающуюся, для открытія законовъ, въ помощи дедукціи.

Окончательный результатъ этихъ споровъ о понятіи соціальнаго закона выясняется лучше всего въ сопоставленіи двухъ значеній, придаваемыхъ въ Германіи слову *точный* [1]). *Точно*—описаніе явленія, по возможности полное количественнымъ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, *точно*—лишь объясненіе, которое показываетъ причинную зависимость и даетъ возможность вывести явленіе дедуктивно изъ его причины. Обѣ точности обыкновенно недостижимы однимъ и тѣмъ же путемъ; одна относится къ области статистики, другая—къ области дедукціи. Статистика собираетъ случаи правильности и сходства; но пока они не приведены въ связь съ ихъ причиной, они могутъ образовать лишь временные законы, пригодные до тѣхъ поръ, пока наука не откроетъ дѣйствительной законообразности. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что явленіе, установленное математически, менѣе точно, чѣмъ явленіе, которому дано психологическое объясненіе.

Итакъ, только психологія можетъ дать истинные экономическіе законы. Но можно ли ихъ назвать естественными законами? Это значило бы забывать психологическій и историческій характеръ политической экономіи, какъ и всякой соціальной науки. Какъ бы ни были точны въ теоріи результаты психологической дедукціи, они никогда не соотвѣтствуютъ

---

[1]) Menger. Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften.

вполнѣ дѣйствительности. Такъ какъ въ основаніе дедукціи положено нѣсколько гипотетическихъ предположеній, то ея выводы могутъ соотвѣтствовать лишь историческимъ *тенденціямъ*. Далѣе, силы природы, служащія исходнымъ пунктомъ естествознанія, всегда существуютъ въ дѣйствительности въ болѣе или менѣе видимой формѣ, психическія же силы, которыя служатъ исходнымъ пунктомъ экономической дедукціи, могутъ отсутствовать въ дѣйствительности. Наконецъ, способъ ихъ дѣйствія нельзя опредѣлить напередъ, даже въ случаѣ ихъ присутствія. Сама сложность мотивовъ всегда оставляетъ мѣсто неопредѣленности и не дозволяетъ экономическимъ законамъ достигнуть точности законовъ природы.

Такимъ образомъ, политическая экономія, несмотря на то, что она знаетъ лучше свои причины, чѣмъ естествознаніе, потому что, какъ указано выше, эти причины даны непосредственно нашему сознанію, не можетъ, однако, точно опредѣлить реальныхъ послѣдствій найденныхъ причинъ. Психологическій характеръ объясняетъ какъ ея преимущества, такъ и недостатки. Онъ объясняетъ также, почему политическая экономія не можетъ пользоваться ни исключительно дедуктивнымъ, ни исключительно индуктивнымъ методомъ, но должна пополнять одинъ другимъ.

Въ теоріи и практикѣ нужно поставить на мѣсто антитезъ и дилеммъ постепенные переходы, количественныя различія. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы будемъ въ состояніи рѣшить всѣ проблемы, будутъ-ли онѣ относиться къ отысканію фактовъ, типовъ или законовъ политической экономіи, или къ открытію ея смысла, цѣли и средствъ, не упуская и не позабывая ни одной изъ нихъ. Благодаря помощи психологіи и логики, система политической экономіи охватываетъ всѣ стороны теоріи, исторіи и практики.

II.

Чтобы лучше понять мѣсто, которое занимаютъ въ системѣ Вагнера абстрактныя идеи, историческая дѣйствитель-

ность и практическія задачи, будетъ не безполезно напомнить въ нѣсколькихъ словахъ эволюцію политической экономіи за послѣднее столѣтіе.

Политическая экономія школы Ад. Смита была занята главнымъ образомъ опредѣленіемъ экономическихъ «идей», пригодныхъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; она носитъ характеръ космополитизма и абсолютизма. Она не противупоставляетъ дѣйствительности идеямъ; разсматривая идеи политической экономіи, какъ естественныя силы, дѣйствующія повсюду съ механической необходимостью, она поглощаетъ дѣйствительность въ идеяхъ. Если же политико-экономы школы Смита встрѣчали историческіе періоды, которые не могли быть объяснены одной игрой естественныхъ силъ, они объясняли это искусственнымъ вмѣшательствомъ людей. Человѣкъ, познавшій естественные законы, долженъ преклониться передъ ними и предоставить имъ полную свободу дѣйствія; долгъ каждаго государства—невмѣшательство въ конкуренціонную борьбу. Такимъ образомъ, абстракціи политической экономіи превращались въ практическія предписанія; индивидуализмъ, игнорировавшій исторію, соединялъ непосредственно теорію съ практикой; его презрѣніе къ исторіи заставляло его переходить непосредственно отъ теоретическихъ идей къ практическимъ задачамъ.

Исторія скоро разрушила систему, которая относилась къ ней съ такимъ невниманіемъ. Теоретики классической политической экономіи мнили себя выше историческихъ условій, но теперь мы видимъ, что они уступали давленію ихъ эпохи. Для Рошера, Гильдебранта, Ейсберга система Ад. Смита представляетъ лишь отраженіе тогдашней экономической организаціи; ихъ идеи являются, по выраженію Лассаля, категоріями не логики, а исторіи. Онѣ соотвѣтствуютъ преобразованію матерьяльныхъ, техническихъ, политическихъ и моральныхъ силъ, ознаменовавшему XVIII вѣкъ.

Но дальнѣйшее развитіе этихъ же силъ породило новую политическую экономію. Не важно, какую изъ этихъ силъ мы

будемъ считать господствующей, т. е. будемъ ли мы объяснять исторію умственнымъ развитіемъ, какъ Контъ и Бокль, или матеріальнымъ, какъ Марксъ и Энгельсъ. Измѣненія техники, одновременно съ измѣненіемъ идей, показали, съ одной стороны, что старая политическая экономія не соотвѣтствуетъ болѣе новымъ историческимъ отношеніямъ, съ другой, что различнымъ историческимъ моментамъ могла соотвѣтствовать различная политическая экономія.

Такимъ образомъ, старыя воззрѣнія пришли въ противорѣчіе съ теоретическими и практическими требованіями. Роль исторіи въ политической экономіи должна была увеличиться. Конечно, теоретическія требованія экономистовъ и соціалистовъ опредѣлялись болѣе ихъ практическими взглядами. Протекціонизмъ Листа, напр.—скорѣй причиной, чѣмъ слѣдствіемъ его національной системы политической экономіи. Тѣмъ не менѣе, экономисты, чтобы оправдать свои практическія реформы, начинаютъ обращаться къ исторіи. Мало-по-малу такимъ образомъ, исторія привлекаетъ вниманіе экономистовъ. Правда, въ ихъ отношеніи къ задачамъ политической экономіи господствуетъ нѣкоторая неясность. Книсъ утверждаетъ, что отысканіе цѣли экономической эволюціи и практическихъ реформъ не относится къ области экономической науки, а Шмоллеръ, что единственная цѣль экономиста—объективная истина. Однако, и тотъ, и другой извлекаютъ изъ своихъ теоретическихъ воззрѣній практическія реформы. Благодаря этой неясности [1], историческую школу упрекаютъ съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ. Менгеръ упрекаетъ ее за то, что она смѣшиваетъ вопросы теоріи съ практическими задачами; Вагнеръ—за то, что она устраняетъ практическіе вопросы. На самомъ дѣлѣ историческія изслѣдованія повлекли за собой, по крайней мѣрѣ у раннихъ представителей исторической школы, нѣкоторый индиферентизмъ къ практическимъ вопросамъ, то, что Вагнеръ называетъ «квіетизмомъ историковъ». Страсть къ исто-

---

[1]) Grundlegung I, 16, 51, 146; II, 751.

рической правдѣ, по выраженію Шмоллера, вытѣсняетъ мало-по-малу соціальныя страсти. Такимъ образомъ, исторія, оставленная безъ вниманія представителями абстрактной школы, постепенно занимаетъ господствующее мѣсто и вытѣсняетъ какъ абстрактныя идеи, такъ и практическія задачи. Удаляя отъ себя всякаго рода абстракціи, политическая экономія превращается все болѣе и болѣе во всеобщую исторію цивилизаціи: идея должнаго растворяется въ идеѣ развитія.

Это смѣшеніе должно было вызвать реакцію. Иниціативу взяла на себя австрійская школа въ лицѣ Карла Менгера [1]). Онъ направилъ свои усилія на то, чтобы разграничить три различныя задачи политической экономіи, смѣшанныя вмѣстѣ историческимъ направленіемъ.

Въ политической экономіи, какъ во всякой другой наукѣ, практика предшествовала и опредѣляла теорію. Но наука должна разрушить эту зависимость теоріи отъ практики, которая теряетъ необходимость и становится вредной для дальнѣйшаго развитія науки. Эта зависимость, смѣшивая временное съ постояннымъ, заставляя насъ видѣть настоящее подъ угломъ зрѣнія вѣчности и наоборотъ, препятствуетъ правильной постановкѣ научныхъ вопросовъ. До тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться это смѣшеніе, невозможно опредѣлить методъ политической экономіи, потому что между экономической истиной и экономическимъ благомъ трудно найти общіе пункты изслѣдованія. Слѣдовательно, теоретическая политическая экономія должна быть отдѣлена отъ практической, какъ физіологія отъ терапіи; послѣдняя болѣе искусство, чѣмъ наука.

Знаніе можетъ быть раздѣлено не только на теоретическое и практическое (науку и искусство) но также на теоретическое и историческое.

Историческое знаніе интересуется только конкретными, частными фактами, индивидуальными или коллективными. Оно можетъ дать не только знаніе, но и пониманіе. Но историческое пониманіе не выходитъ ихъ сферы конкретнаго; оно даетъ

[1]) Karl Menger. Ueber die Methode der Socialvissenschaften, 1883.

пониманіе частнаго явленія, изучая въ отдѣльности конкретныя условія, среди которыхъ явленіе рождается.

Наоборотъ, теоретическое знаніе интересуется типами и типическими отношеніями; въ частномъ фактѣ оно видитъ лишь примѣненіе общаго закона. Если оно ищетъ типичное путемъ наблюденія сложныхъ явленій, то оно образуетъ, по терминологіи Менгера, *реалистически-эмпирическое* направленіе; если же оно находитъ типичное въ простѣйшихъ элементахъ явленія, то оно становится точнымъ знаніемъ.

Первый методъ не даетъ точныхъ результатовъ. Между наблюдаемыми явленіями нѣтъ двухъ абсолютно похожихъ между собой. Поэтому, полученные такимъ путемъ типы страдаютъ неточностью, свойственной вообще эмпиризму. Наоборотъ, второй методъ, беря за исходные пункты простѣйшіе элементы, даетъ точные результаты. Второй методъ относится къ первому, какъ методъ физическихъ наукъ къ методу физіологическихъ. Оба метода одинаково необходимы. Отрицать одинъ изъ нихъ значило бы походить на физіолога, отрицающаго физику, потому что она даетъ абстрактные факты, или на физика, отрицающаго физіологію, потому что ея законы получены эмпирическимъ путемъ. Подчинять одинъ методъ другому, говорить, напримѣръ, что результаты, полученные съ помощью точнаго метода, нуждаются въ эмпирической провѣркѣ, чтобы получить достовѣрность, значило бы походить на геометра, требующаго провѣрки геометрическихъ законовъ посредствомъ измѣренія реальныхъ тѣлъ. Точный методъ не заботится о томъ, чтобы его результаты соотвѣтствовали разнообразію дѣйствительныхъ отношеній; онъ принимаетъ во вниманіе лишь извѣстныя стороны дѣйствительности и на этихъ сторонахъ строитъ геометрическимъ путемъ свою систему. Упрекать его за то, что въ основаніи его научныхъ построеній положены гипотезы—это тоже, что упрекать химика за то, что онъ предполагаетъ существованіе чистаго золота, чистой воды, которыхъ онъ никогда не встрѣчалъ въ дѣйствительности. Однимъ словомъ, дѣйствительность не можетъ служить мѣри-

ломъ точности. Точная теоретическая экономія можетъ быть построена лишь путемъ абстрагированія отъ условій настоящаго и прошедшаго, отъ практики такъ же, какъ отъ исторіи; необходимо также разграничить понятія теоріи, исторіи и практики въ политической экономіи, понятія, которыя историческая школа привела въ полное смѣшеніе.

Не трудно опредѣлить долю вліянія каждаго изъ названныхъ направленій на систему Вагнера. Вагнеръ, впрочемъ, не разъ заявляетъ самъ, что въ полемикѣ по поводу метода (Methodenstreit) онъ стоитъ ближе всего къ мнѣніямъ Менгера. Дѣйствительно, Менгеръ, болѣе чѣмъ кто либо иной, нападаетъ на крайности историзма и указываетъ на положительныя стороны абстрактнаго метода классической школы. Но усилія Менгера, какъ часто случается съ представителями реакціи, направлены главнымъ образомъ на разграниченія и раздѣленія; наоборотъ, задача Вагнера заключается въ соединеніи и примиреніи. Историческая діалектика подготовила анализъ понятій, скрывавшихся въ зачаточномъ видѣ въ политической экономіи; наконецъ, явилась возможность дать синтезъ этихъ элементовъ въ общей системѣ, одновременно логической, исторической и практической, соединившей въ себѣ доли истины, которыя заключались въ каждой изъ предшествовавшихъ школъ.

Извѣстныя фазы въ развитіи античной философіи даютъ намъ аналогію указанной выше діалектики соціальныхъ наукъ. Новая историческая школа признаетъ господство принципа Πάνταρεῖ и приходитъ къ отрицанію возможности, вообще, научной политической экономіи. Изъ этой идеи вѣчнаго движенія явленій вытекаетъ извѣстнаго рода теоретическій и практическій скептицизмъ. Чтобы спасти науку отъ скептицизма, новая абстрактная школа стремится поставить бытіе внѣ идеи развитія, возвысить идею надъ міромъ явленій; она создаетъ въ нѣкоторомъ родѣ вѣчный міръ экономическихъ отношеній, далекій отъ преходящей дѣйствительности. Вагнеръ дѣлаетъ приверженцамъ этого воззрѣнія возраженіе, формулированное впервые Платономъ въ борьбѣ противъ идеализма; ваша наука,

говоритъ онъ, построенная на облакахъ, произвольна, и потому явленія, совершающіяся здѣсь на землѣ не менѣе произвольны. Ими завладѣваютъ эмпирики, знаніе которыхъ представляетъ лишь рядъ догадокъ; практическая дѣятельность движется ощупью. Идея, исключенная изъ міра дѣйствительности, не можетъ ни объяснить послѣдней, ни регулировать. Необходимо установить сообщеніе между двумя мірами; чтобы соединить ихъ, Вагнеръ расходится одинаково, какъ со взглядами Шмоллера, такъ и со взглядами Менгера, и вѣрнѣй—онъ старается ихъ примирить въ общемъ синтезѣ. Первый преувеличиваетъ разнообразіе экономическихъ явленій, второй — ихъ единство. Задача Вагнера заключается въ томъ, чтобы отыскать середину между этими двумя крайностями и указать настоящее мѣсто исторіи и практикѣ въ системѣ экономической науки.

Изъ сказаннаго выше можно судить, насколько современная политическая экономія расходится съ понятіями старой абстрактной школы и что она изъ нихъ сохраняетъ.

Прежде всего, подобно старой школѣ, Вагнеръ хочетъ обнять въ своей системѣ теорію и практику; онъ хочетъ, чтобы наука, а не случай и грубая эмпирика, дала отвѣты на цѣли и средства политической экономіи. Но насколько практическія мѣропріятія вытекаютъ изъ теорій? Вагнеръ остерегается прилагать непосредственно теоретическіе выводы на практикѣ безъ помощи и провѣрки историческаго изслѣдованія. Онъ принимаетъ, какъ научный идеалъ, гипотезу эгоизма, но онъ не смѣшиваетъ, подобно классической школѣ, научный идеалъ съ нравственнымъ [1]). Онъ пользуется для научныхъ цѣлей индивидуалистической абстракціей, но онъ далекъ отъ того, чтобь стремиться на практикѣ къ устраненію соціальнаго элемента который онъ устраняетъ въ теоріи. Старая политическая экономія дѣлаетъ предположеніе, затѣмъ немедленно требуетъ

[1]) Dietzel. Beiträge zur Methodik der Wirtschafts-wissenschaft lahrbücher für Nationalökonomie 1884.

устраненія національныхъ ограниченій, установленія атомистическаго общества, личнаго права, матерьялистическаго строя. Для Вагнера-же предположеніе остается методологической гипотезой. Никто болѣе его не проникнутъ убѣжденіемъ о различіяхъ и противорѣчіяхъ между дѣйствительными государствами, между общественнымъ и частнымъ хозяйствомъ и проч.; онъ признаетъ, что индивидуалистическое право образуетъ лишь одинъ моментъ въ исторіи права, что общество движется не только посредствомъ матерьяльныхъ, но также и идеальныхъ силъ. Историческія занятія заставили его признать, что въ дѣйствительности существуютъ общественные интересы, которые отличаются отъ совокупности интересовъ индивидовъ; онъ приходитъ къ практическимъ реформамъ, прямо противуположнымъ тѣмъ, которыя были предложены старой школой; даже, дѣлая уступки индивидуализму, по собственному признанію, онъ имѣетъ въ виду интересъ общества [1]).

Собственно говоря, связь между этими практическими заключеніями и теоріей часто трудно уловима. Можно-ли утверждать, что эти заключенія являются выводами изъ теоритическихъ посылокъ? Цѣли, преслѣдуемыя Вагнеромъ на практикѣ, выдвинуты исторіей. Онъ полагаетъ, что его общія посылки представляютъ результатъ наблюденія дѣйствительности. Но получены-ли онѣ научнымъ путемъ? Въ какой степени практическія мѣропріятія вытекаютъ изъ всей системы? Въ дѣйствительности онѣ опредѣляются, сколько личными взглядами, столько личнымъ чувствомъ. Въ этомъ смыслѣ возраженія Зимеля противъ нормативныхъ наукъ распространяется и на систему Вагнера. Разъ даны цѣли, наука можетъ указать средства ихъ достиженія; но политическая экономія, какъ всякая другая наука, не можетъ ни создать, ни даже доказать самихъ цѣлей. Она беретъ ихъ какъ простой фактъ. Если такъ, то желаніе ввести въ систему политической экономіи, рядомъ съ теоретическими, практическія проблемы является неосуществимымъ.

[1]) Grundlegung I, 59.

По крайней мѣрѣ, необходимо признать, что психологическія посылки Вагнера нисколько не подготовляють насъ къ принятію его практическихъ заключеній. Онѣ не показываютъ намъ происхожденія соціальныхъ понятій, къ которымъ онъ долженъ прибѣгать на практикѣ, противупоставляя ихъ индивидуалистическимъ понятіямъ. Однимъ изъ его обычныхъ пріемовъ является разграниченіе понятій совокупности и цѣлаго; онъ утверждаетъ, въ противуположность Бастіа, что соціальная экономія не есть простое соединеніе частныхъ хозяйствъ [1]). Онъ противупоставляетъ атомистическимъ, индивидуальнымъ интересамъ общіе интересы, которые реализуются сначала естественно въ соціальномъ организмѣ, позже—раціонально въ соціальной организаціи. Но это противупоставленіе много-бы выиграло въ ясности, если-бы оно было освѣщено съ самаго начала психологическимъ анализомъ.

Нужно сожалѣть, что Вагнеръ не далъ мѣста, рядомъ съ индивидуальной психологіей,—соціальной. Съ ея помощью онъ могъ-бы дать болѣе прочное основаніе общественному самосознанію и показать, какимъ образомъ общества могутъ чувствовать и преслѣдовать свой интересъ. Дѣло не идетъ, конечно, о какой-то новой метафизической сущности. Общество представляетъ не какую-либо субстанцію, но совокупность цѣлей, формъ и функцій, представляющихъ самостоятельный объектъ для изученія. Условія соціальной жизни даютъ для дѣйствій индивидовъ какъ матерьялъ, такъ нерѣдко, и форму; они образуютъ своего рода соціальный разумъ, который можетъ служить специальнымъ объектомъ изслѣдованія. Такъ какъ Вагнеръ принужденъ былъ на практикѣ аппелировать къ чисто специальнымъ явленіямъ, противупоставляя ихъ индивидуальнымъ, то не долженъ ли онъ былъ классифицировать соціальныя цѣли, какъ онъ классифицировалъ индивидуальныя? Не долженъ-ли онъ былъ показать намъ, какъ можетъ нація, расса, классъ сознавать и преслѣдовать свои эко-

---

[1]) Grundlegung I, 360.

номическіе интересы? Не служило-ли-бы это лучшимъ средствомъ для соединенія теоріи съ практикой и не дало-ли-бы психологическаго обоснованія протекціонизму, антисемитизму или интернаціональному соціализму?

Можетъ быть, возразятъ, что Вагнеръ оставляетъ безъ изученія категоріи соціальной психологіи, потому что онѣ имѣютъ лишь относительное, историческое значеніе; ихъ примѣненіе слишкомъ ограничено. Явленія, къ которымъ онѣ приложимы, или скоро исчезаютъ, или-же появляются слишкомъ поздно. Одинъ экономистъ [1]) утверждаетъ, что условія современнаго общественнаго хозяйства очень недавняго происхожденія. Вагнеръ, озабоченный борьбой противъ крайностей историзма, хотѣлъ положить въ основаніе своихъ дедукцій абстракціи, болѣе универсальнаго значенія; вотъ почему онъ обратился къ индивидуальной психологіи, а не къ соціальной.

Но, хотя Вагнеръ желаетъ, чтобы политическая экономія стала абстрактной и дедуктивной наукой, подобно естествознанію, онъ не вѣритъ, чтобы она когда-либо достигла точности послѣдняго. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ понимаетъ, что соціальныя науки не могутъ пользоваться ни столь универсальными абстракціями, ни столь точными дедукціями. Онъ беретъ абстракціи, необходимыя для построенія новой науки не изъ области метафизическихъ идей, но психологическихъ фактовъ; психологическія-же явленія въ послѣднемъ анализѣ имѣютъ лишь относительное, а не абсолютное значеніе. Вагнеръ не претендуетъ на безусловность экономическихъ истинъ; онъ строитъ политическую экономію во времени и пространствѣ; назначеніе ея — объяснить исторію; даже ея основные принципы онъ ставитъ въ зависимость отъ историческихъ условій. Такимъ образомъ, онъ признаетъ относительность индивидуальной психологіи. Человѣкъ ищетъ *maximum*'а блага съ *minimum*'омъ затраты усилій; это — постоянный фактъ, но не болѣе. Историческій опытъ показываетъ намъ его постоянство, но

---

[1]) Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirtschaft.

никакое размышленіе не можетъ доказать его необходимости. Нѣтъ никакой логической невозможности представить себѣ изобрѣтеніе новаго орудія, которое преобразовало бы «экономическаго человѣка» и вмѣстѣ съ тѣмъ принципы политической экономіи. Вагнеръ выводитъ изъ извѣстныхъ психологическихъ фактовъ законы политической экономіи, но онъ не создаетъ самихъ психологическихъ фактовъ, которые служатъ исходнымъ пунктомъ его дедукцій. Онъ признаетъ, что эти психологическіе факты не представляютъ первичныхъ явленій, и что въ основаніи его пяти главныхъ мотивовъ лежатъ разнообразныя элементарныя силы. Физикъ знаетъ, изъ какихъ элементарныхъ силъ сложенъ матерьяльный міръ; онъ исходитъ изъ первичныхъ фактовъ, или вѣрнѣй—изъ первичныхъ идей, съ помощью которыхъ онъ объясняетъ сложныя явленія, предлагаемыя ему внѣшними чувствами. Наоборотъ, элементарныя силы нравственнаго міра неизвѣстны экономисту. Но что за важность! Для построенія экономической науки, а не метафизики, мы не должны все доказывать. Какъ только исходнымъ пунктомъ нашихъ построеній служатъ факты, достаточно общіе, чтобы внести извѣстное единство въ разнообразіе историческихъ явленій, мы находимся на научномъ пути. Можно даже сказать, что, констатируя факты, путемъ внутренняго наблюденія, политико-экономъ имѣетъ преимущество надъ физикомъ, такъ какъ внутреннее наблюденіе даетъ болѣе непосредственное знаніе, чѣмъ внѣшній опытъ.

Причины экономическихъ явленій — наши желанія. Въ этомъ уже скрывается глубокое различіе между дедукціями соціолога и естественника. Данная экономическая организація достаточно объяснена, если установлена ея связь съ мотивами людей. Мы объясняемъ дѣйствія людей ихъ цѣлями, т. е. даемъ имъ телеологическое объясненіе. Необходимо признать, что телеологическая дедукція пользуется иными пріемами и приходитъ къ инымъ заключеніямъ, чѣмъ механическая дедукція. Механическая дедукція идетъ отъ причины къ слѣдствію, между которыми она устанавливаетъ необходимую зави-

симость. Телеологическая дедукція направляется отъ цѣли къ дѣйствію, между которыми нѣтъ безусловной зависимости. Чтобы доказать, что дѣйствіе человѣка совершается въ извѣстномъ направленіи, недостаточно констатировать его цѣль: одну и ту же цѣль можно достигнуть различными средствами. Между инстинктомъ самосохраненія и данной формой борьбы за существованіе нѣтъ никакой необходимой логической зависимости. Чтобы избѣжать вредныхъ послѣдствій конкурренціонной борьбы, люди вносятъ раздѣленіе труда въ ихъ дѣятельность. Можно ли утверждать, что раздѣленіе труда является необходимымъ результатомъ конкурренціи? Возможны и другіе результаты. Такимъ образомъ, не говоря уже о томъ, что часто трудно установить саму цѣль, въ телеологической зависимости нѣтъ той необходимости, какъ между причиной и слѣдствіемъ. Выводы телеологической дедукціи далеки отъ достовѣрности выводовъ механической.

Тѣмъ не менѣе, соціальныя науки не могутъ обойтись безъ подобныхъ приблизительныхъ дедуктивныхъ выводовъ. Собственно говоря, теоретически оба рода объясненія — телеологическое и механическое — приложимы во всѣхъ областяхъ знанія. Разъ мнѣ дано извѣстное явленіе, никто не мѣшаетъ мнѣ искать или его причину, которая толкаетъ его механически, или чувство, которое его притягиваетъ. Но на практикѣ область примѣненія каждаго изъ названныхъ двухъ методовъ объясненія ограничивается природой явленій. Мы выбираемъ тотъ методъ, который, съ одной стороны, болѣе примѣнимъ, съ другой — болѣе способенъ открыть законосообразность даннаго рода явленій, наконецъ, — болѣе практиченъ, — употребляя это вульгарное слово въ философскомъ смыслѣ. Напримѣръ, никто не препятствуетъ мнѣ пытаться объяснить мое желаніе механически простымъ движеніемъ мозговыхъ молекулъ; съ другой стороны, не разъ дѣлались попытки свести притяженіе клѣточекъ, находящихся на границѣ органическаго и неорганическаго міровъ, къ нѣкотораго рода желанію, любви. Но, во первыхъ, подобное при-

ложеніе методовъ трудно осуществимо. Чтобы опредѣлить молекулярное движеніе мозга или желаніе, любовь телецъ, нужно было бы проникнуть во внутреннюю жизнь мозговой клѣточки въ моментъ ея жизнедѣятельности или въ мнимую душу почти неорганическаго существа. Далѣе, если бы даже эти методы были приложены, полученныя подобнымъ путемъ объясненія не открыли бы намъ дѣйствительной законосообразности явленія. Между движеніемъ и психическимъ актомъ въ первомъ случаѣ, между психическимъ актомъ и движеніемъ во второмъ—мы не можемъ наблюдать необходимой зависимости, но лишь простую послѣдовательность. Другое дѣло, если мы употребимъ въ первомъ случаѣ телеологическую, а во второмъ механическую дедукцію; если мы объяснимъ данное желаніе извѣстной потребностью, данное притяженіе—силой предшествующаго движенія, наши объясненія будутъ практически выполнимы и откроютъ намъ дѣйствительную зависимость явленій. Теоретически можно пытаться дать соціальнымъ явленіямъ механическое объясненіе. Можно, напримѣръ, сдѣлать попытку измѣренія движенія, соотвѣтствующаго общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ Штейнталь опредѣлялъ статистику, какъ психофизику народовъ. Она измѣряетъ внѣшнія явленія, сопровождающія соціальную жизнь. Но внѣшнія явленія, доступныя измѣренію, не даютъ намъ законосообразности. Рюмелинъ показалъ намъ, что самая сущность закона имъ не доступна. До тѣхъ поръ, пока мы не откроемъ психологической связи, пока мы не замѣнимъ механической послѣдовательности телеологической зависимостью, внѣшнія явленія остаются для насъ мертвыми буквами, порядокъ и группировка которыхъ намъ недоступны. Чтобы открыть дѣйствительную законосообразность явленій мы должны обратиться къ желаніямъ людей. Правда, подобная телеологическая законосообразность никогда не достигнетъ точности механической, но тѣмъ не менѣе она одна приложима; только она можетъ установить зависимость между явленіями, между которыми механическій способъ объясненія открываетъ лишь простую послѣдовательность.

Отсюда слѣдуетъ, что соціальныя науки могутъ увеличить точность своихъ выводовъ, не заимствуя методы естествознанія, но вырабатывая свой собственный методъ. Соціологъ не долженъ отказываться отъ телеологической дедукціи, какъ отъ метафизическаго занятія, предоставляя міръ соціальныхъ явленій эмпирикамъ, но установить научно ея исходные пункты. Необходимо, чтобы соціальная наука, заимствующая до сихъ поръ у исторіи въ готовомъ видѣ практическія и теоретическія понятія, въ которыхъ требованія современности перемѣшаны съ традиціями старины, замѣнила ихъ новыми понятіями, построенными сознательно, путемъ методологическаго изолированія. На мѣсто неясныхъ понятій, которыя явились въ результатѣ дѣйствія самыхъ различныхъ силъ, она должна поставить понятія, чистыя отъ всякихъ постороннихъ элементовъ и вытекающія по возможности изъ дѣйствія одной силы. Такимъ образомъ, хаосъ явленій можно разложить на составные элементы. Первоначально человѣческій разумъ стремился охватить всю исторію человѣчества одной обстрактной идеей. Философія исторіи была монистической. Вагнеръ, какъ и Зиммель, борется противъ подобнаго соціологичечкаго монизма, игнорирующаго разнообразіе историческихъ силъ. Но болѣе, чѣмъ послѣдній, онъ убѣжденъ въ необходимости абстракцій, безъ которыхъ соціальная наука превращается въ рядъ эмпирическихъ правилъ. Между единствомъ философіи исторіи и множествомъ историческихъ фактовъ онъ хочетъ помѣстить рядъ идей, которыя должно образовать объектъ частныхъ соціальныхъ наукъ. Ни одна изъ нихъ не претендуетъ на объясненіе всей совокупности историческихъ явленій, каждая вѣрна лишь въ извѣстныхъ границахъ, и только потому, что она ограничена. Вотъ почему Вагнеръ, вѣря въ возможность образованія научной политической экономіи, относится, вслѣдъ за Дильти [1]), нѣсколько скептически къ возможности построенія общей соціологіи. Соб-

---

1) Einleitung in die Geisteswissenschaft. Конецъ первой книги.

ственно говоря, соціологія представляетъ уже спеціальную науку. Теніесъ и Зиммель, который въ области соціологіи придерживается нѣсколько иного метода, чѣмъ въ области морали, опредѣляютъ соціологію, какъ науку о *соціальной* сторонѣ общественныхъ явленій [1]). Соціологія получаетъ, такимъ образомъ, не матеріальный, но лишь формальный объектъ. Эволюція соціальныхъ наукъ ведетъ все къ большей и большей спеціализаціи, превращая ихъ въ то же время въ систему абстракцій.

Такимъ образомъ, на вопросъ, который столько разъ подвергался полемикѣ,—представляетъ ли исторія науку, можно отвѣтить: исторія не представляетъ науки въ собственномъ смыслѣ этого слова, потому что изъ безчисленнаго количества причинъ общественныхъ явленій нельзя извлечь общаго закона развитія; но раздѣляя и обособляя эти причины, мы получимъ возможность построенія абстрактныхъ законовъ, совокупность которыхъ образуетъ частную общественную науку.

Конечно, можно предполагать, что частныя соціальныя науки образуютъ первую ступень къ образовачію общей соціологіи. Философія исторіи, предшествовавшая научному раздѣленію труда, будетъ, такимъ образомъ, его завершеніемъ; за анализомъ различныхъ элементарныхъ силъ послѣдуетъ ихъ синтезъ. Если подобный синтезъ совершится, то соціологія будетъ въ состояніи предсказывать будущее, тогда какъ теперь частныя соціальныя науки могутъ лишь указать на тенденцію развитія.

Но, предполагая даже, что образованіе подобной общей соціальной науки возможно, мы должны замѣтить, что она всегда будетъ осуждена оставаться въ обасти абстрактныхъ идей; реальная дѣйствительность, слѣдовательно, останется всегда внѣ ея области. Съ другой стороны, въ идеѣ общей соціальной науки заключается какъ бы противорѣчіе: она пред-

---

[1]) Зиммель въ своемъ курсѣ соціологіи, читанномъ въ Берлинскомъ университетѣ. См. также статью Зиммеля въ Revue de Methaphisique, Septembre 1894.

полагаетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, закончить, остановить вѣчный процессъ развитія. Наконецъ, осуществленіе этого грандіознаго синтеза возможно лишь въ отдаленномъ будущемъ; въ ожиданіи его задача соціальныхъ наукъ заключается въ прогрессивномъ примѣненіи изолирующей абстракціи.

VI.

Р. фонъ Іерингъ.

Философія права.

Наука о правѣ совершила въ Германіи приблизительно ту же эволюцію, какъ политическая экономія. Какъ послѣдняя, она пережила стадію историзма и стремится теперь принять форму дѣйствительной науки. Труды Іеринга [1]) представляютъ лучшій случай познакомиться съ современнымъ состояніемъ этой науки въ Германіи.

I.

Большая часть громадныхъ трудовъ Іеринга осталась неоконченной. Это уже служитъ признакомъ философскихъ стремленій автора. Онъ не могъ начать изложенія предмета безъ того, чтобы скоро не расширить своей задачи. За частными историческими и юридическими онъ замѣчалъ общіе философскіе вопросы; и, начавъ съ изслѣдовенія первыхъ, онъ скоро переходилъ ко вторымъ.

---

[1]) „Geist des römischen Rechts,“ 5-е изд. 1891 г.; „Der Zweck im Recht“ 1-й томъ, 3-е изд. 1893 г., 2-й т. 2-е изд. 1886; „Vorgeschichte der Jndoeuropäer“ 1894; Entwickelungsgeschichte des römischen Rechts“ 1894 г.

Для дальнѣйшаго ознакомленія съ философіей права можно обратиться къ классическимъ трудамъ Stahl'a, Arens'a и Post'a, затѣмъ Dehn'a („Verminft in Recht: 1879) Tönies („Gemeinschaft und Gesellschaft 1887) , Bergbohn'a (Jurisprudens und Rechtsphilosophie), наконецъ къ «Histoire de la science du droit en Allemagne, 1880, par R. Stintzing.

Его основная идея о цѣли въ правѣ, идея, которая служила ему путеводной звѣздой во всѣхъ послѣдующихъ трудахъ, является впервые въ обширной работѣ о духѣ римскаго права. Прежде чѣмъ объяснять систему римскаго права, онъ считалъ необходимымъ дать анализъ его цѣли. Анализъ его предшественниковъ не удовлетворялъ его. Въ самомъ дѣлѣ, со времени Канта идея цѣли въ правѣ играла первенствующую роль въ построеніяхъ метафизиковъ. Наоборотъ, по естественной реакціи она была совершенно исключена изъ научнаго изслѣдованія. Передъ Іерингомъ стояла, такимъ образомъ, задача: опредѣлить сферу, въ границахъ которой идея цѣли могла бы получить примѣненіе въ наукѣ о правѣ.

Эта сфера опредѣляется, по мнѣнію Іеринга, сферой психической дѣятельности. Ни одного дѣйствія безъ цѣли — вотъ всеобщій принципъ психической жизни подобно тому, какъ правило: ни одного явленія безъ причины—принципъ физической жизни. Движенія губки, которая напитывается водой, опредѣляется причиной; но движенія животнаго, пьющаго воду, опредѣляются и вызываются его цѣлью. Собака пьетъ, чтобы удовлетворить жажду; она можетъ удержаться и не пить, если она боится наказанія хозяина. Такимъ образомъ, цѣль дѣйствій отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ заключается въ приспособленіи внѣшняго міра къ внутреннимъ потребностямъ. Дѣйствовать — значитъ дѣйствовать для достиженія цѣли [1]).

Но, возразятъ, развѣ опытъ не показываетъ намъ цѣлый рядъ дѣйствій безъ цѣли? Въ дѣйствительности это отсутствіе цѣли только кажущееся. Идетъ ли дѣло о повседневныхъ дѣйствіяхъ, или, наоборотъ, о необыкновенномъ, безразсудномъ поступкѣ, — о привычныхъ или даже о вынужденныхъ дѣйствіяхъ—вездѣ въ основаніи лежитъ цѣль. Если въ большинствѣ случаевъ мы не говоримъ о цѣли повседневной дѣятельности, то это исходитъ только вслѣдствіе ея очевидности. Если

---

[1]) Zweck im Recht.

мы называемъ безразсудное дѣйствіе безцѣльнымъ, то лишь потому, что цѣль его для насъ непонятна. Въ привычномъ дѣйствіи, благодаря частому повторенію, мы позабываемъ, наконецъ, цѣль; тѣмъ не менѣе, она является первоначальной причиной дѣйствія. Наконецъ, даже повинуясь симъ, мы дѣйствуемъ цѣлесообразно. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ того случая, когда принужденіе носитъ матеріальный характеръ и когда, слѣдовательно, дѣйствіе принадлежитъ не намъ, но тому, кто принуждаетъ — мы всегда поступаемъ ввиду какой либо цѣли. «*Coacti tamen volunt*» говорили римскіе юристы; мы отдаемъ свой кошелекъ, чтобы спасти жизнь.

Отсюда понятно вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на поступки людей. Іерингъ признаетъ громадную роль, которую играютъ въ исторіи среда и географическія условія. Но онъ полагаетъ, что эти причины не дѣйствуютъ на историческую жизнь непосредственно, механически. Чтобы произвести вліяніе на историческую жизнь, внѣшнія условія должны пройти черезъ нашу душу и принять форму мотивовъ. Причинность принимаетъ въ душѣ человѣка форму цѣлесообразности [1]). Внѣшній міръ служитъ лишь случайной причиной нашихъ дѣйствій. Истиннымъ двигателемъ соціальнаго міра считается желаніе.

Къ чему же стремится этотъ основной двигатель исторіи среди разнообразныхъ условій, налагающихъ на него разнообразныя формы? Каково бы ни было дѣйствіе, можно всегда сказать, что мы совершаемъ его не ради него самого, но ради его результатовъ. Конечно, этотъ результатъ не всегда отдѣленъ по времени отъ самого дѣйствія, какъ въ случаѣ дѣлового путешествія, — но бываетъ одновременнымъ съ самимъ дѣйствіемъ, какъ, напр., въ случаѣ прогулки. Но даже тогда, «когда мы любимъ», по выраженію Лессинга, «болѣе само усиліе, чѣмъ его результатъ», цѣль нашего дѣйствія заключается не въ немъ самомъ, но въ доставляемомъ удовольствіи. Такимъ

---

1) Zweck I, 24.

образомъ, неправильно было бы утверждать, что первоначальная и существенная цѣль нашихъ дѣйствій — это самосохраненіе; какъ при воспроизведеніи, такъ и при питаніи животное не думаетъ о сохраненіи рода или индивида, но лишь стремится къ собственному удовлетворенію [1]).

Безспорно, преслѣдуя одно, оно одновременно достигаетъ и другого. Сохраненіе рода или индивида, если угодно, — цѣль природы, и нужно удивляться, съ какой мудростью она достигаетъ своей общей цѣли, заставляя индивида лишь стремиться къ удовлетворенію и избѣгать страданія. Но ошибочно было бы смѣшивать эту цѣль, къ которой индивиды стремятся иногда сознательно, иногда безсознательно, — съ желаніями, опредѣляющими ихъ дѣйствія. Можно назвать первую цѣль — объективной, вторую—субъективной [2]),—важное различіе для пониманія всей соціальной жизни. Одна и та же объективная цѣль можетъ быть осуществлена различными индивидами, преслѣдующими различныя субъективныя цѣли. Напримѣръ, построеніе желѣзной дороги можетъ быть реализовано компаніей акціонеровъ, изъ которыхъ одни имѣютъ въ виду финансовыя цѣли, другіе—политическія, но никто—само построеніе дороги. Собственно говоря, подъ объективными цѣлями Іерингъ разумѣетъ или результаты, которые получаются безъ вѣдома дѣйствующихъ лицъ, или средства, употребляемыя ими для достиженія субъективнаго удовлетворенія. Въ явленіяхъ воли исходнымъ и конечнымъ пунктомъ является самъ индивидъ [3]). Дѣйствовать цѣлесообразно — значитъ дѣйствовать для себя. Такимъ образомъ, Іерингъ производитъ эгоизмъ, въ широкомъ смыслѣ слова, изъ идеи цѣли.

Человѣкъ отличается отъ животнаго не по своей природѣ, а по широтѣ сферы своего эгоизма. Какъ болѣе предусмотрительное животное онъ проводитъ свою волю не только путемъ

---

[1]) Zweck I, 28.
[2]) Zweck I, 37; II, 98.
[3]) Zweck I, 31.

физическихъ средствъ, но также экономическихъ и юридическихъ. Онъ сознаетъ, что безъ капитала жизнь не обезпечена, что безъ права не обезпечена ни жизнь, ни пользованіе капиталомъ. Такимъ образомъ, экономическая и юридическая дѣятельность опредѣляется естественнымъ развитіемъ первоначальнаго желанія- -пользоваться жизнью [1]).

Но если названное желаніе представляетъ существенную причину человѣческой дѣятельности, то какъ объяснить нравственные поступки? Безкорыстное дѣйствіе становится тайной. Несомнѣнно, однако, что вполнѣ безкорыстнаго дѣйствія не существуетъ. Дѣйствіе безъ интереса—психологическая невозможность. Никто не хочетъ чего-либо для того, чтобы хотѣть, и Кантъ тщетно старался извлечь мотивы дѣйствія изъ закона воли. Безкорыстный человѣкъ имѣетъ цѣлью интересы другихъ, семейства, отечества, человѣчества, и находитъ собственное удовлетвореніе въ безкорыстной дѣятельности. Такимъ образомъ и здѣсь скрывается извѣстная доля эгоизма. Необходимо, однако, признать, что между эгоистическимъ удовлетвореніемъ, доставляемымъ безкорыстнымъ дѣйствіемъ, и жертвами, которыя оно налагаетъ, неравенство иногда слишкомъ велико, такъ что невозможно отыскать общую мѣру. Эгоистъ сказалъ бы, что если безкорыстный человѣкъ подводитъ балансъ своимъ дѣйствіямъ, то онъ долженъ быть плохимъ счетчикомъ; человѣкъ, который ищетъ удовольствія въ самоотреченіи, походитъ на то лицо, которое, чтобы согрѣться, растопило каминъ пачкой банковыхъ билетовъ [2]). Мы принуждены, слѣдовательно, рядомъ съ эгоизмомъ признать существованіе иного соціальнаго фактора; или, если преданность представляетъ, какъ полагаетъ Іерингъ, продуктъ эгоизма, необходимо обьяснить, путемъ какой борьбы послѣдній превращается въ свою противуположность. Этотъ вопросъ составляетъ часть болѣе общаго: какъ возможно общество, если эгоизмъ является существенной

[1]) Zweck I, 62—77.
[2]) Zweck I, 46—60.

силой? Какимъ образомъ осуществляются объективныя соціальныя цѣли, если субъективныя цѣли по существу эгоистичны? Человѣкъ можетъ быть изолированъ лишь въ абстракціи; въ дѣйствительности онъ живетъ посредствомъ и для общества. Всѣ живутъ для каждаго и каждый для всѣхъ [1]). Прогрессъ соціальныхъ наукъ съ каждымъ днемъ выясняетъ связи, соединяющія индивидовъ; какъ понять эту солидарность?

Четыре силы содѣйствуютъ ея образованію. Соціальная механика приводится въ движеніе четырьмя рычагами. Два изъ нихъ имѣютъ въ основаніи эгоизмъ: это вознагражденіе и принужденіе; два остальныхъ покоятся на моральныхъ мотивахъ: это долгъ и любовь.

Уже вознагражденіе вноситъ соціальный принципъ въ міръ эгоизма. Индивидъ не удовлетворяетъ уже самъ себя; онъ не можетъ произвести собственными руками всего, въ чемъ онъ нуждается; онъ принужденъ вступать въ сношенія съ окружающими людьми. Иногда онъ обмѣниваетъ безполезный для него предметъ на полезный; иногда онъ пріобрѣтаетъ общеполезный предметъ, соединяя свои усилия съ усиліями сосѣда. Такъ образуется торговля и ассоціація.

Посредствомъ торговли отдѣльные эгоизмы приходятъ въ равновѣсіе. Изъ ихъ противорѣчія рождается ихъ союзъ. Благодаря тому, что Петръ нуждается въ полѣ, а Павелъ въ лошади, происходитъ обмѣнъ.

Соотвѣтствіе интересовъ, проявляющееся въ обмѣнѣ можетъ быть дѣйствительнымъ или кажущимся, и часто краснорѣчіе одного изъ обмѣнивающихся заставляетъ видѣть другого соотвѣтствіе интересовъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности есть лишь ихъ антогонизмъ. Но идеальный обмѣнъ, при которомъ оба эгоизма остаются одинаково удовлетворенными, предполагаетъ равенство обмѣнивающихся стоимостей. Впрочемъ, самъ эгоизмъ стремится обыкновенно поднять торговлю на высоту ея идеала. Съ одной стороны, конкурренція эгоизмовъ прину-

[1]) Zweck I, 77—93.

ждаетъ торговца продавать товаръ по справедливой цѣнѣ; съ другой—расчетъ приводитъ его къ тому же, потому что, эксплуатируя своихъ кліентовъ, онъ ихъ теряетъ.

Такимъ образомъ, торговля по существу покоится на эгоизмѣ и это составляетъ ея достоинство. Основанная на добротѣ, торговля была бы невыносима. Она разрушила бы экономическую и нравственную свободу, и предоставила бы насъ на произволъ личныхъ чувствъ и предпочтеній. Наоборотъ, передъ эгоистическимъ торговцемъ всѣ люди равны. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что деньги есть великій апостолъ свободы [1]). Посредствомъ простой игры эгоистическихъ силъ торговля осуществляетъ извѣстную независимость личности, извѣстную справедливость.

Чтобы понять сферу дѣйствія этой справедливости нужно расширить понятіе торговли. Можно продавать не только вещи, но и трудъ. И, подобно тому, какъ несправедливо уплачивать торговцу лишь стоимость предмета, не уплачивая напр. общихъ расходовъ его производства, точно также было бы несправедливо платить только за проданный трудъ, не принимая во вниманіе времени обученія или времени необходимаго ожиданія. Понятіе эквивалентности, такимъ образомъ, шире, чѣмъ оно кажется сначала, и система вознагражденія, основанная на эгоизмѣ, объясняетъ намъ не только торговлю въ собственномъ смыслѣ, но также организацію труда.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ указанный законъ эквивалентности стоимостей трудно примѣнимъ. Когда дѣло идетъ объ умственномъ трудѣ, нельзя измѣрить ни усилія, котораго онъ стоилъ, ни его результатовъ; поэтому невозможно дать ему эквивалентное вознагражденіе. Въ подобныхъ случаяхъ къ матеріальному денежному вознагражденію прибавляется вознагражденіе идеальное въ видѣ почестей, уваженія. Даже въ наше время, когда интеллектуальный трудъ оплачивается наравнѣ съ остальнымъ, существуетъ чувство, что нельзя точно

---

[1]) Zweck I. 229.

измѣрить и, слѣдовательно, оплатить, напримѣръ, услуги инженера или адвоката; поэтому говорятъ, что они не зарабатываютъ, но получаютъ гонораръ. Но какъ ни далеко отстоятъ эти явленія отъ торговаго вознагражденія въ собственномъ смыслѣ,—мы находимъ въ нихъ то же соотвѣтствіе интересовъ, основанное на ихъ различіи; обмѣнъ извѣстнаго труда, матеріальнаго или идеальнаго, на извѣстное вознагражденіе, тоже матеріальное или идеальное; поэтому мы можемъ включить ихъ въ общую категорію торговли.

Совершенно иного рода—явленія ассоціаціи. Въ основаніи ассоціаціи лежатъ тождественные интересы. Эта общность цѣлей не предполагаетъ необходимо общности средствъ; иногда эти средства одинаковы, когда всѣ члены ассоціаціи совершаютъ одинъ и тотъ же трудъ; иногда они различны, какъ бываетъ въ случаѣ раздѣленія труда. Но какова бы ни была организація ассоціаціи, она существенно отличается отъ учрежденія торговли. Ассоціація не подымается надъ эгоизмомъ; но, тогда какъ въ торговлѣ каждое лицо преслѣдуетъ свой интересъ насчетъ интереса другого,—въ ассоціаціи оно видитъ свой интересъ въ интересѣ другого. Мой интересъ и интересъ моего товарища по ассоціаціи образуютъ одно цѣлое; то, что выгодно для одного, выгодно и для другого. Въ этомъ смыслѣ ассоціація устанавливаетъ нѣкотораго рода переходъ между эгоизмомъ и альтруизмомъ. Если она не заставляетъ еще человѣка жертвовать своимъ интересомъ для другого, все-таки членъ ассоціаціи уже не основываетъ свое благо насчетъ блага сосѣда; ассоціація соединяетъ понятіе «моего» и «твоего» въ общемъ интересѣ, содѣйствуя, такимъ образомъ, болѣе чѣмъ торговля, образованію соціальнаго строя.

Необходимо, однако, чтобы подобная гармонія непрерывно осуществлялась сама собой. Часто, однако, для сохраненія равновѣсія между субъективными цѣлями недостаточно собственнаго интереса; къ личному интересу нужно прибавить

страхъ передъ наказаніемъ; къ принципу вознагражденія нужно прибавить принципъ принужденія [1]).

Механизмъ принужденія, какъ механизмъ вознагражденія, объясняется принципомъ цѣли. Поскольку принужденіе не представляетъ чисто физической мѣры, оно осуществляетъ согласіе индивидуальныхъ интересовъ, замѣняя одну субъективную цѣль другой,—напримѣръ, желаніе взять деньги сосѣда—страхомъ передъ тюремнымъ наказаніемъ. Произвести повсюду подобную замѣну цѣлей,—такова задача права; право должно организовать принужденіе и, слѣдовательно, имѣть для этого силу. Безъ силы оно не въ состояніи оказывать давленіе на личныя цѣли; чтобы его уважали, оно должно быть въ состояніи осуществить свои требованія: право безъ силы—лишь призракъ. Поэтому возраженіе, дѣлаемое противъ теоретиковъ естественнаго права,—возраженіе, которое говоритъ: что собственно нѣтъ права помимо государства, которое его осуществляетъ,—вполнѣ правильно. Однако несправедливо было бы утверждать, вмѣстѣ съ Гегелемъ, что періодъ, предшествовавшій образованію государства, не имѣетъ никакого значенія для исторіи права. Наоборотъ, необходимо попытаться понять путемъ, какой теологической эволюціи изъ столкновенія эгоизмовъ родилось право, формулированное въ законахъ, гарантированное государствомъ и обязательное не только для индивидовъ, но и для самого государства.

Какъ представить себѣ этотъ генезисъ? Приписывать образованіе юридической системы могуществу идеи или правовому чувству—значило бы совершать методологическую ошибку. Ни идея, ни чувство права не представляютъ врожденныхъ силъ, но суть историческіе продукты, въ образованіи которыхъ участвовало само позитивное право; онѣ слѣдуютъ за нимъ, а не предшествуютъ ему. Мы должны предположить, что только одинъ принципъ предшествовалъ образованію юридическаго порядка: это—принципъ эгоизма или, вѣрнѣй, эгоизмовъ. Ка-

1) Zweck I, 269. Geist des römischen Rechts I, 118—176.

кимъ образомъ эгоизмъ даетъ жизненную силу юридическому порядку? Можно объяснить это двумя способами: право можетъ быть гарантировано или силой всѣхъ индивидовъ, образующихъ общество, или же только силою одного или нѣсколькихъ болѣе могущественныхъ. Оно можетъ найти гарантію, или въ силѣ большинства, или въ силѣ меньшинства.

Въ первомъ случаѣ общество, такъ сказать, регламентируетъ самое себя. Оскорбленный индивидъ находитъ союзниковъ, соединяющихъ съ нимъ свои силы для возстановленія попраннаго права. Юридическіе обычаи древняго Рима, роль свидѣтелей, народныхъ собраній, даютъ иллюстрацію къ этой теоріи [1]). Конечно, тотъ, кто нарушаетъ право, можетъ найти союзниковъ; теорія, слѣдовательно, не объясняетъ, почему сила должна остаться на сторонѣ права. Но интересъ большинства состоитъ въ охраненіи извѣстныхъ правилъ,—напр., контрактовъ, безъ которыхъ соціальная жизнь была бы невозможна; поэтому трудно предположить, что отдѣльный индивидъ, интересъ котораго заключается въ нарушеніи этихъ правилъ, можетъ склонить на свою сторону силу большинства. Чѣмъ многочисленнѣе общество, тѣмъ лучше гарантировано право; соединенный эгоизмъ добрыхъ гражданъ получаетъ легко господство надъ эгоизмомъ преступниковъ.

Можно, однако, предположить случай, когда меньшинство и даже отдѣльное лицо захватываетъ соціальную силу. Какъ бъяснить въ подобныхъ случаяхъ торжество права? Между ѣмъ, подобный случай часто встрѣчается въ исторіи, и объясненіе его не представляетъ трудности, какъ только мы станемъ на точку зрѣнія принципа цѣли. Хорошо понятый собственный интересъ заставляетъ тѣхъ, кто захватилъ соціальую силу, дѣлать уступки обществу: право является продукомъ политики силы [1]). Когда сила замѣчаетъ, что вмѣсто ого, чтобы убивать плѣнныхъ, она можетъ ихъ обращать въ абство; вмѣсто того, чтобы брать всѣхъ побѣжденныхъ въ

[1]) Zweck I, 249.

плѣнъ,—облагать ихъ данью, — она обуздываетъ сама себя. Замѣняя страсть разсчетомъ, она замѣняетъ безпрерывную борьбу извѣстнымъ *modus vivendi* — выгоднымъ для нея миромъ—и, такимъ образомъ, благодаря собственному эгоизму, открываетъ путь праву. Изъ сказаннаго выше становится понятнымъ, какимъ образомъ сила, регулируя все болѣе и болѣе сама себя, приходитъ, наконецъ, къ установленію законовъ, обуздывающихъ ея произволъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что юридическія нормы продолжаютъ носить чисто индивидуальный характеръ, какой онѣ носили при своемъ происхожденіи; т. е. что онѣ изданы по поводу частнаго случая и могутъ быть приложены только къ нему. Является необходимость постоянно передѣлывать законы, потому что каждый новый случай требуетъ новаго правила. Отсюда необходимость замѣны частныхъ нормъ абстрактными, т. е. такими, которыя могли бы быть примѣнены къ цѣлой группѣ случаевъ. Но подобные законы остаются все еще односторонними: они обязательны лишь для подданныхъ, а не для государства.

Они уже гарантируютъ извѣстное равенство, но это равенство находится въ зависимости отъ произвола правящихъ; они не даютъ соціальной жизни той обезпеченности, которая является продуктомъ полной справедливости. Что-бы осуществить цѣль права, государство должно устранить эту постоянную необезпеченность и дать праву самостоятельную жизнь, поставивъ его надъ собственными интересами гражданъ. Тогда законъ становится двустороннимъ. Онъ обязателенъ не только для подданныхъ, но и для государства, которое гарантируетъ законъ противъ самаго себя. Таково происхожденіе независимости судебной власти, неприкосновенности судей, суда присяжныхъ. Необходимо однако замѣтить, что эта гарантія имѣетъ границы. Бываютъ моменты, когда законы уступаютъ мѣсто силѣ, напр: когда опасность угрожаетъ соціальной жизни, сила

---

[1]) Zweck I, 346—435.

можетъ уничтожить право, которое она сама установила. Напрасно кабинетные мыслители взываютъ; *fiat justitia, pereat mundus*! Въ дѣйствительности, еслибы подобная дилема представилась, народы сказали бы: *Pereat justitia et vivat mundus*! [1])

Изъ сказаннаго выясняется цѣль, которую преслѣдуетъ эгоизмъ, устанавливая право, др. словами, цѣль права. Право не представляетъ само-по-себѣ цѣли, но лишь средство для достиженія цѣли, которая заключается въ жизни общества. Другими словами, право не представляетъ частной цѣли, которую преслѣдуютъ люди; это—всеобщая цѣль, условіе для достиженія всѣхъ остальныхъ цѣлей. Его задача — обезпечить условія соціальной жизни [1]). Эта задача права объясняетъ его метаморфозы. Еслибы кратеріумомъ права была истина, а не польза,—теорія, а не практика,—было бы трудно объяснить тѣ случаи въ исторіи права, когда одно юридическое предписаніе замѣщается въ теченіи вѣковъ новымъ, прямо противуположнымъ первому. Не нужно забывать, что въ исторіи права большую роль играетъ воля, а не разумъ, и что воля людей опредѣляется ихъ интересомъ. Мѣриломъ права является, слѣдовательно, соціальный интересъ. Отсюда становятся понятными сходства и различія между системами права различныхъ народовъ. Понятно также, почему юридическія формулы мѣняются вмѣстѣ съ обстоятельствами. Напр., между главными условіями существованія общества есть такія, которыя могутъ быть легко выполнены предоставленнымъ самому себѣ эгоизмомъ, и которыя, слѣдовательно, не нуждаются въ юридической нормировкѣ; къ числу подобныхъ условій относится самосохраненіе индивидовъ, ихъ воспроизведеніе, трудъ и торговля. Однако, бываютъ моменты, напр., въ случаѣ переселенія, когда требуется вмѣшательство закона даже въ эти естественныя отправленія человѣческой жизни. Подъ давленіемъ

---

[1]) Zweck I, 425.

[2]) Zweck I, 435—466.

обстоятельствъ право иногда расширяетъ свои рамки и включаетъ предписанія, противуположныя предшествующимъ. До войны за освобожденіе негровъ въ Америкѣ, право запрещало давать образованіе чернокожимъ; послѣ войны оно должно было ввести обязательность ихъ образованія. Однимъ словомъ, сама относительность права служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что его критеріумомъ служитъ не истина, но соціальная польза.

Впрочемъ, изъ того, что право имѣетъ цѣлью соціальный интересъ, не слѣдуетъ, что существуетъ абстрактная сущность, интересы которой отличаются отъ интересовъ индивидовъ. Право преслѣдуетъ интересы всѣхъ индивидовъ, поскольку они общи между собой [1]). Это сходство интересовъ часто скрыто, вслѣдствіе недостаточности пониманія; оно также нерѣдко нарушается злой волей, которая хочетъ воспользоваться выгодой, вытекающей изъ общаго сохраненія права, необязательнаго лишь для нея. Этимъ объясняется, что право, являясь результатомъ игры эгоистическихъ силъ, налагаетъ принужденіе на эти самыя силы. Наказаніе, такимъ образомъ, не совпадаетъ съ вознагражденіемъ, и столь же необходимо въ соціальномъ мірѣ, какъ и послѣднее.

Оно столь же необходимо, но столь же недостаточно [2]). Соіцальная жизнь требуетъ отъ индивидовъ, кромѣ дѣйствій, которыя можно вызвать наградой или наказаніемъ, еще рядъ другихъ. Прежде всего, чтобы вознагражденіе дало соціальные результаты, необходимо, чтобы, съ одной стороны, индивиды его желали получить, съ другой—чтобы могли его предложить: Но это не всегда бываетъ, потому что богатые имѣютъ слишкомъ много для того, чтобы желать, бѣдные—слишкомъ мало для того, чтобы предлагать. Далѣе, производительность труда не достигаетъ своего maximum'а, если трудъ совершается лишь ввиду награды.

---

[1]) Zweck I, 512--570.
[2]) Zweck II, 1—9.

Съ другой стороны, человѣкъ, поступающій справедливо лишь изъ боязни наказанія, не будетъ всегда справедливъ. Когда онъ будетъ имѣть возможность обмануть законъ, онъ нарушитъ правила справедливости. Всѣ преступленія, которыя законъ не можетъ предусмотрѣть, стали бы не только возможнымъ, но и необходимымъ явленіемъ, если бы человѣкъ въ своихъ поступкахъ повиновался одному эгоизму. Заполнить недостатки эгоизма—такова задача нравственныхъ силъ. Какъ показываетъ вульгарный смыслъ слова, нравственныя силы являются отрицаніемъ эгоизма. Чтобы понять сущность этихъ силъ, надо отвѣтить на три вопроса: откуда онѣ являются? какова ихъ цѣль? почему мы имъ слѣдуемъ? Другими словами, каково ихъ происхожденіе, какова ихъ объективная цѣль, результатъ, къ которому онѣ стремятся; какова ихъ субъективная цѣль, т. е. мотивы, благодаря которымъ мы имъ повинуемся [1]).

Отвѣтъ на эти три вопроса мы должны искать въ обществѣ. Оно является прежде всего источникомъ нравственныхъ понятій. Въ противоположность нативистическимъ понятіямъ нравственныя понятія не падаютъ къ намъ съ неба, но образуются мало по малу въ процессѣ исторіи общества. Даже самыя простыя правила нравственности, какъ: не убей, не укради, не обманывай—образовались постепенно изъ опыта, который показалъ людямъ, что безъ соблюденія этихъ правилъ существованіе общества невозможно. Такимъ образомъ, вся система нравственности есть продуктъ исторіи, или, точнѣе, продуктъ принципа цѣли [2]).

Отсюда слѣдуетъ, что вопросъ о происхожденіи нравственности соединяется съ вопросомъ о ея цѣли. Если общество породило нравственныя правила, то лишь потому, что они ему полезны. Общество является объективной цѣлью нравственности или, что тоже, телеологическимъ субъектомъ. Субъектомъ

---

[1]) Zweck II, 98.

[2]) Zweck. II, 110—120.

этическихъ цѣлей не можетъ быть индивидъ, потому что по самому опредѣленію нравственныя цѣли являются отрицаніемъ индивидуальныхъ. Впрочемъ, если бы цѣль нравственности была въ индивидѣ, то стало бы непонятнымъ, почему нарушенія нравственности чаще всего вредятъ обществу, а не индивиду, почему нравственность является не индивидуальной, но соціальной необходимостью. Остается признать, что ея субъектомъ является общество. Это утвержденіе можно доказать какъ индуктивнымъ, такъ и дедуктивнымъ путемъ [1]). Сначала дедуктивное доказательство: общество есть цѣлое; цѣлое есть ничто иное, чѣмъ сумма частей. Это—система, организованная для достиженія извѣстной цѣли. Но подобная организація предполагаетъ подчиненіе частей цѣлому. Нѣтъ общества безъ соціальной организаціи, безъ подчиненія индивида соціальнымъ цѣлямъ, безъ нравственности. Такимъ образомъ, общество противупостовляетъ свои цѣли и свой эгоизмъ цѣлямъ и эгоизму индивидовъ. Историческое наблюденіе подтверждаетъ эти выводы. Оно показываетъ, что всѣ нравственныя дѣйствія полезны, или считаются полезными для общества и обратно,— всѣ соціально полезныя дѣйствія, если только они не являются чисто естественными феноменами, опредѣляются нравственными мотивами. Поэтому насъ не должны удивлять различія нравственнаго идеала у различныхъ народовъ и даже классовъ; наоборотъ, было бы удивительно видѣть обратное.

Соціальныя цѣли опредѣляютъ не только нравственныя правила въ собственномъ смыслѣ этого слова, но также нравы и обычаи. Чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ господство принципа цѣли въ этой области, Іерингъ старается доказать, что образованіе самыхъ простыхъ обычаевъ опредѣляется до мельчайшихъ подробностей соціальной пользой. Даже мода подчиняется этому закону. Во всѣхъ свѣтскихъ обычаяхъ, похоронныхъ правилахъ, приличіяхъ, правилахъ вѣжливости, Іерингъ

---

[1]) Zweck. 134—240.

находитъ полезныя предписанія, цѣлую систему полиціи нравовъ [1]).

Увлеченный этой новой и интересной областью изслѣдованія, Ірингъ не имѣлъ времени дать полный отвѣтъ на послѣдній вопросъ: какова субъективная цѣль нравственныхъ правилъ? Но по нѣсколькимъ замѣчаніямъ можно возстановить его отвѣтъ. Онъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ системы нравственности, которыя для достиженія соціальныхъ цѣлей предлагаютъ людямъ индивидуальныя удовольствія, подобно матерямъ, обѣщающимъ дѣтямъ кусокъ сахару, чтобы заставить ихъ принять горькое лекарство. Истинная мораль, говоритъ онъ, должна поднять индивидуальныя цѣли на высоту объективныхъ; нравственный человѣкъ не долженъ искать другихъ мотивовъ дѣйствія, кромѣ желанія выполнить свой соціальный долгъ; онъ долженъ дѣйствовать не для себя, но для общества. Конечно, эта нравственная сила исторически происходитъ изъ эгоизма, и Ірингъ обѣщается показать, путемъ какихъ превращеній эгоизмъ въ теченіе историческаго развитія превращается въ альтруизмъ. Тѣмъ не менѣе въ современномъ обществѣ обѣ силы коренным образомъ различаются. Изъ ихъ противорѣчія рождается въ душѣ чувство долга. Ірингъ предвидитъ время, когда господствующую роль будетъ играть еще болѣе высокое чувство—любовь, которую можно назвать поэзіей нравственности, подобно тому, какъ долгъ представляетъ ея прозу; тогда различіе между твоимъ и моимъ прекратится, и эгоизмъ сольется съ альтруизмомъ. Такимъ образомъ, онъ предвидитъ въ концѣ телеологической эволюціи примиреніе противуположныхъ силъ въ общемъ синтезѣ. Послѣднія книги Іеринга показываютъ, что онъ намѣревался распространить принципъ цѣли на объясненіе происхожденія не только юридическихъ и нравственныхъ идей, но также религіи и науки.

Его методъ можно наблюдать въ произведеніи, относящемся къ первобытной исторіи индо-европейцевъ. Онъ недоволенъ

[1]) Zweck. II, 243—723.

тѣмъ, что обыкновенно принимаютъ слѣдствія за причины и объясняютъ идеями образованіе учрежденій, которыя въ дѣйствительности родились изъ практическихъ потребностей [1]).

Онъ упрекаетъ Фюстель де-Куланжи въ томъ, что послѣдній хочетъ объяснить античное государство исторіей вѣрованій [2]); Ренана—въ томъ, что онъ пытается объяснить исторію еврейскаго народа развитіемъ идеи монотеизма. Вѣрованія не представляютъ первичныхъ факторовъ, но нуждаются сами въ объясненіи; стремленія, объясняющія всѣ соціальныя явленія. должны объяснить и ихъ. На первый взглядъ религіозныя вѣрованія кажутся совершенно иного происхожденія, чѣмъ эгоистическія стремленія, но въ дѣйствительности они являются естественнымъ продуктомъ послѣдняго. Аріецъ, предлагающій жертвы тѣнямъ своихъ предковъ, дѣйствуетъ изъ страха—онъ утилитаристъ. Религіозные акты, кажется, отличаются отъ полезныхъ дѣйствій. Но не говоря о томъ, что, съ точки зрѣнія утилитариста, они могли бы быть объяснены ихъ воображаемой полезностью, почти всегда можно прослѣдить ихъ происхожденіе изъ дѣйствій истинно полезныхъ [3]). Такимъ способомъ можно объяснить происхожденіе самыхъ странныхъ обрядовъ римскихъ авгуровъ. Они представляютъ воспоминаніе о томъ времени, когда предки римлянъ переселялись съ востока на западъ. Во время этого странствованія путеводители должны были изслѣдовать небо со стороны запада, наблюдать за полетомъ птицъ, изслѣдовать внутренности быковъ. Практическая необходимость порождаетъ, такимъ образомъ, какъ религіозныя идеи, такъ и религіозныя формы.

Та же необходимость играла существенную роль въ исторіи наукъ. Если вавилоняне много способствовали прогрессу математики и астрономіи, то это объясняется не столько теоретическими спекуляціями, сколько практическими требованіями

1) Vorgeschichte 51.
2) Vorgeschichte 63—73.
3) Vorgeschichte 413.

архитектуры и мореплаванія [1]). Научныя идеи рождаются подъ давленіемъ потребностей. Цѣль порождаетъ науки, какъ она порождаетъ религію.

Вообще изобрѣтенія появляются въ такіе моменты и такихъ странахъ, гдѣ наиболѣе чувствуется въ нихъ потребность и гдѣ существуютъ естественныя благопріятныя условія [2]). Такимъ образомъ, съ помощью принципа цѣли, по мнѣнію Іеринга, могутъ быть объяснены всѣ соціальныя явленія.

II.

Каково научное значеніе изложенной выше соціальной философіи? И прежде всего, каково ея историческое положеніе? Какія тенденціи она выражаетъ? Каковы идейныя направленія, предшествовавшія ей въ Германіи?

Когда Іерингъ началъ свои юридическія изслѣдованія, историческая школа заняла въ Германіи уже господствующее мѣсто и внесла въ науку свой методъ. Іерингъ обязанъ этому направленію болѣе, чѣмъ какому либо иному; его собственная доктрина и методъ опредѣляются его отношеніемъ къ исторической школѣ.

Первоначально онъ находился подъ вліяніемъ Савиньи и Гуго и вмѣстѣ съ послѣдними возставалъ противъ школы Руссо—съ одной стороны и школы Гегеля—съ другой, т. е. противъ доктрины *естественнаго* и доктрины *государственнаго* права. Основной недостатокъ естественнаго права онъ видѣлъ въ индивидуализмѣ. Оно забываетъ, что, какъ въ наше время, такъ и въ предшествующія эпохи, мѣрой всякаго права, даже индивидуальнаго, служитъ соціальный интересъ [3]).

---

[1]) Vorgeschichte 141—179—223. Въ новомъ изданіи книги Maspero «l'histoire ancienne des peuples de l'Orient classique» встрѣчаются подобныя же объясненія. Такъ, онъ объясняетъ развитіе геометріи у египтянъ разливами Нила и необходимостью ежегоднаго возобновлені границъ полей.

[2]) Vorgechichte 106, 186.

[3]) Zweck I, 237, 523, 532.

Въ противуположность этому крайнему индивидуализму государственное направленіе указывало на необходимость публичной силы для существованія права. Но само происхожденіе этой силы должно быть изслѣдовано [1]). Когда Гегель утверждаетъ, что соціальныя явленія, предшествовавшія образованію государства безразличны для объясненія права, онъ лишь доказываетъ недостаточность своей діалектики [2]). Собственно говоря, философія права, какія бы формы она не принимала, ставитъ постоянно на мѣсто фактовъ апріорныя идеи, осуществленіе которыхъ она видитъ то въ индивидуальности, то въ государствѣ. Необходимо оставить эти произвольныя построенія и обратиться къ наблюденію историческихъ фактовъ.

Но Іерингъ, признавая необходимость историзма, хорошо видитъ его опасности [3]). Онъ хочетъ, чтобы право получило основаніе въ исторіи, но онъ не желаетъ, чтобы оно было поглощено ею. Онъ видитъ, что историзмъ поддерживаетъ, рядомъ съ эрудиціей, извѣстную душевную лѣнь. не только практическую, но и теоретическую, которая выражается въ стремленіи избѣжать умственнаго усилія, необходимаго для сведенія разнообразія фактовъ къ теоретическому единству.

На мѣсто объясненій предлагаютъ простое описаніе; боясь абстрактныхъ идей, теряются въ хаосѣ фактовъ. Іерингъ протестуетъ противъ этихъ крайностей историзма. Онъ жалуется на то, что наука о правѣ смѣшивается съ простымъ знаніемъ юридическихъ нормъ и историческихъ фактовъ. Онъ смѣется надъ учеными, которые въ своемъ позитивизмѣ, превращающемся у нихъ въ новую схоластику, отрицаютъ все, чего они не могутъ ощупать руками и увидѣть собственными глазами [4]).

Эти ученые не замѣчаютъ существованія не только идеальнаго права, но также большей части положительнаго права, потому что только незначительная часть послѣдняго могла быть

---

[1]) Geist des romischen Rechts I, 225.

[2]) Zweck I, 258.

[3]) Geist, I, 58—80.

[4]) Geist, I, 47.

выражена въ формулахъ: чтобы формулировать извѣстное правило требуется большая сила наблюденія и выраженія, что пріобрѣтается обыкновенно поздно. Такимъ образомъ, формулы позитивнаго права должны служить лишь вѣхами, обозначающими путь, но не границами области изслѣдованія юриста. Послѣдній долженъ искать подъ формулами права стремленія людей, подъ буквой закона—его духъ. Такъ называемый хронологическій методъ улавливаетъ лишь внѣшнее отношеніе юридическихъ явленій; необходимо же открыть ихъ философскую связь [1]). Однимъ словомъ, чтобы понять право, надо знать его причины, и когда эти причины не выражены въ кодексахъ, но скрыты на днѣ человѣческой души, необходимо обратиться къ душевной жизни; такъ какъ дѣйствительныя причины недоступны непосредственному наблюденію, но лишь теоретическому размышленію, необходимо пользоваться теоріями. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что всякая наука о правѣ субъективна. Но, говоритъ Іерингъ, требовать повсюду въ историческомъ изслѣдованіи абсолютной объективности — не значитъ ли игнорировать природу человѣческаго знанія? [2]). Тотъ, кто хочетъ удержать въ области соціальныхъ наукъ полную объективность, можетъ дать хорошее описаніе, но не объясненіе. Но, чтобы придать порядокъ хаосу юридическихъ явленій, требуется принципъ объясненія. Только такимъ путемъ можетъ образоваться наука о правѣ. Іерингъ разумѣетъ подъ наукой о правѣ, которая обыкновенно соединяетъ въ себѣ какъ теоретическое, такъ и практическое искусство, — то, что часто называютъ философіей права. Если всякая наука должна стремиться къ объясненію явленій, то наука о правѣ невозможна безъ изслѣдованія причинъ, т. е. безъ изслѣдованія цѣли юридическихъ явленій, безъ соціальной философіи.

Какой принципъ объясненія давала Іерингу историческая

---

[1]) Entwickelungsgeschite 6. Geist. I, 43.

[2]) Entwickelungsgeschichte 1.

школа? Часто думаютъ объяснить юридическія явленія, сравнивая право съ организмомъ. Савиньи, оспаривая право законодателя — измѣнять основные законы, борясь противъ раціонализма XVIII вѣка, который приписывалъ индивидуальному разуму образованіе права, доказывая, наконецъ, что право не представляетъ искусственнаго произведенія, но есть естественный продуктъ развивающійся, какъ цвѣтокъ, изъ глубины народнаго духа,—открылъ путь натуралистической школѣ. Іерингъ самъ находился подъ вліяніемъ этого ученія. Подобно Сталю и Посту онъ сравниваетъ право съ организмомъ, а себя—то съ анатомомъ, то съ физіологомъ [1]). Но онъ скоро призналъ, что эти аналогіи, полезныя при описаніи юридическихъ явленій, не могутъ подвинуть ни на шагъ ихъ объясненія. Ихъ польза часто отрицательная. Натуралистическія метафоры очень хорошо показываютъ недостатки индивидуализма; необходимо, однако, понять, что они лишь ставятъ задачу, но не рѣшаютъ ее. Недостаточно показать, что законы не сфабрикованы человѣкомъ по заранѣе присочиненному плану, надо показать дѣйствительныя силы, лежащія въ ихъ основаніи. Помогаетъ ли понятіе организма отыскать эти силы? Не является ли это понятіе неяснымъ даже для натуралиста, который старается разложить его на составныя части? Если натуралистическая школа права, говоритъ Іерингъ, хочетъ опереться на естествознаніе, но прежде всего должна разложить понятіе организма на его составныя части. Такимъ образомъ, Іерингъ не останавливается на идеѣ организма; онъ удерживаетъ изъ нея лишь то, что нужно для объясненія права— принципъ цѣли. При свѣтѣ этого принципа юридическія явленія теряютъ необъяснимый, мистическій характеръ и становятся продуктомъ человѣческаго искусства [2]). Лѣнивая философія натурализма предполагала, что право образуется, такъ сказать, само-собой; въ дѣйствительности его причины находятся частью

---

[1]) Geist, I, 48—58.

[2]) Geist IV 3—300.

въ индивидѣ, частью въ государствѣ. Іерингъ, такимъ образомъ, даетъ въ своей системѣ мѣсто обѣимъ предшествующимъ теоріямъ, отрицающимъ натурализмъ. На самомъ дѣлѣ, исторія права показываетъ, что явленія, которыя приписывались самопроизвольному развитію народнаго духа, являются произведеніемъ государства. Только государство могло дать извѣстнымъ идеямъ силу закона; конечно, не ради этихъ идей, но ввиду своего собственнаго интереса. Далѣе, если глубже анализировать причины и искать принципа силы государства, то необходимо обратиться къ индивиду [1]). Принципъ цѣли не реализуется самъ собой, какъ гегелевская идея; желаніе существуетъ лишь въ индивидуальномъ сознаніи. Всѣ тенденціи, лежащія въ основаніи правъ, полагаетъ Іерингъ, имѣютъ индивида исходнымъ и конечнымъ пунктомъ. Исторія римскаго права показываетъ, что первоначальная творческая сила права заключается въ «субъективномъ принципѣ»; не въ сознательномъ стремленіи къ справедливости, конечно, а въ инстинктивномъ желаніи жизни, въ эгоизмѣ. Изъ столкновенія и союза эгоизмовъ вытекаютъ законы, которые являются тогда въ формѣ договора [2]); изъ желанія обезпечить договоры рождается государство. Такимъ образомъ, Іерингъ, руководимый принципомъ цѣли, приходитъ къ тѣмъ же выводамъ, какъ и Вагнеръ, Теніесъ, Дитцель, Менгеръ, т. е., къ признанію извѣстнаго достоинства за индивидуалистическимъ объясненіемъ [3]).

Въ этомъ не заключается единственное достоинство, признаваемое Іерингомъ за теоріей естественнаго права. Онъ предпочитаетъ космополитизмъ послѣдняго національзму исторической школы. Отношеніе Іеринга къ юристамъ напоминаетъ отношеніе Вагнера къ экономистамъ. Іерингъ упрекаетъ Савиньи, разсматривающаго право какъ эманацію народнаго духа,

[1]) Zweck I, 258.
[2]) Geist I, 211, 216.
[3]) Geist I, 224.

въ томъ, что его теорія плохо соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ.

Вторженіе римскаго права въ Германію историческій фактъ. Новое право не выросло изъ глубины германскаго духа, но привито ему снаружи. Народы принимаютъ систему права не потому, что она національна, а потому что она практична [1]). Полезность иногда заставляетъ націи заимствовать чужую систему права, вмѣсто того, чтобы создавать ее. Национализмъ не замѣчаетъ стремленія права къ универсальности, стремленія, опредѣляемаго соціальнымъ интересомъ. Въ этомъ смыслѣ космополитизмъ естественнаго права въ моментъ своего появленія соотвѣтствовалъ дѣйствительной тенденціи права [2]). Историческая школа имѣетъ ложное представленіе о жизни націй, если она полагаетъ, что націи берутъ всѣ элементы своей жизни, не выходя изъ своихъ собственныхъ границъ. Полагать, что всѣ соціальныя явленія развиваются непосредственно и, такъ сказать, прямолинейно изъ своего зародыша, значило бы слишкомъ упрощать понятіе эволюціи. Наоборотъ, исторія часто показываетъ, что извѣстныя измѣненія, которыя приписывались внутреннимъ причинамъ, въ дѣйствительности совершались подъ давленіемъ внѣшнихъ вліяній. Подобно индивидамъ, націи нуждаются во внѣшней пищѣ [3]). Право не продуктъ природы, который *невозможно пересадить на иную* почву, но произведеніе искусства, дозволяющее подражаніе и заимствованіе. Возможность подобнаго заимствованія указываетъ на то, что различныя системы права имѣютъ общія черты, несмотря на свои различія; это общее—ихъ соціальная роль. Историзмъ, поглощенный различіями, потерялъ изъ виду общность права. Іерингъ хочетъ показать это единство юридическихъ системъ, исходя изъ принципа цѣли.

Впрочемъ, Іерингъ не отрицаетъ вліянія національности

---

[1]) Geist I, 8, 315; III, 8.

[2]) Geist I, 11.

[3]) Geist I, 8.

на соціальныя и, въ частности, на юридическія явленія. Онъ самъ далъ въ своемъ «Духѣ римскаго права» наиболѣе знаменитый примѣръ прикладной психологіи народовъ, выводя юридическую систему римлянъ изъ ихъ общаго національнаго характера. Въ эту эпоху, какъ кажется, онъ считалъ національный характеръ послѣднимъ принципомъ объясненія, который самъ уже не можетъ быть объясненъ. Національныя качества индивидовъ ему кажутся послѣднимъ фактомъ, дальше котораго объясненіе не можетъ идти [1]). Его позднѣйшія произведенія показываютъ, что онъ оставилъ свою первоначальную точку зрѣнія и, опираясь на принципъ цѣли, старался дать объясненіе національному духу народовъ. Знаменитый Volksgeist [2]) перестаетъ быть для него какой-то естественной силой, предшествовавшей исторіи: національный духъ народовъ рождается изъ ихъ жизни. Онъ не рождается сразу, но развивается постепенно, измѣняясь подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Чтобы понять отношеніе между исторіей народа и его характеромъ, нужно обернуть схоластическую форму и сказать: *Esse sequitur operari.* Предполагать, что народу врождены извѣстныя качества—значило бы произвольно ограничивать научный анализъ. Существуетъ только одно врожденное стремленіе у всякаго живого существа—это стремленіе къ самосохраненію. Помѣстите это существо, одаренное названнымъ стремленіемъ, въ различныя условія, напр., въ безплодную, гористую мѣстность, или въ плодородную равнину, и вы увидите, какъ постепенно, подъ давленіемъ обстоятельствъ, образуются отличительныя черты національнаго характера. Если бы первобытныхъ семитовъ можно было переселить въ равнины Азіи, а первобытныхъ арійцевъ—въ долины Ефрата то изъ первыхъ съ теченіемъ вѣковъ образовался бы неизбѣжно предпріимчивый, земледѣльческій, а изъ вторыхъ—мало цивилизованный, безпечный, пастушескій народъ [3]). Германцы не

---

[1]) Geist III, 200.
[2]) Volgeschichte 95, 270, 291.
[3]) Vorgeschichte 98, 109.

носили въ себѣ, какъ особый даръ боговъ, любовь къ переселеніямъ: но плохо удовлетворенный голодъ заставлялъ ихъ постоянно искать новыхъ мѣстъ для поселенія [1]). Такимъ образомъ, различные національные характеры европейскихъ народовъ могутъ быть не только описаны, но и объяснены. Телеологія идетъ далѣе, чѣмъ національная психологія.

Іерингъ упрекаетъ историческую школу въ томъ, что она въ своихъ объясненіяхъ принимаетъ за первичныя причины явленія, которыя сами представляютъ слѣдствіе, результатъ. Такъ, онъ порицаетъ представителей исторической школы не только за то, что они пытаются вывести извѣстныя юридическія системы изъ національнаго характера, но также за то, что они объясняютъ образованіе права, вообще, существованіемъ особаго правового чувства. На самомъ дѣлѣ правовое чувство не представляетъ первоначальнаго явленія, но производное: не это чувство создаетъ право, но обратно: право создаетъ правовое чувство [2]). Безъ сомнѣнія, въ настоящее время соціальная среда настолько проникнута идеей права, что мы вдыхаемъ, можно сказать, съ колыбели вмѣстѣ съ воздухомъ правовое чувство. Естественно, поэтому, что мы склонны разсматривать это чувство, какъ врожденное. Но не доказала ли медицина, что многія болѣзни, происхожденіе которыхъ прежде искали внутри организма, объясняются внѣшними причинами? Юридическая наука должна въ своей области разсѣять нативистическія иллюзіи и показать, какъ понятія права, помимо нашего сознанія, проникаютъ въ насъ изъ соціальной среды. Несомнѣнно, что въ настоящее время правовое чувство создаетъ законы, — правовое чувство не народа, но отдѣльныхъ личностей, задающихъ тонъ толпѣ [3]). Но было бы ошибочно предполагать, что отношеніе, связывающее въ современномъ обществѣ право съ правовымъ чувствомъ, существовало во всѣ

---

[1]) Vorgeschichte 463.

[2]) Zweck II, Vorrede X стр.

[3]) Entwickelungsgeschichte 24.

времена; переносить современныя отношенія въ прошлое и будущее значило бы слишкомъ упрощать философію [1]). Идеи справедливости или собственности также мало врождены человѣку, какъ идея паровой машины. Природа дала человѣку только эгоизмъ; изъ этого первоначальнаго чувства въ долгомъ процессѣ исторіи постепенно развились всѣ остальныя чувства, включая и чувство права [2]). Романтическая доктрина чувства должна быть замѣнена, полагаетъ Іерингъ, прозой цѣлесообразности; право выросло не изъ мистическаго, юридическаго чувства, а изъ борьбы эгоизмовъ. Законы диктуются необходимостью.

Можно сказать, что право существовало объективно въ учрежденіяхъ раньше, чѣмъ оно появилось субъективно въ сознаніи, т. е. раньше, чѣмъ оно сознавалось людьми, какъ особая сила, отличающаяся отъ физической силы и даже противорѣчащая ей. Этимъ объясняется фактъ, что правовое чувство долгое время лишь отражаетъ характеръ учрежденій: только послѣ долгаго воспитанія въ извѣстной правовой атмосферѣ юридическое чувство начинаетъ вліять на объективное право. Такимъ образомъ, взаимное отношеніе этихъ двухъ факторовъ измѣняется въ процессѣ исторіи; сначала право предшествуетъ правовому чувству, потомъ сопровождаетъ его и, наконецъ, слѣдуетъ за нимъ, подобно тому, какъ тѣнь, по мѣрѣ восхожденія солнца, предшествуетъ, сопровождаетъ и слѣдуетъ за путешественникомъ.

Мы находимся теперь при закатѣ исторіи и не должны думать, что на зарѣ ея тѣнь, какъ теперь, слѣдовала за нами [3]).

То же разсужденіе приводитъ Іеринга къ исключенію изъ соціальной науки не только сентиментализма, но также всякаго рода идеализма [4]). Онъ не имѣлъ случая изложить свое отно-

[1]) Zweck I, 257, 356.

[2]) Vorgeschichte 50—60.

[3]) Entwickelungsgeschichte 27.

[4]) Противъ утилитаризма Іеринга см. Kohler, Idealim Recht, Arch. bürg. Recht 1891.

шеніе къ философіи исторіи, объясняющей соціальныя измѣненія развитіемъ вѣрованій и знаній; но то, что онъ говоритъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ о роли цѣли въ исторіи религіи и науки, выясняетъ въ достаточной степени его взгляды на этотъ предметъ. Онъ далекъ отъ того, чтобы отрицать значеніе идей, но онъ не считаетъ ихъ первоначальнымъ факторомъ. Объясняя историческія событія и образованіе юридическихъ учрежденій съ помощью идей, мы часто переворачиваемъ дѣйствительный порядокъ вещей, ставимъ слѣдствія на мѣсто причинъ и забываемъ, что нерѣдко первое въ нашемъ сознаніи занимаетъ послѣднее мѣсто въ исторіи. Подобный методъ объясненія, которому Іерингъ даетъ названіе психологическаго, онъ хочетъ замѣнить реалистическимъ [1]). Реалистическій методъ изслѣдованія показываетъ, что конкретное всегда предшествовало абстрактному практика—теоріи, цѣль—идеѣ [2]). Подобныя же возраженія Іерингъ дѣлаетъ теоріи формальнаго идеализма или раціонализма, которая утверждаетъ, что юридическія явленія стремятся, если не къ опредѣленному идеалу, то къ раціональной организаціи, удовлетворяющей логическимъ требованіямъ разума. Іерингъ, конечно, признаетъ научныя услуги, оказанныя этой теоріей. Она вѣрно описываетъ форму, къ которой стремятся юридическія явленія. Формулы права дѣйствительно постепенно соединяются, организуются, образуютъ логическую систему, и никто лучше Іеринга не изобразилъ до послѣднихъ деталей процесса, благодаря которому юридическія нормы получаютъ единство, сводятся къ своему принципу и становятся исходнымъ пунктомъ для дедуктивнаго построенія новаго права. Но онъ не считаетъ, что эта логическая организація представляетъ цѣль, къ которой стремится право. Организація выростаетъ изъ практическихъ потребностей; практическія потребности опредѣляютъ ея границы. Ошибочно опредѣлять юридическую систему, какъ требованіе разума: даже ея раціональная форма вызвана лишь соціальными

---

[1]) Zweck II 109—125.

[2]) Vorgeschichte 163—221.

потребностями. Пусть измѣнятся эти потребности,—и юридическая система должна будетъ приспособиться къ нимъ. Діалектику понятій нужно замѣнить діалектикой цѣлей. Мнимая логическая необходимость представляетъ лишь отраженіе практической необходимости. Принципы приспособляются къ жизни, а не жизнь къ принципамъ [1]). Однимъ словомъ, разумъ также мало можетъ объяснить происхожденіе и развитіе соціальныхъ явленій, какъ и чувство; чтобы объяснить присутствіе логики въ исторіи, необходимо обратиться къ телеологіи.

Изъ всего сказаннаго выше, мы можемъ догадываться, какую роль отводитъ Іерингъ въ философіи исторіи матеріалистическимъ тенденціямъ. Онъ не видитъ въ идеяхъ первоначальныхъ причинъ соціальныхъ явленій; но значитъ ли это, что онъ подчиняетъ идеи внѣшней, механической необходимости, что онъ исключаетъ изъ своихъ объясненій всякое психологическое толкованіе и хочетъ построить, въ нѣкоторомъ родѣ, соціологію безъ человѣка или, по крайней мѣрѣ, безъ сознанія? Мы видѣли уже, что Іерингъ отводитъ большую роль въ объясненіи соціальныхъ явленій внѣшнимъ условіямъ; изъ различія географическихъ условій онъ объясняетъ различіе національныхъ характеровъ семитовъ и арійцевъ. Но онъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ причины исторіи. Уже опредѣленіе, которое онъ даетъ человѣческой дѣятельности, находится въ противорѣчіи съ подобнымъ пониманіемъ исторіи. Внѣшнія условія могутъ быть случайной причиной внутренняго міра; въ соціальныхъ явленіяхъ, гдѣ дѣло идетъ о дѣятельности людей, активная причина всегда заключается въ цѣли [2]). Природа даетъ лишь различныя средства для удовлетворенія однихъ и тѣхъ же желаній. Изъ взаимодѣйствія между цѣлью и средствами, и между средствами и цѣлью объясняется какъ разнообразіе, такъ и единство соціальной жизни.

---

[1]) Geist IV 310, 599; I 49; Zweck I 420—430.

[2]) Zweck I, 24.

Такимъ образомъ, принципъ цѣли придаетъ всей соціальной философіи Іеринга ея оригинальный характеръ. Она не совпадаетъ ни съ однимъ изъ существующихъ направленій соціальной философіи, заимствуя у каждой изъ нихъ отдѣльные элементы. Іерингъ признаетъ извѣстную долю пользы за каждымъ изъ существующихъ принциповъ историческаго объясненія: но каждый изъ нихъ представляетъ лишь одинъ моментъ въ развитіи истины. Подчиняя ихъ высшему принципу, онъ не разрушаетъ ихъ, но лишь даетъ объясненіе силамъ, которыя до сихъ поръ считались предѣломъ всякаго объясненія. Онъ даетъ въ своей системѣ, построенной на принципѣ цѣли, мѣсто каждому изъ отдѣльныхъ направленій: націонализму, идеализму, натурализму, матерьялизму, указывая тѣмъ самымъ долю истины, скрывающуюся въ каждомъ изъ нихъ. Эта синтетическая широта системы Іеринга объясняетъ, почему такъ трудно указать ея мѣсто посреди различныхъ направленій, почему различные авторы ссылаются на него для подтвержденія своихъ, нерѣдко противуположныхъ, взглядовъ, и почему онъ самъ колеблется при опредѣленіи собственнаго метода. Доказывая, что различныя соціальныя системы скрываютъ въ себѣ долю истины и долю заблужденія, онъ противупоставляетъ свои взгляды то одной изъ нихъ, то другой. Идеализму онъ противупоставляетъ свой реализмъ, матерьялизму—психологическій методъ. Не обманываясь подобными колебаніями, мы должны причислить его къ психологической школѣ. Правда, Іерингъ не согласенъ съ мнѣніемъ, по которому въ основаніи соціальныхъ явленій лежатъ сложные внутренніе процессы, какъ напр., правовое чувство; онъ указываетъ на то, что подобное сложное психическое явленіе могло развиться лишь при извѣстныхъ внѣшнихъ условіяхъ, именно: при существованіи формулъ позитивнаго права; но, тѣмъ не менѣе, онъ кладетъ въ основаніе своей системы внутренній, психическій фактъ: желаніе. Желаніе приводитъ въ движеніе историческія силы; оно является творцомъ соціальнаго міра.

Въ какой степени телеологическій принципъ, положенный

Іерингомъ въ основаніе своей системы, можетъ опредѣлить соціальныя явленія?

Несправедливо было бы судить о научномъ значеніи этого принципа по тѣмъ немного смѣлымъ гипотезамъ, которыя допускаетъ Іерингъ: въ своемъ увлеченіи телеологіей онъ влагаетъ цѣли и намѣренія даже въ явленія неодушевленной природы. Но развѣ метафизическія гипотезы, порожденныя извѣстной теоріей, опровергаютъ ея научное достоинство? Часто упрекаютъ защитниковъ принципа цѣли въ тенденціозности. Но если телеологическій принципъ и давалъ поводъ къ подобнымъ злоупотребленіямъ, то изъ этого не слѣдуетъ ошибочность самого принципа. Необходимо только указать границы его приложенія.

Насколько телеологическое объясненіе не у мѣста въ явленіяхъ природы, настолько оно законно въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. Внутреннее наблюденіе указываетъ на наши цѣли, какъ на причины нашихъ дѣйствій; и, каковы бы ни были метафизическія теоріи о внутренней природѣ или о конечной причинѣ цѣлесообразныхъ явленій, мы имѣемъ право, для объясненія дѣйствій людей, приписывать имъ желанія и цѣли, аналогичныя нашимъ. Если намъ возразятъ, что это лишь наша гипотеза, мы замѣтимъ, что, въ такомъ случаѣ, всякая психологія, выходящая изъ предѣловъ автобіографіи и пытающаяся дополнить субъективный методъ объективнымъ, необходимо должна пользоваться той же гипотезой. Сознаніе людей не имѣетъ оконъ, черезъ которыя мы могли бы непосредственно наблюдать душевныя явленія. Психологъ не можетъ проникнуть въ души людей; онъ лишь констатируетъ внѣшнія, доступныя наблюденію явленія и даетъ имъ психологическое толкованіе. Чѣмъ болѣе походитъ на насъ существо, душевную жизнь котораго мы изслѣдуемъ, тѣмъ ближе къ дѣйствительности наше толкованіе; чѣмъ дальше оно отъ насъ, тѣмъ рискованнѣй примѣненіе нашего сужденія по аналогіи. Наше толкованіе дѣйствій взрослаго человѣка, принадлежащаго къ цивилизованному обществу, имѣетъ болѣе шансовъ соотвѣтствовать дѣйствитель-

ности, чѣмъ толкованіе дѣйствій дѣтей; еще труднѣй пониманіе дѣятельности дикаря и животнаго. Если наше наблюденіе тѣмъ плодотворнѣе, чѣмъ дальше отъ насъ отстоятъ наблюдаемыя существа, то оно, за то, тѣмъ менѣе достовѣрно; въ этомъ смыслѣ богатство сравнительной психологіи растетъ въ обратномъ отношеніи со степенью ея достовѣрности. Отсюда слѣдуетъ, что телеологическая гипотеза даетъ результаты, подверженные сомнѣнію, но, тѣмъ на менѣе, мы не можемъ безъ нея обойтись во всѣхъ случаяхъ, гдѣ механическое объясненіе недостаточно [1]). Чтобы объяснить человѣческія дѣйствія, недостаточно описать ихъ внѣшніе признаки, но нужно предположить опредѣляющія ихъ желанія, цѣли.

Собственно говоря, предположеніе первичнаго желанія не можетъ объяснить подробностей соціальныхъ явленій. Іерингъ доказываетъ, что въ основаніи историческихъ событій лежитъ стремленіе человѣка къ собственному благу, или вѣрнѣй, къ удовольствію, но изъ этого первоначальнаго источника вытекаютъ самыя различныя и даже противуположныя дѣйствія. Какъ можно объяснить эгоизмомъ безкорыстное дѣйствіе, которое служитъ его отрицаніемъ? Въ этомъ смыслѣ телеологическій принципъ Іеринга не совсѣмъ удовлетворяетъ требованіямъ науки. Наука, дѣйствительно, стремится свести разнообразіе явленій къ одному принципу; но этотъ принципъ долженъ объяснить всѣ частные случаи, встрѣчающіеся въ дѣйствительности. Принципъ, желающій объяснить все, не объясняетъ ничего. Отсюда вытекаетъ упрекъ, дѣлаемый часто телеологическому объясненію: телеологическій принципъ носитъ слишкомъ общій характеръ; онъ можетъ быть приложимъ ко всѣмъ явленіямъ, и по этому уже безполезенъ.

Если мы, чтобы избѣжать чрезмѣрной общности телеологическаго принципа, хотимъ найти объясненіе человѣческой дѣятельности не въ принципѣ цѣли вообще, но въ частныхъ конкретныхъ цѣляхъ нашихъ дѣйствій, то намъ грозитъ про-

---

[1]) Wundt. Phys. Psychologie I, 20, 396.

тивуположная опасность: отъ чрезмѣрной общности мы переходимъ къ чрезмѣрной конкретности; мы теряемся въ безконечномъ многообразіи конкретныхъ цѣлей и упускаемъ изъ виду единство, необходимое для всякаго научнаго построенія. Однако было бы несправедливо утверждать, что телеологическое объясненіе должно выбирать между единой цѣлью и безконечнымъ разнообразіемъ частныхъ цѣлей; здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, необходимо найти между двумя крайними принципами правильную середину. Вмѣсто того, чтобы переходить отъ универсальной цѣли къ частнымъ, безконечно разнообразнымъ цѣлямъ, нужно остановиться на извѣстномъ числѣ цѣлей, занимающихъ среднее мѣсто между двумя крайностями. Можно выдѣлить, напр., юридическую цѣль, экономическую, военную, религіозную. Тогда телеологическій принципъ освобождается отъ обоихъ недостатковъ: онъ не настолько общъ, чтобы въ немъ терялись всѣ конкретныя различія, и въ то же время, онъ не настолько конкретенъ, чтобы не удовлетворять требованію научнаго единства.

Конечно, указанныя цѣли въ дѣйствительности не имѣютъ опредѣленныхъ границъ. Часто одно и то же дѣйствіе удовлетворяетъ разнообразнымъ цѣлямъ: религіознымъ, эстетическимъ, юридическимъ, экономическимъ; очень рѣдко какая-либо цѣль безусловно обособлена отъ другихъ, и потому очень рѣдко въ ней одной можно искать объясненія извѣстной группы соціальныхъ явленій. Напр., историческая школа политической экономіи доказала, что экономическіе феномены не являются продуктомъ дѣйствія однѣхъ экономическихъ силъ; но что для ихъ пониманія необходимо принять во вниманіе роль государства, національныхъ особенностей и пр. Какъ ни полезна была реакція исторической школы противъ абстракцій, тѣмъ не менѣе, избѣгая методологическаго изолированія фактовъ, она лишила себя всякой возможности, построить когда-либо экономическую науку. Научный анализъ долженъ походить, по выраженію Іеринга, на анализъ, предпринимаемый юри-

стами [1]). Въ каждомъ юридическомъ явленіи они анализируютъ послѣдовательно результаты каждаго отдѣльнаго принципа. Подобно юристу, ученый, чтобы открыть законы соціальныхъ явленій, долженъ изолировать путемъ абстракціи одну цѣль и прослѣдить ея послѣдствія въ сѣти фактовъ до тѣхъ поръ, пока средства научнаго анализа даютъ ему возможность отдѣлить результаты данной цѣли отъ результатовъ остальныхъ. Онъ долженъ, такъ сказать, расчленить соціальную ткань на ея составные элементы. Только такимъ путемъ возможно построеніе частныхъ соціальныхъ наукъ.

Чѣмъ дальше подвинулось обособленіе отдѣльныхъ цѣлей, тѣмъ ближе мы къ построенію частныхъ соціальныхъ наукъ. Намъ становится понятнымъ поэтому сравнительно совершенное состояніе политической экономіи между остальными соціальными науками. Относительно быстрый прогрессъ политической экономіи обыкновенно объясняютъ тѣмъ, что экономическія явленія болѣе доступны измѣренію, счисленію и оцѣнкѣ [2]), и, конечно, это условіе облегчило въ значительной степени научную обработку экономическихъ явленій. Но прогрессъ экономической науки, кажется, еще болѣе обязанъ сравнительной легкости, съ которой можно выдѣлить чисто экономическіе факторы изъ ряда другихъ. Подобно политической экономіи, сравнительно быстрый прогрессъ языковѣдѣнія объясняется съ одной стороны тѣмъ, что его объектомъ является въ нѣкоторомъ родѣ окаменѣлая психологія, съ другой — легкостью выдѣленія и опредѣленія специальной лингвистической цѣли. Несомнѣнно, что, лишь оставляя натуралистическую точку зрѣнія, которая видитъ въ словахъ клѣточки какого-то таинственнаго организма, и разсматривая языкъ, какъ искусственный продуктъ человѣческой дѣятельнсcти въ виду извѣстной цѣли [3]), мы замѣняемъ простое описаніе явленій ихъ объясненіемъ. Наука о правѣ должна двигаться по тому же пути: она должна выдѣлить цѣль,

[1]) *Zweck*. II. 188.

[2]) Neumann, Tübing. Zeitschrift für Staatswissenschaft 1892.—454.

[3]) Whitney, „Vie du Langage“.

которая можетъ служить принципомъ объясненія юридическихъ явленій. Слѣдуя этому методу, Іерингъ старается выдѣлить и опредѣлить специфическую юридическую цѣль [1]. Можно указать на недостаточную точность опредѣленія, даннаго Іерингомъ специальной юридической цѣли, но тѣмъ не менѣе необходимо признать научность его метода. Выдѣленіе различныхъ классовъ соціальныхъ цѣлей является первымъ условіемъ образованія соціальной науки.

Чтобы принципъ телеологіи получилъ въ соціальной наукѣ объективное приложеніе, необходимо прибавить къ указанной классификаціи цѣлей, которую можно назвать матеріальной телеологіей, классификацію средствъ достиженія этихъ цѣлей, или формальную телеологію. Люди не сознаютъ всегда съ одинаковой ясностью цѣлей, которыя они реализируютъ, и, если даже сознаютъ, они ихъ преслѣдуютъ различными путями. Если хотятъ объяснять человѣческую дѣятельность преслѣдуемыми цѣлями, необходимо тщательно различать частныя проявленія телеологическаго принципа.

Уже при классификаціи индивидуальныхъ дѣйствій на основаніи ихъ цѣлей мы наталкиваемся на рядъ трудностей. Дѣйствія, которыя кажутся очень цѣлесообразными, если мы ихъ разсматриваемъ со стороны, сопровождаются нерѣдко неяснымъ сознаніемъ ихъ цѣли. Иногда даже цѣлесообразность дѣйствій растетъ въ обратномъ отношеніи къ ясности сознанія ихъ цѣлей; примѣръ—привычныя и инстинктивныя дѣйствія. Съ другой стороны, нерѣдко дѣйствія такъ плохо приспособлены къ достиженію поставленныхъ цѣлей, что мы склонны приписывать ихъ автору совершенно иныя цѣли, чѣмъ тѣ, которыя онъ преслѣдуетъ въ дѣйствительности. Понятіе цѣли не включаетъ понятія средства. Чтобы предсказать дѣйствіе лица, мы должны не только знать его цѣль и возможныя средства ея достиженія, но также то средство, которое данное лицо находитъ наиболѣе подходящимъ въ данномъ случаѣ для достиже-

[1] Zweck I, 390.

нія цѣли. Далѣе, нерѣдко мы вносимъ цѣлесообразность туда, гдѣ ея нѣтъ, и принимаемъ за цѣль то, что въ дѣйствительности является результатомъ ряда частныхъ дѣйствій. Еще труднѣй приложеніе телеологическаго принципа въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ не объ индивидуальныхъ, но соціальныхъ дѣйствіяхъ. Нѣкоторыя соціальныя цѣли, быть можетъ, существовали въ сознаніи нашихъ предковъ; мы ихъ реализуемъ теперь безсознательно. Дѣйствія могли потерять свою пользу, но мы ихъ продолжаемъ измѣнять по традиціи. Это такъ называемые пережитки. Изъ средствъ дѣйствія превратились въ цѣль; иногда также измѣняется сама цѣль дѣйствія, старая форма наполняется новымъ содержаніемъ, подобно тому, какъ древнія германскія вазы наполняются теперь новымъ виномъ [1]). Всѣ эти явленія затрудняютъ телеологическое объясненіе. Если одно и то же дѣйствіе опредѣляется то одной, то другой цѣлью, какъ можно искать въ цѣли его объясненія? Съ другой стороны, одна и та же цѣль можетъ вызвать различныя дѣйствія, такъ какъ для достиженія цѣли могутъ служить различныя средства, опредѣляемыя не только внѣшними обстоятельствами, но также внутренней жизнью народа, его вѣрованіями и знаніями. Наконецъ, въ соціальной жизни цѣль и средство еще труднѣй различить, чѣмъ въ жизни индивида. Іерингъ показываетъ, какъ на каждомъ шагу результатъ совокупнаго дѣйствія группы лицъ отличается отъ цѣлей каждаго изъ нихъ; нѣкоторые сознаютъ цѣль, къ которой стремятся; другіе поступаютъ также, но безсознательно. Необходимо различать поэтому степень сознанія при реализаціи цѣли; эта степень различна въ различныхъ обществахъ, сообразно тому, организованы-ли послѣднія въ форму демократіи, аристократіи или монархіи. Комбинируя телеологическіе элементы дѣйствій, ихъ полезность, степень сознанія, способъ реализаціи, мы получимъ различные типичные случаи; въ одномъ случаѣ дѣйствіе полезно для всѣхъ, сознается всѣми;

---

[1]) Vorgeschichte, 180.

въ другомъ случаѣ—полезно всѣмъ, сознается только нѣкоторыми, осуществляется всѣми и т. д. Такимъ образомъ, можно установить телеологическую классификацію соціальныхъ формъ; сопоставляя эти идеальные типы съ дѣйствительными историческими событіями, мы можемъ болѣе правильно опредѣлить къ какой категоріи они принадлежатъ.

Коротко, Іерингъ не предполагаетъ, что идея цѣли сама по себѣ достаточна для объясненія соціальныхъ явленій. Чтобы опредѣлять историческія событія, понятіе цѣли должно быть болѣе специализировано; ея различныя формы должны быть тщательно классифицированы,—однимъ словомъ, телеологическая гипотеза должна предварительно подвергнуться провѣркѣ и критикѣ. Заслуга Іеринга именно заключается въ томъ, что онъ первый классифицировалъ соціальныя цѣли по ихъ тождеству, сходству, субъективности и объективности. Можно только пожалѣть, что онъ не продолжилъ далѣе своей классификаціи, именно, что онъ не анализировалъ съ большей точностью телеологическій характеръ, свойственный различнымъ соціальнымъ единицамъ; быть можетъ, онъ тогда бы избѣжалъ нѣсколькихъ утвержденій, которыя мы должны подвергнуть сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе, за нимъ остается та заслуга, что онъ внесъ въ науку новое пониманіе телеологическаго принципа. Когда мы знакомимся съ его системой, мы приходимъ къ убѣжденію, что недостаточно указать на безсознательность соціальнаго творчества, чтобы удалить изъ него всякій телеологическій элементъ. Телеологія не ограничивается предѣлами господства сознательной индивидуальной воли; между чисто произвольнымъ и чисто—инстинктивнымъ дѣйствіемъ существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней; вмѣсто того, чтобы ихъ отбрасывать, было бы полезнѣй ихъ классифицировать и указать область дѣйствія каждой изъ нихъ. Поэтому, намъ кажется несправедливымъ упрекъ въ тенденціозности, обращаемый обыкновенно къ Іерингу. Прогрессъ соціальной науки зависитъ отъ расширенія и углубленія принципа цѣли въ примѣненіи къ объясненію соціальныхъ

явленій. Правда, что это примѣненіе встрѣчаетъ на своемъ пути много препятствій; но значитъ ли это, что указанный путь невѣренъ? Если признать, что для построенія законовъ соціальныхъ явленій нужно знать ихъ причины, и если причины скрываются въ цѣляхъ, то задачей изслѣдователя должно быть прежде всего отысканіе и анализъ этихъ цѣлей. Обыкновенно указываютъ на метафизичность всякаго телеологическаго объясненія, но эта боязнь объясняется не столько самимъ принципомъ, сколько рядомъ его ошибочныхъ примѣненій; не надо однако забывать, что наиболѣе опасное орудіе бываетъ часто наиболѣе полезнымъ и даже неизбѣжнымъ.

Заключеніе.

Подведемъ итоги помѣщеннымъ выше очеркамъ о состояніи соціальной науки въ Германіи и сравнимъ полученные результаты съ господствующими идеями во Франціи. Это сравненіе освѣтитъ намъ какъ особенности, такъ и общія черты нѣмецкой и французской соціальной науки.

Если мы оставимъ безъ вниманія различія взглядовъ четырехъ выше названныхъ авторовъ, то получимъ слѣдующіе общіе пункты. Всѣ разобранные авторы не вполнѣ «философы» и не вполнѣ «историки». Они стараются избѣжать равно всѣхъ крайностей, между которыми до сихъ поръ колебалась нѣмецкая мысль. Они не удовлетворяются ни апріорными спекуляціями, ни наблюденіемъ, они не ограничиваютъ себя ни частнымъ настроеніемъ, ни простымъ констатированіемъ фактовъ, но хотятъ *объяснить* дѣйствительность.

Посмотримъ, какъ относятся современныя соціальныя науки 1) къ психологіи, 2) одна къ другой, 3) къ практикѣ.

Чтобы получить *общіе* законы, соціальная наука должна обратиться къ человѣческой природѣ.

Чтобы получить *точные* законы, опредѣляющіе послѣдовательность соціальныхъ фактовъ она должна анализировать дѣйствительныя явленія во всей ихъ сложности и, абстрагируя послѣдовательно отъ частностей, отыскать одну за другой историческія силы.—Наконецъ, чтобы получить *частные* законы, въ которыхъ предписанія не перемѣшиваются съ наблюденіями, она должна остерегаться смѣшенія *пониманія* дѣйствительности съ *преобразованіемъ* дѣйствительности.

Конечно, эти черты не проходятъ съ одинаковой ясностью

и послѣдовательностью черезъ труды всѣхъ названныхъ авторовъ. Лазарусъ отмѣчаетъ болѣе, чѣмъ другіе, значеніе психологіи; Іерингъ—роль телеологическаго принципа; Вагнеръ настаиваетъ главнымъ образомъ на необходимости раздѣленія частныхъ соціальныхъ наукъ; Зиммель—на необходимости отдѣленія теоріи отъ практики.

Не останавливаясь на особенностяхъ каждаго изъ названныхъ авторовъ, мы можемъ выразить общее впечатлѣніе анализа, помѣщеннаго выше, слѣдующимъ образомъ: три черты характеризуютъ соціальную науку въ Германіи: 1) психологизмъ, 2) абстрактность, 3) теоретичность.

I.

Мы не можемъ здѣсь изслѣдовать внутреннія и внѣшнія вліянія, подъ давленіемъ которыхъ измѣнялось отношеніе между психологіей и соціальной наукой во Франціи.

Напомнимъ только, что позитивизмъ, сдѣлавшій столько для развитія науки о соціальныхъ явленіяхъ, казалось, стремился отдѣлить соціологію отъ психологіи. Психологія находилась тогда подъ подозрѣніемъ; ее обвиняли въ томъ, что она не даетъ положительныхъ фактовъ, что она не можетъ выйти изъ рамокъ литературнаго изложенія и метафизическихъ толкованій.

Ее боялись внести въ іерархію наукъ, чтобы не открыть дверь метафизикѣ спиритуализма. Существовало мнѣніе, представлявшее, быть можетъ, отраженіе механическаго воззрѣнія Декарта что всякое научное изслѣдованіе должно свести явленія къ матеріальнымъ феноменамъ.

Наконецъ, прогрессъ естественныхъ наукъ заставлялъ болѣе ожидать результатовъ отъ вмѣшательства біологіи, чѣмъ психологіи.

Мало-по-малу, однако, благодаря различнымъ обстоятельствамъ, отчасти подъ вліяніемъ критической философіи, начали понимать съ одной стороны, что психологія не связана необходимо съ спиритуалистической метафизикой, съ другой—ме-

тафизическій характеръ самаго позитивизма. Начали замѣчать, что философія Конта, несмотря на включеніе психологическихъ явленій въ область біологіи, находится подъ господствомъ одной руководящей идеи—именно идеи эволюціи человѣческаго духа; съ другой стороны, позитивизмъ не желаетъ объяснить всѣ явленія чисто механически, но лично устанавливаетъ зависимость между различными науками, выдѣляя каждую въ особую область. Наконецъ, болѣе обширное и глубокое знакомство съ человѣческимъ духомъ показало, что его исторія не можетъ быть выведена изъ физическихъ явленій, но что она опредѣляется соціальными обстоятельствами; начали признавать заслуги спиритуалистовъ, которые доказывали постоянно, что душевныя явленія не могутъ быть сведены къ движенію матеріи [1]). Такимъ образомъ, самыя различныя вліянія содѣйствовали тому, что психологія заняла постепенно центральное мѣсто въ наукѣ объ обществѣ. Кажется вообще, что мода на біологическія сравненія отошла въ область прошлаго и что психологія, по общему признанію, становится душой соціальныхъ наукъ [2]).

Чтобы получить болѣе ясное представленіе объ указанной эволюціи и ея аналогіи съ движеніемъ наукъ въ Германіи, мы изучимъ произведенія трехъ мыслителей, которые самостоятельно пришли во многихъ отношеніяхъ къ выводамъ общимъ съ выводами нѣмецкихъ ученыхъ.

Лебонъ [3]), одинъ изъ извѣстныхъ антропологовъ, обращается къ психологіи, чтобы построить законы эволюціи народовъ. Вслѣдъ за Лазарусомъ онъ признаетъ, что особенности народа лежатъ въ его духѣ, и что классификація, которая хочетъ быть объективной, должна опираться не на внѣшніе признаки, какъ анатомическое строеніе, учрежденія или даже языкъ, но на внутреннія особенности, образующія характеръ народа.

---

[1]) Durkheime. La division du travail social 1893;
— Isoulet. La Cité Moderne.

[2]) Revue de Méthaphysique, mai 1895.

[3]) Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. 1894.

Одна историческая раса можетъ соединить путемъ психологическаго синтеза различныя анатомическія расы. Образованная такимъ образомъ раса получаетъ извѣстную устойчивость и неизмѣнность. Народы заимствуютъ учрежденія, слова, идеи но эти воспринятыя извнѣ свойства касаются лишь поверхности: основаніе, сложенное изъ чувствъ, вѣрованій и воображенія остается неизмѣннымъ, и въ немъ надо искать главныя причины эволюціи народовъ. Ихъ психологическій характеръ представляетъ почти столь же неизмѣнную величину, какъ ихъ анатомическая организація.

Лебонъ лишь описываетъ и классифицируетъ рассовые психологическіе типы, конечно, онъ пытается также отыскать законы ихъ эволюціи, но мы указывали уже, что подобные законы являются скорѣй простымъ описаніемъ, чѣмъ дѣйствительно закономъ. Другой авторъ Лакомбъ [1]), пытаясь отъискать историческіе законы, приближается болѣе, чѣмъ Лебонъ, къ идеямъ Іеринга и Вагнера. Вслѣдъ за названными мыслителями, онъ возстаетъ противъ загроможденія исторіи фактическимъ матеріаломъ и указываетъ на необходимость образованія «науки» объ исторіи. Недостаточно набрать груду фактовъ, но нужно еще ихъ группировать и представить, какъ частные случаи закона. Вмѣсто дѣйствительности, нужно искать истину. Психологія должна различать общественнаго человѣка отъ человѣка даннаго времени и индивида и съ помощью этихъ понятій объяснить исторію.

Потребности являются двигателями исторіи, но не какъ біологическія, а какъ психологическія силы [2]).

Классификація потребностей по ихъ важности служитъ необходимымъ условіемъ объясненія исторіи.

Такъ какъ по своей природѣ историческія явленія допускаютъ примѣненіе опыта, и потому мы не можемъ эмпирическимъ путемъ отыскать ихъ причины, то мы должны исходить

[1]) L'histoire considerée comme science.

[2]) Id. 32.

изъ причинъ и подыматься путемъ дедукціи къ ихъ слѣдствіямъ. Опытъ, говоритъ Штейнталь, есть матеріальная абстракція; Лакомбъ полагаетъ, что въ исторической наукѣ абстракція и дедукція являются какъ бы воображаемымъ опытомъ[1]). Такимъ образомъ въ трудѣ Лакомба мы находимъ, какъ раньше въ трудѣ Вагнера, защиту дедукціи.

Его методическая классификація потребностей напоминаетъ, съ другой стороны, идею Іеринга о матеріальной телеологіи

Въ трудахъ Тарда, въ которыхъ авторъ пытается объяснить распространеніе идей и чувствъ въ обществѣ, мы находимъ изученіе формальной стороны соціальной психологіи. Тардъ содѣйствовалъ болѣе, чѣмъ кто либо, возрожденію соціальнаго идеализма въ его метафизической формѣ, который состоитъ въ стремленіи объяснить исторію идеями людей [3]). Подобно нѣмецкимъ авторамъ, Тардъ указываетъ на поверхностный и чисто внѣшній характеръ біологическихъ аналогій. Благодаря подражанію, соціальныя общества не отдѣлены другъ отъ друга, какъ организмы. Различныя части соціальнаго тѣла не занимаютъ особаго мѣста въ пространствѣ, какъ члены организма.

Въ противуположность организму, дифференцировка соціальнаго тѣла не только не увеличивается, но уменьшается, Органическій характеръ общества уменьшается вмѣстѣ съ рогрессомъ цивилизаціи. Эволюція общества не столько подиняется внутренней необходимости, сколько сознательному мѣшательству людей. Тардъ возстаетъ еще съ большей силой, ѣмъ Лазарусъ и Вагнеръ, противъ мнѣнія, по которому цинственные законы, доступные намъ въ мірѣ соціальныхъ вленій,—законы эволюціи. Идея эволюціи въ области соціологіи является произвольнымъ перенесеніемъ біологической ипотезы. Въ началѣ и концѣ эволюціи права мы не находимъ

[1]) Histoire considerée comme science 63.

[2]) Tarde. Les lois de l' immitation 1890.

состоянія однородности или, если подобное явленіе и можетъ быть константировано, то оно находитъ объясненіе не въ давленіи необходимости, но въ уравновѣшенномъ дѣйствіи психологическихъ силъ. Такъ называемая эволюція представляетъ обыкновенно рядъ изобрѣтеній и ихъ распространенія путемъ подражанія.

Вмѣсто того, чтобы искать законы эволюціи, нужно обратиться къ отысканію причинъ этой эволюціи. Нужно изучать условія образованія и распространенія логическихъ и телеологическихъ фактовъ, чтобы получить ключъ «которымъ можно открыть всѣ замки». Психологія, говоритъ Тардъ, вслѣдъ за Лазарусомъ, относится къ обществовѣдѣнію, какъ химія къ наукѣ объ организмѣ [1]).

Отмѣченныя выше точки соприкосновенія между французскими и нѣмецкими мыслителями возвышаютъ цѣнность ихъ общихъ идей; справедливость заставляетъ, однако, указать на ученаго, который въ своихъ соціологическихъ взглядахъ расходится съ воззрѣніями нѣмецкихъ мыслителей. Это различіе во взглядахъ на пріемы соціальной науки тѣмъ болѣе достойно нашего вниманія, что оно явилось продуктомъ мысли ученаго, который, въ противуположность Лебону, Тарду и Лакомбу, хорошо знакомъ съ нѣмецкой соціологической литературой.

Г. Дюркгеймъ полагаетъ, что дѣйствительно научная соціологія должна обладать тремя качествами: она должна быть объективна, т. е. обращаться съ соціальными явленіями, какъ съ вещами, имѣть спеціальный кругъ изучаемыхъ явленій, она должна разсматривать эти явленія, какъ совершающіяся механически, безъ всякаго отношенія къ цѣлямъ людей [2]). Всѣ три свойства стремятся изгнать психологію изъ соціологіи.

Объективная соціологія начинаетъ съ установленія понятій. Подобно Зиммелю, Дюркгеймъ возстаетъ противъ понятій, образовавшихся внѣ науки, подъ давленіемъ практической необходи-

---

[1]) Les transformations du droit. 1893. 127.

[2]) Durkheim. Les régles de la méthode sociologique. 1893.

мости [1]). Мы должны забыть наши идеи и наши чувства, чтобы изслѣдовать, какъ вещи, явленія, наиболѣе насъ волнующія. Но чтобы это требованіе было осуществимо, необходимо найти матеріальную сторону общественныхъ явленій, доступную нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; при томъ, такъ какъ показанія чувствъ тоже подвержены сомнѣнію и колебаніямъ, то мы должны отыскать въ соціальномъ мірѣ постоянныя и дѣйствительно объективныя явленія, подобныя столбу ртути въ термометрѣ, или часовой стрѣлкѣ, и которыя могли бы послужить намъ мѣриломъ соціальныхъ явленій [2]). Примѣромъ могутъ служить юридическія нормы. Изслѣдуя измѣненія въ числѣ правилъ, относящихся къ извѣстной категоріи преступленій въ извѣстномъ обществѣ, мы изучаемъ объективно измѣненія соціальной солидарности [3]).

Нѣкоторые возразятъ, что этотъ чисто внѣшній методъ касается лишь поверхности явленій; Дюркгеймъ отвѣчаетъ, что такимъ путемъ мы достигаемъ лишь группировки нашихъ наблюденій, но не объясненія соціальныхъ явленій. Однако, эти наблюденія могутъ быть плодотворны лишь въ томъ случаѣ, когда между соціальными явленіями и наблюдаемыми матеріальными явленіями существуетъ постоянное отношеніе, когда, напримѣръ, измѣненія кодексовъ совершается параллельно съ измѣненіями юридическихъ чувствъ. Если бы мы, напримѣръ, пожелали опредѣлять направленіе морскихъ теченій по колебаніямъ поверхности моря, подъ предлогомъ, что лишь эти послѣднія доступны нашему наблюденію, мы должны были бы предварительно показать соотвѣтствіе между наружными колебаніями и морскими теченіями. Но существованіе подобнаго параллелизма трудно констатировать въ области соціальныхъ явленій. Не показалъ ли намъ Іерингъ, что для того, чтобы извѣстное правовое чувство приняло форму юридическаго правила, требуется присутствіе извѣстной силы, наблюденія и вы-

[1]) Les regles de la méthode sociologique 23.

[2]) Les regles etc. 56.

[3]) Division du travail.

раженія силы, которая является довольно поздно и лишь при наличности особыхъ условій [1]). Поэтому въ каждую эпоху существуютъ юридическія чувства, которыя не находятъ соотвѣтственнаго выраженія во внѣшнихъ символахъ.

Утвержденіе Дюркгейма, будто каждое сильное чувство находитъ опредѣленное выраженіе [2]), ни кѣмъ еще не доказано. Чувство можетъ достигнуть значительной интенсивности, не находя себѣ подходящей формулы. Даже болѣе, не наблюдаемъ ли мы часто, что моментъ, когда чувство получаетъ внѣшнія вещественныя формы, есть въ то же время начало его упадка? [3]) Наконецъ, даже, если согласиться съ тѣмъ, что всѣ юридическія правила выражаются во внѣшнихъ формулахъ, то тогда является вопросъ, можно ли заключить о существованіи чувства по существованію формы?

Іерингъ показалъ, какъ ошибочно было бы судить по формуламъ римскаго семейнаго права объ отношеніи между сыномъ и отцомъ въ Римѣ. Такимъ образомъ внѣшнія вещи не всегда являются вѣрнымъ выразителемъ соціальныхъ явленій.

Правильно ли вообще утвержденіе, что объективное наблюденіе возможно лишь въ томъ случаѣ, когда мы наблюдаемъ внѣшнія вещи? Конечно, только въ послѣднемъ случаѣ явленія доступны измѣренію, количественной оцѣнкѣ. Но развѣ нельзя объективно изучать качества вещей? Если необходимо освободиться отъ всѣхъ предвзятыхъ понятій, то значитъ ли это, что мы должны избѣгать всякаго психологическаго толкованія внѣшнихъ явленій? Зиммель, напримѣръ, рѣшительно возстаетъ противъ первыхъ, но въ то же время видитъ во второмъ необходимое условіе всякой соціальной науки.

Нужно только обратиться не къ спекулятивной психологіи, которая строитъ свое зданіе на абстракціяхъ, но къ психологіи, основанной на наблюденіи конкретныхъ явленій нашего зданія. Быть можетъ, возразятъ, что мы не можемъ наблю-

---

[1]) Divis. du trav. 122.
[2]) Division du travail. 321.
[3]) Durkheim самъ указываетъ на это явленіе. Division du travail 79.

дать явленій, происходящихъ въ душѣ другихъ людей. Мы указывали уже на эту трудность, которую встрѣчаетъ всякая психологія, не ограничивающая себя сферой внутренняго наблюденія; но трудность примѣненія психологическаго толкованія не отрицаетъ необходимости послѣдняго. Безъ психологическаго толкованія внѣшнія явленія не вошли бы въ область соціологіи, но въ область физики. Дюркгеймъ, прельщенный успѣхами физіологической психологіи, хотѣлъ бы ограничить соціологію наблюденіемъ внѣшнихъ явленій. Но физіологическая психологія, по мѣрѣ того, какъ уменьшаются опасности спиритуализма, теряетъ свой исключительный характеръ и признаетъ, что психологія безъ внутренняго наблюденія безплодна и даже невозможна. Внѣшнее наблюденіе кодексовъ и историческихъ памятниковъ не дало бы большихъ результатовъ, если бы оно не было освѣщено внутреннимъ наблюденіемъ.

Но объясняя соціальныя явленія психологическими, не лишаемъ ли мы соціологію ея специфическаго характера, который даетъ ей право на существованіе, какъ самостоятельной науки?

По мнѣнію Дюркгейма, соціальныя явленія не могутъ быть сведены къ психологическимъ. Ихъ существованіе независимо отъ частнаго проявленія въ индивидуальныхъ сознаніяхъ [1]).

Не индивидуальное сознаніе опредѣляетъ соціальный фактъ, но обратно, соціальный фактъ подгоняетъ себѣ индивидуальное сознаніе. Характерная особенность соціальнаго явленія, это его принудительный характеръ по отношенію къ индивиду. Общество—ничто иное, чѣмъ извѣстное состояніе индивидуальныхъ сознаній. Въ такомъ случаѣ можно спросить, гдѣ существуетъ это общество, въ чемъ оно проявляется? На первый взглядъ методъ Дюркгейма кажется крайнимъ выраженіемъ реализма, но не справедливы ли критики, которые сравниваютъ его со схоластикой? [2]) Если Дюркгеймъ не хочетъ создать новой субстанціи, утверждая, что соціальныя явленія ре-

[1]) Les regles de la methode Sociologique. 38.
[2]) Tarde. La logique Sociale. Préface.

ализуются внѣ индивидуальнаго сознанія, то не полагаетъ-ли онъ, что послѣднее кристаллизуется или, по выраженію Лазаруса, воплощается въ вещахъ?

Замѣтимъ, что если бы не было сознанія, которое познаетъ, истолковываетъ и любитъ соціальныя вещи, то послѣднія для насъ не существовали бы. Не признаетъ ли самъ Дюркгеймъ, что соціальныя явленія представляютъ продуктъ человѣческой дѣятельности? [1]) Очевидно, что если бы не существовало сознанія людей, не было бы и соціальныхъ явленій, вопреки нѣкоторымъ замѣчаніямъ Дюркгейма [2]). Безъ психологической жизни нѣтъ жизни общества. Дюркгеймъ замѣчаетъ, что извѣстное индивидуальное психическое состояніе обще для всѣхъ индивидовъ, составляющихъ общество; онъ можетъ назвать это общее сознаніе коллективнымъ сознаніемъ, можетъ изучать развитіе, прогрессъ или регрессъ этого сознанія; но онъ не можетъ утверждать, что это соціальное явленіе независимо отъ индивидуальной психологіи. Вліяніе, оказываемое на индивидуальное сознаніе ассоціаціей сознанія, несомнѣнно представляетъ психологическое явленіе, которое совершается въ извѣстной физіологической средѣ. Специфическій характеръ этого вліянія можетъ повести насъ, вслѣдъ за Лазарусомъ, къ признанію особой соціальной психологіи, но не къ идеѣ соціологіи безъ психологіи.

Дюркгеймъ, доказывая необходимость введенія объективнаго метода въ соціологію, приходитъ логически къ механическому взгляду на соціальныя явленія. Поэтому онъ возстаетъ противъ введенія въ соціальную науку телеологическаго объясненія.

Всякое телеологическое объясненіе, полагаетъ Дюркгеймъ, оставляетъ слишкомъ широкую область для произвола [3]). Въ то время какъ Тардъ и Лакомбъ имѣютъ живое представленіе о неустойчивости соціальныхъ явленій и любятъ указывать на

[1]) Les regles de la methode Sociologique. 27.
[2]) Division du travail. 306.
[3]) Division du travail. 116.

случайность историческаго хода событій, Дюркгеймъ хочетъ видѣть вездѣ механическую необходимость. Желанія людей еще не опредѣляютъ ихъ учрежденій, какъ цѣль не опредѣляетъ средства. Каждый индивидъ преслѣдуетъ цѣль средствами, которыя ему больше соотвѣтствуютъ. Какимъ образомъ, слѣдовательно, телеологія можетъ дать объясненіе однообразію учрежденій, которое констатируетъ соціологія? Прежде всего, это однообразіе соціальныхъ учрежденій можно оспаривать; напримѣръ, Лазарусъ, вслѣдъ за Лебономъ, утверждаетъ, что различные народы имѣютъ самые противуположные обычаи [1]). Соціологія должна объяснить не только однообразіе, но также разнообразіе обычаевъ и учрежденій. Почему мы не можемъ обратиться къ телеологіи для этого объясненія? Если предположить, что желанія людей болѣе или менѣе одинаковы, мы можемъ объяснить указанное различіе различіемъ внѣшнихъ условій, среди которыхъ эти желанія реализируются. Развѣ нельзя подвергнуть научному изслѣдованію даже измѣнчивое настроеніе людей? Не открываетъ ли наука, среди разнообразія индивидуальныхъ настроеній, нѣкоторыя общія черты, образующія національный характеръ, объектъ той части соціальной психологіи, которую Стюартъ Милль назвалъ этологіей народовъ? Такимъ образомъ, обращаясь къ телеологіи, какъ къ объяснительному принципу историческихъ событій, можно сократить сферу дѣйствія произвола и открыть законосообразность въ движеніи явленій.

Большая часть возраженій, которыя Дюркгеймъ дѣлаетъ защитникамъ телеологіи, вытекаетъ изъ неточнаго представленія объ истинномъ значеніи телеологическаго объясненія. Утверждая, что потребности людей объясняютъ ихъ дѣйствія мы не полагаемъ, что эти потребности создаютъ средства для своего осуществленія, ни что люди ясно сознаютъ результаты своихъ дѣйствій. Напримѣръ, Дюркгеймъ утверждаетъ, что если желанія объясняютъ мотивы дѣйствій людей, то они не

---

[1]) Leben der Seele. III, 358.

могутъ объяснить условій, среди которыхъ людямъ приходится дѣйствовать. Біологія раздѣляетъ изученіе цѣлей органа отъ изученія его устройства; соціологія должна была бы слѣдовать примѣру біологіи [1]). На это можно прежде всего отвѣтить, что въ соціологіи отношеніе между желаніемъ и средствомъ болѣе ясно, чѣмъ во всякой другой наукѣ. Въ области соціологіи мы наблюдаемъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо, какъ функція создаетъ органъ. Впрочемъ, телеологія не претендуетъ на объясненіе всѣхъ естественныхъ, искусственныхъ, физическихъ и соціальныхъ условій, посреди которыхъ осуществляется человѣческая дѣятельность.

Претензіи метафизической телеологіи, правда, распространялись на всю область явленій, но научная телологія менѣе честолюбива. Я вижу, напримѣръ, людей, которые обдѣлываютъ камни; теологія объясняетъ мнѣ ихъ дѣйствія, говоря, что они хотятъ строить домъ. Но она не объясняетъ и не претендуетъ на объясненіе свойствъ самихъ камней. Я констатирую съ одной стороны цѣль, съ другой средства, и изъ этихъ двухъ фактовъ вывожу дѣйствіе. Справедливо-ли утверждать, что это дѣйствіе было бы достаточно объяснено однимъ знаніемъ свойствъ камней? Сколько бы мы не собирали камней, если не явится у людей желанія защитить себя отъ внѣшнихъ условій, домъ никогда не будетъ построенъ.

Съ другой стороны, утверждая, что человѣкъ преслѣдуетъ цѣли, телеологія не полагаетъ, что онъ ясно себѣ представляетъ всѣ результаты своихъ дѣйствій, ни даже, что ему удается всегда достигнуть постоянной цѣли. Вмѣшательство непредвидѣнныхъ обстоятельствъ можетъ породить новыя цѣли, о которыхъ дѣйствующее лицо первоначально не имѣло представленія; этимъ, однако, не устраняется тотъ фактъ, что человѣкъ преслѣдуетъ въ своей дѣятельности цѣли. Разнородность цѣлей не уничтожаетъ объективности телеологіи. Даже болѣе, одно и то же желаніе можетъ породить тысячи

[1]) Regles de la methode Sociologique. III.

соціальныхъ явленій, никогда не достигая собственнаго удовлетворенія; стремясь къ одной и той же цѣли, которая никогда не будетъ достигнута, она можетъ опредѣлять направленіе всего историческаго развитія. Отсюда слѣдуетъ, что нельзя заключать изъ неосуществимости извѣстнаго желанія, о его не реальности. Напримѣръ, Дюркгеймъ, желая доказать, что стремленіе къ счастью не объясняетъ факта раздѣленія труда, утверждаетъ, что въ дѣйствительности современные люди не счастливѣе, да и не могутъ быть счастливѣе, чѣмъ они были когда-либо [1]). Но знаютъ-ли они объ этомъ? И если даже это утвержденіе справедливо, слѣдуетъ-ли изъ него выводъ, что стремленіе къ счастью не реально? Дюркгеймъ полагаетъ, что онъ можетъ обойтись безъ телеологической гипотезы, потому, что ему извѣстны дѣйствительныя причины раздѣленія труда; эти причины заключаются въ ростущемъ объемѣ и густотѣ населенія. Но объемъ и густота вліяютъ на исторію только потому, что они обостряютъ борьбу за существованіе и заставляютъ людей искать новыя средства, въ ряду которыхъ важнѣйшимъ является раздѣленіе труда. Даже болѣе, ни объемъ, ни густота не являются первичнымъ фактомъ, но рождаются изъ потребностей. Впрочемъ, въ произведеніяхъ Дюркгейма, какъ бы помимо его воли, проскальзываетъ чувство, что двигателемъ всѣхъ соціальныхъ явленій служитъ цѣль, а не механическая причина. На той же самой страницѣ, гдѣ онъ настаиваетъ на механическомъ характерѣ соціальныхъ явленій, онъ признаетъ, что раздѣленіе труда является «смягченіемъ» борьбы за существованіе [2]). Оно является результатомъ выбора между различными возможными выходами: самоубійствомъ, эмиграціей, гражданской войной. Люди специализируются, замѣчаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, чтобы жить [3]). Показывая, что люди двигаются въ направленіи наименьшаго сопротивленія, онъ уже удаляется отъ чисто механическаго

[1]) Division du travail. II chap. 1.
[2]) Division du travail. 299.
[3]) Division du travail. 306.

объясненія. Не носитъ ли этотъ законъ, какъ справедливо замѣчаетъ Тардъ [1]), телеологическаго характера? Конечно, по внѣшности этотъ законъ напоминаетъ законы механики, и въ глазахъ метафизика наименьшее телеологическое усиліе принадлежитъ къ той же категоріи явленій, какъ наименьшее усиліе въ области механики. Тѣмъ не менѣе надо всегда различать два значенія, придаваемыя слову усиліе, сила: одно внѣшнее, механическое, другое психологическое, телеологическое. Когда мы говорили, что дѣйствіе людей развивается въ направленіи наименьшаго сопротивленія, мы употребляли телеологическое понятіе. Сколько бы вы не соединяли и не сближали людей, какого бы объема и густоты не достигало населеніе — раздѣленіе труда не является самопроизвольно, если люди не хотятъ жить [2]).

Поэтому, когда Дюркгеймъ сравниваетъ плотность народонаселенія съ плотностью жидкостей и утверждаетъ, что одна и та же необходимость управляетъ движеніемъ обоихъ, мы не можемъ не замѣтить, что это сравненіе основано болѣе на аналогіи словъ, чѣмъ вещей. Является вопросъ, не упускаемъ ли мы изъ виду наиболѣе существенныхъ сторонъ соціальныхъ явленій, если мы ихъ разсматриваемъ, какъ простыя вещи. Конечно, мы всегда принуждены разсматривать явленія, чтобы ихъ подчинить наукѣ, съ помощью нѣкотораго рода «увертки», какъ говорилъ Декартъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что мы должны разсматривать явленія съ той стороны, которая доступна измѣренію, хотя бы она намъ давала наиболѣе поверхностные результаты? Конечно, было бы желательно, чтобы существенныя причины явленій были доступны измѣренію; но если психологическія причины соціальныхъ явленій

---

[1]) Тардъ. La logique sociale. 163.

[2]) Г. Бело правильно замѣчаетъ, что дождь не прогоняетъ механически гуляющихъ съ улицы; онъ бы ихъ не прогналъ, если бы они не боялись быть промоченными. «Revue de Meth» 1894. Статья объ утилитаризмѣ.

трудно доступны для научнаго изслѣдованія, слѣдуетъ-ли изъ этого, что мы должны отказаться отъ ихъ розысканія?

Дюркгеймъ требуетъ, чтобы изслѣдователь отказался отъ своей личности передъ объективнымъ фактомъ; но не значило ли бы это отказаться отъ путей изслѣдованія, наиболѣе соотвѣтствующихъ природѣ вещей, и обращаться къ методамъ, правда, болѣе точнымъ и вѣрнымъ, но не приложимымъ къ подобнаго рода фактамъ?

II.

Большая часть мыслителей во Франціи сходится съ нѣмецкими учеными въ стремленіи свести соціологію къ психологіи; меньшее согласіе господствуетъ въ вопросѣ о необходимости спеціализированія каждой соціальной науки. Вопросъ объ отношеніи частныхъ соціальныхъ наукъ между собою рѣшается во Франціи нѣсколько иначе, чѣмъ въ Германіи.

Стремленіе къ спеціализированію соціальныхъ наукъ является въ Германіи какъ реакція противъ крайностей историческаго эмпиризма. Историческая школа, указывая на вліяніе юридическихъ явленій на экономическія, экономическихъ— на нравственныя и т. д., отнимала, казалось, возможность построенія соціальныхъ законовъ. Защитникамъ историзма возражаютъ, что построеніе законовъ возможно лишь при выдѣленіи путемъ абстракціи извѣстнаго ряда явленій въ отдѣльую научную область. Такимъ образомъ, когда мы указываемъ а необходимость абстракціи въ соціальныхъ наукахъ, мы не ткрываемъ путь безплоднымъ спекуляціямъ, но лишь требуемъ, тобы различныя категоріи соціальныхъ фактовъ являлись бъектомъ отдѣльныхъ наукъ. Когда мы говоримъ, что соіальная наука должна быть абстрактна, мы указываемъ лишь а необходимость спеціализированія. Соціальная наука должна омнить правило Декарта, который говорилъ, что мы должны асчленять трудности, чтобы облегчать ихъ анализъ и разрѣіеніе. Само собой понятно, что требованія научной абстракціи е имѣютъ никакого отношенія къ практическимъ предписа-

ніямъ, что, напримѣръ, политическая экономія, пользуясь гипотезой человѣка, подчиненнаго лишь экономическимъ мотивамъ, не полагаетъ, что человѣкъ *долженъ* руководствоваться въ своей дѣятельности лишь соображеніями экономическаго характера. Съ другой стороны, каждая спеціализированная соціальная наука должна постоянно имѣть въ виду свою изолированность, помнить, что она представляетъ лишь одну сторону исторической дѣйствительности, и что въ тотъ моментъ, когда она захочетъ построить дѣйствительный процессъ во всей его сложности, она должна будетъ обратиться къ помощи другихъ соціальныхъ наукъ. Нѣмецкіе ученые знаютъ очень хорошо опасности специализаціи, которыя заключаются въ склонности видѣть только одну сторону вещей и объяснять цѣлое по его части. Но въ настоящій моментъ эта опасность ихъ мало пугаетъ. Вліяніе исторической школы было настолько глубоко и всеобще, представленіе о сложности соціальныхъ явленій настолько вкоренилось въ обиходную мысль, что нѣмецкая наука, кажется, надолго застрахована противъ крайностей абстракціи.

Отношеніе соціальныхъ наукъ къ исторіи носитъ во Франціи совершенно иной характеръ.

Практическія вліянія, которыя заставляли нѣмецкихъ ученыхъ относиться съ недовѣрчивостью къ соціальнымъ абстракціямъ XVIII вѣка, не существовали во Франціи. Здѣсь не нужно было взывать къ прошлому для борьбы съ духомъ революціи. Нѣмецкая нація возстала во имя исторіи; французская — во имя разума. Отсюда — стремленіе французской соціальной науки отыскивать вообще универсальное болѣе, чѣмъ частное, историческое, абстрактное — болѣе, чѣмъ конкретное. Ея характерной особенностью является абсолютизмъ и космополитизмъ; даже французскій патріотизмъ облекается въ одежду космополитизма. Раціонализмъ сдѣлался традиціей. И это — активный раціонализмъ, болѣе склонный реформировать историческую дѣйствительность, чѣмъ относиться къ ней съ равнодушіемъ ученаго. Практическія тенденціи — характерная осо-

бенность соціальныхъ наукъ во Франціи. Этимъ объясняется непопулярность исторической школы во Франціи.

Напримѣръ, наши юристы рѣдко пытались указать на связи, соединяющія юридическія явленія съ другими социальными фактами, съ національнымъ характеромъ. Наука о правѣ рѣдко обращалась къ помощи политической экономіи или психологіи народовъ. Лишь въ настоящій моментъ наблюдается стремленіе сблизить право съ соціологіей [1]).

То, что мы сказали о правѣ, еще въ большей степени приложимо къ политической экономіи и морали. Въ наукѣ о нравственности предписанія преобладаютъ надъ описаніями и объясненіями. Конечно, во Франціи есть ученые, продолжающіе традиціи французскихъ классическихъ моралистовъ, произведенія которыхъ столь богаты такими наблюденіями и остроумными объясненіями изъ области моральныхъ явленій. Но наши моралисты больше отличаются литературнымъ блескомъ и остроуміемъ, чѣмъ научной точностью. До настоящаго времени не существуетъ во Франціи серіозныхъ произведеній, въ которыхъ моральныя явленія были бы объективно изслѣдованы.

Что касается политической экономіи, то она болѣе, чѣмъ какая-либо иная наука, озабочена практическими интересами; понятіе естественныхъ законовъ «неизмѣнныхъ» и «благихъ» является по настоящее время составной частью научнаго бажа французскихъ ученыхъ, наравнѣ съ понятіемъ механической необходимости [2]). Философія французскихъ политико-экономовъ поражаетъ своей простотой, и что всего страннѣй, она окоится на тѣхъ-же принципахъ, какъ и философія ихъ проивниковъ-соціалистовъ.

Политическая экономія во Франціи страдаетъ не только злишкомъ историчности, сколько недостаткомъ ея; ей нужно братиться прежде всего къ исторіи, чтобы понять случайность

---

[1]) См. Révue de sociologie.

[2]) Въ предисловіи къ «Принципамъ политич. экономіи» Жида, авэръ резюмируетъ и критикуетъ ходячія экономическія понятія.

и относительность экономическихъ законовъ, болѣе психологическихъ, чѣмъ механическихъ, и связь различныхъ соціальныхъ явленій.

Недостатки частныхъ соціальныхъ наукъ, кажется, уравновѣшиваются развитіемъ общей соціологіи, которая во Франціи дѣлаетъ болѣе быстрый прогрессъ, чѣмъ въ Германіи. Она вноситъ то единство, которое недостаетъ отдѣльнымъ соціальнымъ наукамъ. Не представляетъ-ли она, на самомъ дѣлѣ, суммы всѣхъ частныхъ соціальныхъ наукъ? Но соціологія можетъ быть понята очень различно. Мы видѣли выше, что нѣмецкіе ученые, какъ Дильтей и Вагнеръ, относятся недовѣрчиво къ возможности построенія общей соціальной науки на манеръ Конта. Кажется, что подобное же недовѣріе начинаетъ развиваться и во Франціи.

Слышатся упреки, обращаемые противъ Конта, который хотѣлъ охватить одной формулой эволюцію человѣчества [1]). Указываютъ на неправильность и эмпирическій характеръ закона трехъ стадій. Со всѣхъ сторонъ раздается критика позитивнаго пониманія прогресса [2]). Законы эволюціи хотятъ замѣнить законами причинной зависимости. Соціологія стремится специализироваться и отдѣлиться отъ философіи исторіи.

Одни видятъ объектъ соціологіи въ соціальныхъ формахъ, независимо отъ цѣлей, къ которымъ стремятся общества. Армія, семья, общество акціонеровъ, какъ бы различно не было ихъ происхожденіе и ихъ цѣли, имѣютъ общія черты: извѣстную іерархію, взаимодѣйствіе, диференцировку, которые могутъ быть изучаемы отдѣльно.

Одинъ фактъ ассоціаціи производитъ на образующихъ ее людей специфическое воздѣйствіе. Экономическія, юридическія и нравственныя явленія подчинены вліянію соціальной среды. Мы можемъ выдѣлить различные роды соціальной среды, и наблюдать взаимодѣйствіе между средой и индивидомъ. Такимъ

---

[1]) Durkheim. Regles de la méthode sociologique 96.

[2]) Lacombe, Tarde, H Michel.

образомъ, мы получимъ науку, въ которой наблюденіе, классификація и объясненіе будутъ носить чисто соціологическій характеръ.

Другіе не удовлетворяются подобной, чисто формальной, соціологіей. Они указываютъ на то, что при подобномъ методѣ, соціальная наука не даетъ намъ причинъ явленій. Внутреннія отношенія семьи, арміи или общества акціонеровъ различны, и это различіе опредѣляется причинами, которыя мы должны искать въ душахъ людей. Соціологія не должна ограничиваться изученіемъ строенія общества, или даже вліянія этого строенія на индивидовъ; она должна, по возможности, открыть намъ причины этого строенія, объяснитъ какъ состояніе, такъ и движеніе обществъ. Однимъ словомъ, она должна изучать не только формы и результаты, но также причины соціальной жизни.

Переживаемую теперь соціологіей эволюцію можно сравнить съ эволюціей географіи, которая, какъ соціологія, стремится стать положительной наукой. Географія не довольствуется болѣе описаніемъ и классификаціей географическихъ формъ. Передъ ней открывается двойная задача: она старается открыть вліяніе, которое оказываетъ земля на человѣчество. Принимая, какъ данныя, извѣстныя формы земной поверхности, она методически изучаетъ непосредственное и посредственное вліяніе которое оказываютъ эти формы на историческіе факторы, воображеніе и волю людей [1]). Однимъ словомъ, она изучаетъ результаты географическихъ формъ. Но съ другой стороны, она хочетъ открыть причины этихъ формъ: для этого она обращается къ помощи геологіи. Геологія объясняетъ происхожденіе извѣстной дельты, присутствіе которой, въ свою очередь, объясняетъ происхожденіе и общее направленіе извѣстной цивилизаціи. Какъ географія должна обращаться къ геологіи, такъ соціологія, чтобы открыть причины историческихъ явленій, должна обращаться къ психологіи.

---

1) Rätzel. Antropogéographie. I. 1882.; II, 1891.

Но какъ можетъ соціологія, если она ищетъ объясненіе явленій въ психологіи, оставаться абстрактной наукой? Частныя соціальныя науки удовлетворяли этимъ требованіямъ, отыскивая специфическія, психологическія силы для каждой области соціальныхъ явленій. Онѣ избрали объектомъ своего изученія специфическую психическую силу, которая лежитъ въ основаніи извѣстной группы соціальныхъ явленій. Но гдѣ искать специальную психическую силу соціальныхъ явленій вообще? Чувство общественности, симпатія являются лишь однимъ изъ соціальныхъ факторовъ, быть можетъ, наименѣе существеннымъ. Люди соединяются въ общество для достиженія самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Соціологія не можетъ выбрать объектомъ своего изученія одинъ изъ двигателей, оставляя въ сторонѣ всѣ остальные двигатели, и положить эту классификацію въ основаніе объясненій соціальныхъ явленій. Она должна произвести синтезъ силъ, анализъ которыхъ совершаютъ отдѣльныя соціальныя науки. Соціологія не представляетъ такимъ образомъ одной изъ соціальныхъ наукъ рядомъ съ остальными, но является какъ бы завершеніемъ всѣхъ ихъ. Она служитъ философіей частныхъ соціальныхъ наукъ [1]).

Данное только что опредѣленіе соціологіи, ея задачъ и пріемовъ указываетъ на трудности ея построенія. Какъ можно различить и классифицировать психическія силы, скрытыя на днѣ души, силы, которыя никто еще не могъ раздѣлить? Какъ опредѣлить въ сложномъ соціальномъ явленіи, какая часть приходится на долю каждой частной силы? Конечно, задача соціолога немедленно потеряла бы всѣ свои трудности, если бы можно было отыскать одну господствующую психологическую силу.

Но зачѣмъ обманывать себя иллюзіями и скрывать отъ себя сложность дѣйствительности?

Сознаніе сложности задачи есть первый шагъ къ ея разрѣшенію.

---

[1]) Таковъ, кажется, взглядъ Лакомба, представляющій нѣкоторую аналогію съ опредѣленіемъ, даннымъ соціологіи де-Греефомъ.

III.

Вопросъ объ отношеніи соціальной теоріи и практики подымаетъ еще болѣе трудностей. Недавній споръ [1]) показалъ, сколько страстей возбуждаетъ этотъ вопросъ и сколько въ немъ скрывается недоразумѣній.

Французскіе соціологи иногда льстятъ себя увѣренностью, что они дали рѣшеніе, или вѣрнѣй рѣшенія, этого попроса. Задачи соціологіи—сближать человѣка практики съ человѣкомъ мысли [2]). Наука о нравственности должна примирить науку съ нравственностью. Но чтобы завоевать этотъ миръ, одни стараются сблизить двѣ названныя области, другіе—ихъ раздѣлить.

Существуетъ нѣсколько способовъ сближенія.

Въ ихъ союзѣ господство можетъ принадлежать то одной, то другой области. Такъ Берне ставитъ теорію въ зависимость отъ практики, Дюркгеймъ—практику въ зависимость отъ теоріи.

Берне полагаетъ, что новѣйшій прогрессъ соціологіи опредѣляется двумя причинами: одна изъ нихъ принадлежитъ къ области практики,—это развитіе народнаго правительства; другая—къ области теоріи,—это прогрессъ естествознанія. Эти двѣ силы вліяютъ на соціологію въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Первая побуждаетъ насъ преобразовывать внѣшній миръ и заставляетъ вѣрить въ силу идей; вторая—побуждаетъ насъ видѣть въ идеяхъ лишь новый родъ вещей и заставляетъ отрицать у индивида всякое право реформировать общество. Надо примирить идеализмъ и натурализмъ, и это примиреніе осуществимо путемъ соединенія теоріи съ практикой [3]). Соціальныя явленія носятъ характеръ внутреннихъ явленій. Конечно, къ нимъ принадлежатъ также внѣшнія явленія, но лишь по скольку они созданы посредствомъ внутреннихъ факторовъ и для нихъ. Такимъ образомъ, необходимо въ области

---

[1]) Revue des deux mondes, janvier 1895; Revue de Paris-fevrier. 1895

[2]) Bernes, Révue de méthaph. mars. 1895.

[3]) Les deux directions de la sociologie. 23.

соціологическихъ изысканій прибавить къ объективному методу, который разсматриваетъ вещи снаружи, методъ субъективный, которому доступна внутренняя сторона явленій. Соціальныя стоимости получаютъ смыслъ, лишь когда мы разсматриваемъ ихъ назначеніе, цѣль и идеалъ, которые и опредѣляютъ ихъ развитіе. Чтобы понять это идеальное назначеніе явленія, надо его «переживать». Мы не можемъ оставаться безстрастными наблюдателями соціальныхъ явленій, и еслибы мы и могли достигнуть идеала объективистовъ, то это лишь съузило бы наше пониманіе. Констатируя соціальное явленіе, мы его оцѣниваемъ. Желанія людей опредѣляютъ движенія общества; надо, слѣдовательно, желать, дѣйствовать, однимъ словомъ, жить, чтобы понять секретъ общественныхъ движеній. Надо свести науку къ жизни, которая представляетъ лучшую гарантію правильности всякаго научнаго анализа [1]).

Мы согласны съ г. Берне, когда онъ жалуется на смѣшеніе объективнаго изученія соціальныхъ явленій съ изученіемъ ихъ внѣшнихъ проявленій, и защищаетъ субъективный методъ; онъ доказываетъ этимъ лишь необходимость объясненія соціальныхъ явленій психологіей. Но вытекаетъ-ли отсюда необходимость смѣшенія теоріи съ практикой? Раньше мы спрашивали: можетъ-ли соціологія оставаться абстрактной наукой, становясь наукой психологической; теперь является новый вопросъ: какъ помирить требованія теоретичности съ требованіями психологіи. Несомнѣнно, чтобы толковать дѣйствія людей, мы должны воспроизвести, т. е. пережить въ насъ ихъ чувства, чтобы понять желанія другихъ людей, мы должны въ нѣкоторомъ родѣ раздѣлять ихъ желанія. Но нѣтъ-ли различія между активнымъ желаніемъ, стремящимся къ практическимъ цѣлямъ, и воспроизведеніемъ этого желанія, ввиду чисто теоретическихъ цѣлей? Въ первомъ случаѣ, мы оцѣниваемъ вещи независимо отъ ихъ истинности или неистинности. Во второмъ случаѣ, прибавляется еще новая оцѣнка; воспроизводя внутри

---

[1]) Révue de méthaphysique, mars. 1895.

себя какое-либо чувство, мы хотимъ знать, истинно оно или нѣтъ. Не правильно-ли будетъ въ моментъ этой теоретической оцѣнки абстрагировать наши сужденія отъ ихъ полезности и нравственной стоимости? Какое научное значеніе будутъ имѣть наши сужденія, если мы будемъ видѣть «высшую гарантію» ихъ правильности въ требованіяхъ практики? Не значитъ-ли это, что мы должны опредѣлять наши сужденія по нашимъ желаніямъ и мѣрить истину аршиномъ пользы и нравственности? Не долженъ-ли ученый высказывать истину, каковы-бы ни были ея практическія послѣдствія? И не показываетъ-ли опытъ, что безкорыстное розысканіе истины является въ то же время лучшимъ путемъ для служенія общественной пользѣ и нравственности?

Мы согласны, такимъ образомъ, съ Дюркгеймомъ, когда онъ настаиваетъ на необходимости систематическаго удаленія всякаго сентиментализма изъ научнаго изслѣдованія. Онъ протестуетъ противъ вліянія искусства на науку, вліянія, которое облегчается уже тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ практика предшествуетъ теоріи. Искусство рождается раньше науки, хотя наука являетя его цѣлью. Дюркгеймъ согласенъ, что соціальная наука не оправдывала бы затрачиваемаго на нее времени, если бы она не приносила пользы [1]). Если онъ требуетъ отдѣленія искусства отъ науки, то лишь для того, чтобы потомъ ихъ лучше соединить. Искусство должно имѣть научное основаніе. Такимъ образомъ, исчезнетъ пропасть между человѣческимъ разумомъ и практикой, пропасть, на которую мистики указываютъ, какъ на признакъ помощи нашего разума. Все для жизни, но все съ помощью науки. Пусть только дадутъ наукѣ свободу и спокойствіе въ ея лабораторіяхъ: она скоро будетъ управлять обществомъ.

Мы встрѣчаемся такимъ образомъ съ основной идеей Конта, идеей, которая проходитъ красной нитью, какъ черезъ его первые, такъ и черезъ его послѣдніе труды. Великая про-

[1]) Regles de la méthode sociologique. Préface.

блема соціальной реорганизаціи является для него по существу теоретическимъ вопросомъ. Подъ теоріей онъ разумѣлъ, конечно, не безпочвенныя спекуляціи, но науку, опирающуюся на наблюденіе и опытъ. Точно также Дюркгеймъ называя себя раціоналистомъ, не полагаетъ, что люди должны согласовать свои дѣйствія съ апріорными принципами разума, но съ объективными законами, открытыми опытной наукой. Спекуляція даетъ лишь неопредѣленныя и неполныя теоріи. Только наблюденіе можетъ открыть причинную зависимость между явленіями и дать основаніе для практической дѣятельности.

Мы предвидимъ, что изложенный взглядъ на задачи науки встрѣтитъ возраженія. Опытъ показалъ, что самые разнообразные рецепты могутъ быть предложены во имя науки. Въ противоположность тому, что можно было-бы ожидать, часто легче согласиться съ предложеніями, дѣлаемыми во имя спекуляціи, чѣмъ съ тѣми, которыя дѣлаются отъ имени опытной науки. Во имя факта одни требуютъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ соціальную жизнь, другіе — чтобы оно сконцентрировало въ своихъ рукахъ всѣ соціальныя функціи. Одни видятъ патологическое явленіе въ возрожденіи религіи, другіе—-въ ея упадкѣ. Съ другой стороны извѣстно, къ чему ведетъ привычка заключать о правѣ изъ факта. Плохо понятый эволюціонизмъ, поэтому, наиболѣе опасенъ для морали. Онъ представилъ борьбу за существованіе, какъ фактъ; многіе приняли этотъ фактъ за долгъ. Отсюда нѣкоторое недовѣріе къ наукѣ со стороны морали.

Но эти замѣчанія не касаются существа дѣла.

Дюркгеймъ могъ бы возразить, что ошибки науки указываютъ лишь на необходимость ея усовершенствованія. Она не должна заключать изъ одного факта существованія борьбы, о томъ, что борьба является нашей нравственной обязанностью. Она должна предварительно отыскать норму; но норма не является разъ навсегда установившимся фактомъ [1]. Каждый

[1]) Régle etc. Chapitre III.

видъ животныхъ имѣетъ свою норму. Даже болѣе, норма мѣняется для каждаго момента жизни. Поэтому, если мы хотимъ опредѣлить путемъ опыта то, что нормально для общества, мы должны остерегаться дѣлать заключенія изъ фактовъ, наблюдаемыхъ въ біологіи. Мы должны опредѣлить норму для даннаго вида общества, т. е. средній типъ для даннаго общества въ данный историческій моментъ. Такимъ образомъ, опытная наука съ помощью метода среднихъ величинъ даетъ не неопредѣленные примѣры, выхваченные случайно изъ историческихъ событій, но точный указатель моральнаго закона для даннаго общества.

Прежде всего является вопросъ, можно ли опредѣлить путемъ указаннаго чисто внѣшняго пріема норму для даннаго общества. Уже Курно (Cournot) указывалъ на неудобства подобнаго метода. Если мы пытаемся установить норму посредствомъ метода среднихъ величинъ, мы рискуемъ получить лишь очень неопредѣленное понятіе, обладающее всѣми недостатками общихъ идей и не приложимое къ частнымъ случаямъ. Если мы вспомнимъ, что число индивидовъ, образующихъ данный видъ общества, ограничено, что границы общества неопредѣленны и расплывчаты, что данный видъ общества является въ своемъ родѣ единственнымъ экземпляромъ, который никогда не повторялся и, быть можетъ, никогда не повторится въ исторіи, то мы поймемъ, какъ трудно опредѣлить, что для даннаго общества или индивида нормально или ненормально [1]).

Предположимъ, однако, что намъ удалось опредѣлить норму, значитъ ли это, что мы опредѣлили наши дѣйствія? Развѣ нормальность факта дѣлаетъ его желательнымъ? Не значило ли бы это опредѣлять долгъ однимъ фактомъ существованія? Конечно, для обычнаго «здраваго смысла» фактъ существованія служитъ также мотивомъ дѣйствія. «Это всѣ дѣлаютъ» говорятъ обыкновенно въ такомъ случаѣ. Но эта формула есть выраженіе извѣстнаго соціальнаго идеала, именно уваженія

1) Révue de la méthaph. Septembre. 1894. Статья Brunschwig'a.

передъ общественнымъ мнѣніемъ, уваженіе, которое предшествуетъ наукѣ, а не является ея результатомъ. Сверхъ того, Зиммель показалъ намъ, что отсутствіе факта является мотивомъ нашего желанія, точно также, какъ и его присутствіе: мы желаемъ то, что есть, потому что оно есть, какъ-то, чего нѣтъ, потому что его нѣтъ. Собственно говоря, если мы стараемся устранить или воспроизвести извѣстный фактъ, то это происходитъ не потому, что онъ фактъ, а потому, что онъ соотвѣтствуетъ или находится въ противорѣчіи съ нашимъ желаніемъ. Эта мысль проскальзываетъ и у. Дюркгейма, когда онъ утверждаетъ, что общества также, какъ индивиды, стремятся къ здоровой жизни [1]); лишь это стремленіе оправдываетъ поиски нормальнаго. Нормальный типъ заключаетъ въ себѣ совокупность условій существованія индивида или общества.

Но развѣ всѣ эти условія являются равно объектомъ нашего желанія? Между ними нѣкоторыя полезны; другія только необходимы; можно сказать, что послѣднія ни на что не нужны, но существуютъ потому, что не могутъ не существовать [2]). Такимъ образомъ, понятіе нормальнаго включаетъ въ себя какъ понятіе пользы, такъ и понятіе необходимости. Существуютъ полезныя вещи, которыя ненормальны, какъ существуютъ нормальныя вещи, которыя не полезны, но только необходимы. Но развѣ мы одинаково преслѣдуемъ оба элемента, образующіе норму? Должны-ли мы желать или не желать вещей, которыя совершаются съ механической необходимостью? Не будетъ-ли противорѣчіемъ доказывать съ точки зрѣнія науки, что вещь неизбѣжна, а съ точки зрѣнія морали, что мы должны стремиться къ ней, какъ будто въ нашей власти избѣжать ее или приблизить? Но если въ нихъ нѣтъ механической необходимости, мы употребляемъ всѣ наши усилія, чтобы избѣжать ихъ. Мы ихъ предвидимъ, но лишь для того, чтобы ихъ устранить. Если извѣстныя нормальныя функціи

---

1) Regle de la méthode Sociologique 61.

logique 62—73.

сопровождаются чувствомъ боли, если, напримѣръ, смерть есть, какъ полагаетъ Дюркгеймъ, нормальное явленіе, то цѣль медицины заключается въ борьбѣ не только противъ ненормальнаго и патологическаго, но также противъ нормальнаго, противъ здоровья, потому что она употребляетъ всѣ усилія для смягченія естественныхъ болей и для возможнаго удаленія смерти. Тоже можно сказать относительно соціальныхъ явленій. Какъ бы ни нормально было съ точки зрѣнія Дюркгейма преступленіе, мы употребляемъ всѣ усилія для борьбы съ нимъ, разъ мы его считаемъ вреднымъ и безнравственнымъ явленіемъ; такимъ образомъ, норма не опредѣляетъ нашего идеала. Съ другой стороны, если мы стремимся къ вещамъ, одновременно нормальнымъ и полезнымъ, то лишь потому, что онѣ полезны; будь онѣ ненормальны, мы искали бы ихъ не меньше.—«Въ этомъ и заключается наша ошибка», говоритъ Дюркгеймъ. Можетъ быть; но, во первыхъ, желать—не значитъ мочь; а во вторыхъ, что можетъ сдѣлать опытная наука, противъ всеобщаго факта, который мы тоже можемъ назвать нормальнымъ, именно факта, что мы всегда стремимся улучшить самую норму? Дюркгеймъ говоритъ, что прежде, чѣмъ ее улучшать, нужно ее знать. Лишь опираясь на науку, мы можемъ опередить ея показанія. Конечно, но что заставляетъ насъ искать чего-то новаго, лежащаго внѣ науки? Всякое стремленіе къ улучшенію предполагаетъ существованіе не только дѣйствительности, но и идеала. Этотъ идеалъ, продолжаетъ Дюркгеймъ, ымъ данъ вашимъ чувствомъ, которое является простымъ фактомъ [1]). Мы не отрицаемъ, что чувство представляетъ фактъ, это психологическій фактъ, или фактъ въ идеѣ. Идеалъ— о дѣйствительность, которая ждетъ своего осуществленія. На ыкѣ телеологіи—это есть цѣль.

Наши цѣли являются мѣриломъ стоимости вещей. Измѣняются цѣли—и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется вся іерархія стоимостей. Если я высказываюсь за или противъ раздѣленія

---

[1]) Division du travail. Preface. p. IV.

труда, то не потому, что вижу въ немъ нормальный фактъ, но потому, что онъ соотвѣтствуетъ или противорѣчитъ преслѣдуемой мною цѣли: совершенства индивида или общества. Наука можетъ констатировать эти цѣли, но не она даетъ имъ стоимость;—она не можетъ поэтому опредѣлить нашего выбора.

Таково заключеніе, къ которому приходятъ многіе соціологи, принадлежащіе къ разнообразнымъ школамъ. Сколько бы соціальный человѣкъ не пріобрѣталъ знаній, говоритъ Тардъ, его желанія, а слѣдовательно—его долгъ, будутъ всегда оставаться и при томъ въ возрастающей прогрессіи внѣ сферы дѣйствія его знанія. Даже всевѣдущій разумъ былъ бы принужденъ обратиться къ своему сердцу, чтобы узнать свою цѣль. Большая часть практическихъ силлогизмовъ, которыми опредѣляется наше поведеніе, имѣютъ въ основаніи какое-либо плохо сознанное желаніе, традиціонное вѣрованіе, или личное убѣжденіе; наука можетъ ихъ открыть, но не судить [1]). Съ своей стороны Г. Эспинасъ разграничиваетъ искусство отъ науки. Только искусство ставитъ цѣли и указываетъ средства ихъ достиженія. Простое констатированіе фактовъ не указываетъ еще нашихъ цѣлей. Мнѣніе, по которому достаточно опредѣлить направленіе дѣйствительной эволюціи, чтобы указать наши цѣли, глубоко ошибочно. Мы можемъ направить всѣ наши усилія на борьбу съ естественной эволюціей. Чѣмъ опредѣляется завтрашній день? Нашими желаніями, вѣрованіями и любовью [2]).

Слѣдуетъ-ли изъ всего сказаннаго, что мы должны безусловно отдѣлить науку отъ искусства? Этотъ выводъ былъ бы еще болѣе ошибоченъ и опасенъ, чѣмъ смѣшеніе теоріи съ практикой.

Прежде всего, предположивъ даже, что наука не можетъ вліять на постановку цѣлей, она можетъ указывать намъ средства для ихъ осуществленія. Правда, что это утвержде-

---

[1]) Logique sociale. 217. Transformation du droit. 103.

[2]) Prémiere leçon du cours d'histoire d'economie sociale dans la Revue de sociologie, mai 1894.

ніе нѣкоторыми оспаривается. Дюркгеймъ [1]), чтобы поднять авторитетъ науки, доказываетъ, что послѣдовательный скептицизмъ долженъ отрицать за наукой всякое практическое значеніе. Если она не опредѣляетъ цѣлей, она не можетъ опредѣлять и средствъ, потому что средства тоже являются цѣлью. Эспинасъ замѣчаетъ [2]), что выборъ средствъ опредѣляется характеромъ цѣли. Хотя эти замѣчанія имѣютъ долю справедливости, тѣмъ не менѣе разъ поставлены цѣли, выборъ средствъ зависитъ отъ науки. Въ самомъ дѣлѣ, если мы колеблемся при выборѣ средствъ, то это объясняется вмѣшательствомъ новыхъ цѣлей. Мы стараемся примирить наши средства съ новыми цѣлями. Такъ, напримѣръ, если я преслѣдую какую-нибудь экономическую цѣль, наука указываетъ мнѣ подходящія средства. Тѣмъ не менѣе, я колеблюсь, потому что въ моемъ представленіи является нравственная цѣль и производитъ сужденіе надъ указаннымъ наукой средствомъ. Это, однако, не опровергаетъ утвержденія, что только наука можетъ указать средства, пригодныя для достиженія цѣли. Если я хочу реализироватъ цѣль, я долженъ знать средства, предлагаемыя природой или обществомъ; наука и даетъ намъ это знаніе.

Впрочемъ, ошибочно было бы думать, что наука не оказываетъ никакого вліянія на постановку самихъ цѣлей. Это вліяніе существуетъ. Конечно, цѣли не диктуются непосредственно знаніемъ дѣйствительности. Но наши знанія, какъ наши чувства, могутъ воздѣйствовать на наши цѣли. Расширяя умственный горизонтъ, наука постоянно возбуждаетъ наше сознаніе и заставляетъ его снова и снова ставить передъ собой проблемы морали. Но все-таки послѣднее слово принадлежитъ не наукѣ. Наука доставляетъ намъ лишь матеріалъ для нравственныхъ сужденій. Но откуда мы беремъ норму? Если мы не удовлетворяемся критеріемъ, который находимъ въ субъективномъ чувствѣ, не должны-ли мы обратиться

[1]) Regle de la méthode sociolog. 60.

[2]) Въ статьѣ, цитированной выше.

къ метафизикѣ? Только метафизика можетъ судить научныя знанія и, сводя ихъ къ ихъ принципамъ, формулировать практическія правила.

Такимъ образомъ, если наука хочетъ изгнать изъ себя всякую метафизику, — на что она имѣетъ полное право—она должна остерегаться превращать въ практическія правила простую причинную зависимость, смѣшивая научный законъ съ закономъ нравственности.

Конечно, это правило трудно осуществимо на практикѣ; трудно отказаться отъ оцѣнки фактовъ, которые такъ близко насъ касаются. Резюмируя теорію Зиммеля, мы показали, какъ трудно для соціальныхъ наукъ ограничивать себя исключительно рамками теоріи.

Съ другой стороны, мы уже знаемъ, какъ трудно соціальной наукѣ сохранить абстрактный характеръ, если она стремится стать психологической наукой. Цѣль, которую мы преслѣдовали, при сравненіи нѣмецкой и французской соціальной науки, и была, именно,—указать на эти трудности.

Но пониманіе трудностей науки есть первый шагъ на пути къ ихъ разрѣшенію

